Каменевъ

ОБЪ А.И.Герценѣ и Н.Г.Чернышевскомъ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 141
0143

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227-42.
БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Книга 22-я.

ЕН141
О143Ж

Ю. Каменевъ.

Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ.

Цѣна 1 руб.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“

Петроградъ, фонтанка, 38, кв. 19. Тел. 227-42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Кн. 1-я. **И. П. Покровскій.** Членъ Гос. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ (1901—1910) . . . . 1 р. 50 к.

Кн. 2-я. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Перев. *Е.* и *И. Леонтьевыхъ*. Ч. I. Отъ Платона до Анабаптистовъ. Ч. II. Отъ Томаса Мора до кануна великой революціи. За обѣ части 2 „ 50 „

Кн. 3-я. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи . 1 „ — „

Кн. 4-я. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ I. (Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи). 4-е дополн. изд. Съ прилож. статей: 1. О принципіальныхъ основахъ аграрной программы. 2. Моимъ критикамъ . . . . 2 „ 50 „

Кн. 5. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе 3 „ — „

Кн. 6-я. **Петръ Масловъ.** Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата . . . . . 2 „ — „

Кн. 7-я. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства . . . . 2 „ — „

Кн. 8-я. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства . . . . . 3 „ 50 „

Кн. 9-я. **А. М. Коллонтай.** Страхованіе материнства. Томъ 2. 1) Частное страхованіе материнства. 2) Исторія движенія въ пользу обезпеченія материнства. (Печатается.)

Кн. 10-я. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисловіемъ *Г. В. Плеханова* . . . 3 „ — „

Кн. 11-я. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ . . . 2 „ — „

Кн. 12-я. **Мих. Невѣдомскій.** Зачинатели и продолжатели . . . 2 „ — „

Кн. 13-я. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ . 2 „

Кн. 14-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ . . . . . 1 „

Кн. 15-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества . . . . . 1 „

Кн. 16-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль . . . 1 „

Кн. 17-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ . . . 1 „

Кн. 18-я. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ . 1 „

Кн. 19-я. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго *И.* и *Е. Леонтьевыхъ* . . . . . 1 „

Кн. 20-я. **Прудонъ.** Что такое собственность. Переводъ съ нѣмецкаго *И.* и *Е. Леонтьевыхъ* . . . . . 1 „

Кн. 21-я. Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣчаніями и приложеніями *Ф. Меринга* . . . . . 1 „

Кн. 22-я. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ . . . . . 1 „

Кн. 23-я. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи . . . . . — „

Кн. 24-я. **К. Тахтаревъ.** Соціологія какъ наука . . . . . 1 „

Кн. 25-я. **Ю. Каменевъ.** Система финансоваго капитала . . . 1 „

Кн. 26-я. **М. С. Александровъ.** Три года въ одиночной тюрьмѣ . 2 „

Кн. 27-я. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи . . . . . 1 „

Кн. 28-я. **В. П. Милютинъ.** Сельско-хозяйственные рабочіе и война . . . . . 1 „

Кн. 29-я. **В. П. Ногинъ.** На полюсѣ холода . . . . . 2 „

2 X 1916.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ. Фонтанка, д. 38, кв. 19. Телеф. 227-42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Книга 22-я.

ЕН 141
О 143

Ю. Каменевъ.

Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

1916.

Ж

К.

ЕН141
О 143

Дозволено воен. цензурой. Петроградъ, 24 февр. 1916 г. за № 1433.

Институт В. И. Ленина
№ (842)
БИБЛИОТЕКА

сф
4453

(25) ~~4058 с.1~~

1058382

Типографія „Печатный Трудъ", Прачешный пер., № 4, уг. Мойки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

О русскомъ мессіанизмѣ 5

А. И. Герценъ и нѣмецкіе демократы послѣ 1848 г. 18

I. Рейнгольдъ Зольгеръ. 18

II. Герценъ въ журналѣ нѣмецкихъ демократовъ . 41

Герценъ, Чернышевскій и 19 февраля 83

I. Либеральныя схемы, народничество и Чернышевскій. 83

II. А. Герценъ. 93

Либерализмъ и демократія 106

III. Н. Г. Чернышевскій 106

Письма Чернышевскаго 127

О русскомъ мессіанизмѣ.

(Вмѣсто предисловія).

Въ прошломъ году исполнилось 45 лѣтъ со дня смерти А. И. Герцена, а въ этомъ году истекаетъ 25-лѣтіе со дня смерти Н. Г. Чернышевскаго. Въ предлагаемыхъ читателю статьяхъ сдѣлана попытка напомнить о нѣкоторыхъ чертахъ литературно-политической дѣятельности обоихъ.

48-ой годъ въ Европѣ и 61-ый годъ въ Россіи и для Герцена и для Чернышевскаго являются главнѣйшими, опредѣляющими датами ихъ идейнаго развитія. Оба они исходили въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ изъ того опыта, который принесъ цивилизованному человѣчеству великій сдвигъ 48-го года, жили и мыслили въ атмосферѣ того умственнаго броженія, которое съ нимъ было связано. И оба же употребили лучшія свои силы на рѣшеніе того практическаго вопроса, который вылился въ реформу 61-го г. Что вынесли Герценъ и Чернышевскій изъ европейскихъ событій 48 г. и какъ подходили они къ рѣшенію русской задачи, такъ или иначе рѣшенной въ 61 г.?—въ этомъ узловыя точки идейной біографіи того и другого.

Герценъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ движенія 48 г. и активнымъ участникомъ вызваннаго имъ

идейнаго движенія въ средѣ западно-европейской демократіи; Чернышевскій былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ и активнымъ участникомъ движенія, приведшаго къ реформѣ 61 г.

Вотъ почему въ этомъ сборникѣ соединены очерки о позиціи Герцена среди европейскихъ (главнымъ образомъ, нѣмецкихъ) демократовъ послѣ 48-го г. и объ его и Чернышевскаго позиціи въ дѣлѣ крестьянской реформы въ Россіи. (Къ этимъ очеркамъ добавленъ откликъ на опубликованіе сибирской переписки Чернышевскаго).

Извѣстно, что въ обоихъ указанныхъ пунктахъ—и въ отношеніи къ событіямъ 48 г. и въ отношеніи къ событію 61 г.—Герценъ и Чернышевскій далеко разошлись другъ съ другомъ.

Оба воспитавшіеся на Гегелѣ и Фейербахѣ, учившіеся у французскихъ соціалистовъ-утопистовъ, основатель „вольнаго русскаго станка“ заграницей и авторъ одного изъ первыхъ безцензурныхъ народныхъ изданій въ Россіи, эмигрантъ и ссыльный,—Чернышевскій и Герценъ представляли различныя группы русскаго общества и неизбѣжно должны были враждебно столкнуться въ кардинальнѣйшихъ вопросахъ теоріи и практики.

Но былъ одинъ пунктъ, въ которомъ холодная логика Чернышевскаго близко подходила къ разгоряченной, почти религіознаго типа, вѣрѣ Герцена и который позволяетъ ставить ихъ рядомъ въ исторію русской мысли, какъ родоначальниковъ одного, до сихъ поръ не изжитаго идейнаго движенія.

Это—мечта о самобытныхъ путяхъ развитія Россіи, о „новомъ словѣ“, котораго надо ждать отъ нея, о своемъ, собственномъ, русскомъ отвѣтѣ на крикащія противорѣчія европейской цивилизаціи. Русскій

мессіанизмъ у Герцена былъ вспоенъ разочарованіями 48-го г., потерей вѣры въ лозунги и въ силу европейской мѣщанской демократіи, отчаяніемъ въ „канонизированномъ человѣчествѣ и единой спасающей церкви западной цивилизаціи". Онъ былъ для него путемъ „спасенія", послѣднимъ прибѣжищемъ отъ индивидуализма, послѣднимъ оплотомъ для вѣры въ осуществимость его идеаловъ.

Чернышевскій былъ человѣкомъ совсѣмъ другого психологическаго склада: мистическія вѣрованія и чаянія никогда и ни въ какой формѣ не имѣли надъ нимъ ни малѣйшей власти. Для него неспособность русскаго народа выработать свой, своеобразный отвѣтъ на противорѣчія капиталистической культуры Европы была только одной изъ возможностей, которую требовалось доказать строго-раціоналистическимъ путемъ на основаніи изученія хода хозяйственнаго развитія Россіи.

Какъ бы тамъ ни было, объективный смыслъ русскаго мессіанизма Герцена и его элементовъ у Чернышевскаго совершенно ясенъ. Это была апелляція отъ ожесточенной классовой борьбы Европы, отъ ея торжествующей буржуазной культуры, растоптавшей свои собственные освободительные лозунги, отъ воцарившейся въ ней и, казалось, безысходной „соціальной антропофагіи" къ принципамъ соціальной справедливости, продолжавшимъ, казалось, жить во внутреннемъ укладѣ русскаго сельскаго „міра", къ патріархальнымъ „добродѣтелямъ" отсталой крестьянской страны.

Соціально-политическая отсталость Россіи, патріархальный укладъ ея крестьянскаго „міра" явились—для Герцена послѣднимъ оплотомъ его высокаго соціальнаго идеала, для Чернышевскаго—одной изъ возможныхъ исходныхъ точекъ для преодолѣнія капитализма, и буржуазной культуры.

Процессъ, приведшій Герцена къ русскому мессіанизму, совершенно ясенъ, и въ него стоитъ всмотрѣться, чтобы тѣмъ яснѣе представить себѣ, какъ идейно обнищала и превратилась въ собственную противоположность мысль Герцена въ рукахъ современныхъ проповѣдниковъ русскаго мессіанизма, неославянофиловъ, Булгаковыхъ, Бердяевыхъ, Трубецкихъ, Эрновъ и Струве, какъ то, что было нѣкогда трагедіей издателя „Полярной Звѣзды“ и „Колокола“ превратилось нынѣ въ жалкую комедію обмана и самообмана на страницахъ имперіалистской „Русской Мысли“ и уличныхъ барабанщиковъ имперіализма.

Трагедія, пережитая послѣ 48-го г. Герценомъ, имѣетъ много общаго съ той трагедіей, которую должны были пережить искреннѣйшіе защитники общечеловѣческихъ демократическихъ идеаловъ въ 1914 г. Подъ впечатлѣніемъ разгрома демократическихъ идеаловъ, измѣнъ, ошибокъ, безсилія буржуазныхъ демократовъ и демократическихъ республиканцевъ, подъ грузомъ обманутыхъ надеждъ Герценъ разочаровался тогда не въ своей „программѣ“, не въ ея законности и практичности, а лишь въ одномъ—въ неизбѣжности ея воплощенія въ жизнь, въ наличіи среди современнаго ему общества тѣхъ силъ, которыя могли бы, хотѣли бы и имѣли бы силы навязать ее исторіи.

„Гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?“—этотъ вопросъ Герцена былъ самымъ серіознымъ, самымъ глубокимъ, самымъ законнымъ плодомъ той обширной „литературы крушенія“, которая была создана послѣ 48 г. и въ ряду которой „Съ того берега“ было только одной изъ наиболѣе блестящихъ страницъ.

Съ 1914 г. мысль міровой демократіи вновь вступила въ подобную же полосу, и мы уже видѣли пер-

выя жертвы новой „эпохи крушенія“, жертвы неумѣнія отвѣтить на старый Герценовскій вопросъ, ростки новой школы „гробокопателей и кладбищенскихъ проповѣдниковъ“. Какъ послѣ іюньскихъ дней 48 г., такъ и послѣ августовскихъ дней 914-го,—естественъ и неизбѣженъ вопросъ: не погибли ли въ ходѣ событій наши идеалы? не поставленъ ли крестъ надъ тѣми силами, которыя для насъ являлись ихъ носителями и неизбѣжно - побѣдоносными проводниками. Правда, мысль міровой демократіи теперь гораздо лучше вооружена, чѣмъ во время Герцена, у нея въ рукахъ тотъ методъ изслѣдованія историческихъ судебъ, котораго не было у Герцена и который предохранитъ ее и отъ „кладбищенскаго“ пессимизма и отъ безплоднаго скептицизма и отъ унылаго индивидуализма людей, пережившихъ крушеніе своихъ надеждъ въ 48 г. Но и теперь, для того, чтобы расчистить себѣ дорогу, чтобы вновь найти свою поколебленную увѣренность въ себѣ, міровая демократія должна вновь преодолѣть герценовскій вопросъ о томъ, гдѣ же лежитъ необходимость, чтобы будущее „разыгрывало“ нашу программу.

Въ томъ, что Герценъ именно такъ поставилъ вопросъ, что онъ заговорилъ о „необходимости“,—заключается его великая заслуга передъ исторіей демократической мысли Европы, свидѣтельство его громаднаго превосходства надъ уровнемъ мѣщанскихъ, не критическихъ демократовъ его эпохи.

Но правильно поставивъ вопросъ, Герценъ не нашелъ на него отвѣта. Онъ не нашелъ въ Европѣ той „необходимости“ воплощенія своихъ идеаловъ свободы и соціальной справедливости, которую искалъ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ 48 г. Герценъ все еще спрашивалъ:

„Посмотрите кругомъ, что въ состояніи одушевить лица, поднять народы, поколебать массы: религія ли папы..., или религія безъ папы, съ ея догматомъ воздержанія отъ пива въ субботній день? Ариѳметическій ли пантеизмъ всеобщей подачи голосовъ, суевѣріе ли въ республику, или суевѣріе въ парламентскія реформы?..“ И отвѣчалъ: „Нѣтъ и нѣтъ; все это блѣднѣетъ, старѣетъ и укладывается, какъ нѣкогда боги Олимпа укладывались, когда они съѣзжали съ неба, вытѣсняемые новыми соперниками. Только на бѣду ихъ нѣтъ у нашихъ потерпѣвшихъ кумировъ...“

У буржуазной европейской цивилизаціи нѣтъ соперниковъ, есть только наслѣдникъ, и этотъ наслѣдникъ — мѣщанство, застой, „китайскій муравейникъ“—таковъ выводъ Герцена.

„Существуютъ ли всходы новой силы, которыя могли бы обновить старую кровь, есть ли подсѣды и здоровые ростки, чтобы прорасти измельчавшуюся траву (буржуазной цивилизаціи)?“—вновь спрашивалъ Герценъ и отвѣчалъ полнымъ безнадежности отказомъ теоретически разрѣшить этотъ вопросъ. Но, можетъ быть, вопросъ, неразрѣшимый теоретически, разрѣшается практически? „Праваго между голоднымъ и сытымъ найти не мудрено,—отвѣчалъ Герценъ,—но это ни къ чему не ведетъ“.

И въ крестьянскихъ войнахъ Германіи народъ былъ правъ противъ феодаловъ, и въ 1848 г. во Франціи демократія была права противъ буржуазіи, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ былъ побитъ... Той „необходимости“, которая заставила бы будущее разыграть нашу программу, въ Европѣ Герценъ не нашелъ.

Оставалось обратиться къ Россіи. Это обращеніе

неизбѣжно вводило въ построенія Герцена элементы мистической вѣры и идеализаціи россійской отсталости. Мало того. Столь же неизбѣжно оно приводило Герцена къ ряду прямо реакціонныхъ выводовъ въ вопросахъ конкретной россійской политики [1]).

Получалась внутренно-противорѣчивая постройка, въ которой общечеловѣческій идеалъ соціальной справедливости, почерпнутый изъ результатовъ умственной работы передовыхъ странъ, опирался на экономику и психологію отсталыхъ и обреченныхъ умиранію аграрныхъ отношеній. Только своеобразное положеніе россійской демократической интеллигенціи позволило подобной идеологіи послужить тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ въ извѣстный историческій періодъ происходила мобилизація ея силъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось невозможнымъ мирное сожительство въ единой идейной схемѣ элементовъ западно-европейскаго соціализма съ апологіей отсталыхъ соціальныхъ отношеній Востока; чѣмъ дальше, тѣмъ больше герценовскій „мессіанизмъ", въ которомъ первый опирался на второе, терялъ свою притягательную силу для какой бы то ни было общественной группы. Противорѣчивые элементы подобнаго мессіанизма должны были вступить въ борьбу между собой, т.-е. стать идейнымъ знаменемъ противоположныхъ общественныхъ слоевъ.

Европеизація Россіи создала классъ, который обѣими ногами стоитъ на почвѣ обще-европейской культуры и на который исторіей возложено осуществить

---

[1]) На реакціонныхъ элементахъ герценовской практической политики, обусловленныхъ его мессіанизмомъ, я подробнѣе останавливаюсь во второй статьѣ этого сборника и, поэтому, здѣсь только отмѣчаю ихъ неизбѣжность даже въ самой либеральной системѣ русскаго мессіанизма.

конечные идеалы Герцена, тѣ идеалы, въ которыхъ онъ самъ являлся лишь ученикомъ Европы.

Въ рукахъ этого класса эти идеалы разъ навсегда потеряли всякую связь съ идеями „мессіанизма", переросли и все больше перерастаютъ всякія національныя рамки и объявляютъ рѣшительную борьбу всякой реакціонной романтикѣ, всегда опирающейся на апологію отсталыхъ формъ хозяйственной жизни.

Рядомъ съ этимъ и гораздо болѣе быстрымъ темпомъ шло перерожденіе мессіаническихъ элементовъ идеологіи. Тотъ бытовой укладъ до-капиталистической Россіи, который Герценъ хотѣлъ оплодотворить идеалами, выработанными провозвѣстниками соціализма въ борьбѣ съ капиталистической культурой Запада, та примитивность общественныхъ отношеній, которая казалась ему кратчайшимъ путемъ достиженія этого идеала и которую онъ цѣнилъ именно съ этой и только съ этой точки зрѣнія,—превратилась сначала въ самоцѣнность—безо всякаго отношенія къ герценовскому конечному идеалу,—а затѣмъ и въ прямое орудіе рѣшительной борьбы съ этимъ идеаломъ.

Уже у Толстого въ его великой эпопеѣ о столкновеніи Россіи съ Западомъ примитивная стадность и воспитанная ею психологія безличности,—Платонъ Каратаевъ, — противопоставлены раціоналистической и индивидуалистической культурѣ Запада какъ нѣкое высшее достиженіе, какъ уже данное, самоцѣнное рѣшеніе противорѣчій и загадокъ исторической жизни. У Достоевскаго это противопоставленіе переходитъ уже въ бунтъ, въ возстаніе противъ конечныхъ идеаловъ западно-европейской культуры: если у Герцена русскій мессіанизмъ былъ только путемъ, средствомъ осуществленія соціалистическихъ началъ, то у Достоевскаго весь его мессіаническій жаръ направленъ

именно противъ этихъ началъ, продиктованъ яростной ненавистью къ этимъ началамъ, какъ къ самому яркому цвѣтку всей европейской культуры. Въ мессіанизмѣ Достоевскаго концентрированная азіатчина возстаетъ и пытается проглотить концентрированный—въ идеалахъ соціализма—европеизмъ. Уже въ публицистикѣ Достоевскаго этой концентрированной азіатчинѣ предписываются активныя, наступательныя задачи. Но эпоха Достоевскаго была еще мало подготовлена къ осуществленію во внѣ задачъ, поставленныхъ имъ передъ русскимъ мессіанизмомъ. Внутреннія задачи мессіанистовъ брали верхъ надъ задачами внѣшними. Свою политическую форму мессіанизмъ находилъ тогда въ охраненіи того, что есть, въ стремленіи обезопасить себя отъ западной заразы.

Больше всего боялся онъ соприкосновенія съ Западомъ, поэтому не особенно увлекался наступательными задачами и больше всего мечталъ о томъ, какъ бы „подморозить“ Россію, чтобы не взошла она на европейскихъ дрожжахъ. Кровная связь этой идеологіи съ съ помѣщичьей Русью, съ ея попытками удержать свое господство, опираясь на соціально-отсталыя отношенія въ деревнѣ и мобилизуя всѣ тѣ навыки рабства, смиренія и безличности, которые были воспитаны вѣковой исторіей деревни,—ясна. Если эта помѣщичья Русь 70-ыхъ и 80-ыхъ гг. и предавалась иногда мечтаніямъ о своихъ міровыхъ задачахъ, то—практически больше всего она была озабочена тѣмъ, чтобы охранить свой провинціализмъ, свою внутреннюю азіатчину отъ наплыва западно-европейскихъ понятій и отношеній, неуклонно прокладывавшихъ себѣ путь съ каждой верстой желѣзной дороги, съ каждымъ кулемъ проданнаго на европейскіе рынки хлѣба.

И только теперь, въ наши дни, идеи Достоевскаго получаютъ свою, соотвѣтствующую имъ политическую форму въ видѣ идей наступательнаго мессіанизма, въ провозглашеніи активныхъ міровыхъ задачъ. Не только охранять свое своеобразіе, не только отбиваться отъ западныхъ началъ, но итти на Западъ, покорить его, дать ему свое „новое слово", перестроить его сообразно своей природы—такъ формулируются нынѣ идеи русскаго мессіанизма наслѣдниками Достоевскаго и славянофиловъ.

„Міровая война жизненно подводитъ насъ къ проблемѣ русскаго мессіанизма... Мессіанское сознаніе можетъ быть лишь сознаніемъ того, что въ наступающую міровую эпоху Россія призвана сказать свое новое слово міру, какъ сказалъ его уже міръ латинскій и міръ германскій...

Въ Россіи давно уже нарождалось пророческое чувствованіе того, что настанетъ часъ исторіи, когда она будетъ призвана для великихъ откровеній духа, когда центръ міровой духовной жизни будетъ въ ней" [1]).

Наслѣдники Достоевскаго не оставляютъ насъ въ сомнѣніи и относительно того, какого рода „откровеніе" должно явиться на смѣну „старѣющей" и впавшей въ „окостѣненіе" Европы.

„Европа,—вѣщаетъ г. Булгаковъ,—культура и государственность, Россія въ глухомъ самосознаніи и неутолимыхъ чаяньяхъ своихъ, въ видѣніи своихъ пророковъ...—апокалиптическая теократія... Русское творчество (оно же „новое слово"!), какъ это хорошо вѣдомо было Достоевскому, есть раскрытіе и осущест-

---

[1]) Н. Бердяевъ. Душа Россіи. М. 1915.

вленіе потенцій русскаго православія". („Русскія Думы"; Р. М. 1914, X, 114).

Таково то новое слово, которое несетъ нынѣшній русскій мессіанизмъ на смѣну „машинной", „человѣкобожеской", „кощунственной" культурѣ не только германскаго, но и латинскаго и англо-саксонскаго міровъ. Здѣсь мысль Герцена превратилась въ свою прямую противоположность, наполнилась совершенно новымъ содержаніемъ: та же медаль повернулась другой стороной. Наивно-утопическій, соціалистическій мессіанизмъ Герцена переродился въ прямое орудіе борьбы съ соціализмомъ, какъ порожденіемъ капиталистической культуры Запада.

Это вмѣстѣ съ тѣмъ уже и не патріархально-провинціальное славянофильство, не идеологія устроившагося, успокоившагося и не долюбливавшаго авантюръ міровой арены русскаго помѣстнаго барства середины XIX в. Мессіанство Булгаковыхъ, Бердяевыхъ, Струве активно, наступательно: оно состоитъ на службѣ не у помѣстнаго барства, а у обуреваемаго имперіалистическими стремленіями новаго класса городской буржуазіи. Это она нынѣ приспособляетъ старое славянофильство, потрепанную идею мессіанизма къ своимъ имперіалистическимъ задачамъ. И, сообразно съ этими новыми, активными, наступательными заданіями, старая идея перевооружается: Струве и его сотрудники всѣми силами пытаются ее модернизировать, внести въ нее новые и по существу чуждые ей элементы буржуазнаго индивидуализма, поднять въ ней оцѣнку личности, т.-е. приспособить психологію Платона Каратаева къ тѣмъ экономическимъ и техническимъ задачамъ, которыя выдвигаетъ исторія.

То и характерно для идеологіи имперіалистической буржуазіи, что эти новые необходимые ей эле-

менты она пытается построить не на разрывахъ съ идеологіей, зародившейся и разцвѣтшей на почвѣ до-капиталистической азіатчины, а лишь въ видѣ отдѣльныхъ поправочекъ и пристроечекъ къ ней.

Русская либеральная буржуазія не имѣла молодости, не переживала періода бурнаго самоутвержденія, подобно французской въ XVIII в. и англійской въ эпоху Кромвеля. Она сразу попала въ полосу имперіализма, въ атмосферу ликвидаціи всѣхъ свободолюбивыхъ стремленій среди ея старшихъ сестеръ, капиталистическихъ классовъ Европы. Она поэтому сразу предъявила требованіе на наиболѣе реакціонную идеологію, которая знаменовала бы не разрывъ съ остатками средневѣковья, а примиреніе съ ними, взаимоприспособленіе и взаимопроникновеніе буржуазныхъ и до-буржуазныхъ элементовъ, связанныхъ нынѣ крѣпкими узами новыхъ задачъ, выдвинутыхъ имперіалистической эпохой міровой исторіи.

Въ мессіанизмѣ Бердяевыхъ, Булгаковыхъ, Струве, Трубецкихъ происходитъ теоретическое примиреніе буржуазно-капиталистическаго духа съ психологическими навыками до-капиталистическихъ, крѣпостническихъ элементовъ, теоретическое предвосхищеніе практическаго примиренія съ силами крѣпостнической эпохи.

Отнюдь не случайно поэтому, что идеологи нашего либерализма, облыжно присваивающаго себѣ эпитетъ демократическаго, исходятъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ не изъ демократическаго наслѣдія русскихъ „просвѣтителей"—Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова,—а берутъ себѣ въ наставники эпигоновъ славянофильства и Достоевскаго. Это значитъ, что они строятъ на почвѣ, насквозь пропитанной психологіей до-капиталистической Руси. И по-

этому то русскій мессіанизмъ новѣйшей формаціи есть концентрированное выраженіе всей реакціонности русскаго либерализма, философское отраженіе его практической политики постоянныхъ компромисовъ и принципіальнаго соглашательства съ силами средневѣковья.

Судьбы идеи русскаго мессіанизма—вообще любопытнѣйшая глава въ исторіи русской общественной мысли. Предшествующими замѣчаніями мы хотѣли только напомнить въ самыхъ краткихъ чертахъ нѣкоторые моменты ея превращеній изъ идеологіи русской демократической интеллигенціи въ философію реакціоннаго имперіализма. Теперь, когда она именно въ этой послѣдней своей формѣ справляетъ свои оргіи на страницахъ многихъ газетъ, журналовъ и брошюръ, быть можетъ не безполезно будетъ напомнить ея первые шаги и ея первыя ошибки въ спорахъ Герцена съ нѣмецкими демократами и въ столкновеніяхъ Герцена и Чернышевскаго по поводу аграрной реформы 1861 г.

Эти два момента и служатъ темой ниже напечатанныхъ очерковъ, изъ которыхъ второй вызванъ юбилеемъ крестьянской реформы, а первый—стремленіемъ разъяснить—на основаніи новыхъ матеріаловъ—нѣкоторыя остававшіяся темными страницы литературной біографіи Герцена.

Первоначально перепечатываемые здѣсь очерки появились въ „Вѣстникѣ Европы“, „Мысли“ и „Просвѣщеніи“.

1058382
Института В. И. Ленина
5 90
4453

А. И. ГЕРЦЕНЪ И НѢМЕЦКІЕ ДЕМОКРАТЫ ПОСЛѢ 1848 г.

1. Рейнгольдъ Зольгеръ.

Въ введеніи къ русскому изданію, 1855 г. „Съ того берега“ А. И. Герценъ разсказываетъ о томъ, какъ была встрѣчена эта книга нѣмецкой журналистикой при ея первомъ появленіи на нѣмецкомъ языкѣ. Упомянувъ объ „отзывахъ, больше нежели лестныхъ, такихъ людей, какъ Юліусъ Фребель, Якоби и Фальмерайеръ“, Герценъ продолжаетъ: „Люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на нее. Меня обвиняли въ проповѣдываніи отчаянья, въ незнаніи народа, въ dépit amoureux противъ революціи, въ неуваженіи къ демократіи, къ массамъ, къ Европѣ“... Затѣмъ идетъ слѣдующій разсказъ. „Въ 1852 г. я встрѣтился въ Лондонѣ съ самымъ остроумнымъ противникомъ моимъ, съ Зольгеромъ — онъ укладывался, чтобъ скорѣе ѣхать въ Америку, въ Европѣ, казалось, ему дѣлать нечего. „Обстоятельства, замѣтилъ я, кажется, убѣдили васъ, что я былъ не вовсе неправъ?“—Мнѣ не нужно было столько, — отвѣтилъ Зольгеръ, добродушно смѣясь,— чтобы догадаться, что я писалъ тогда большой вздоръ [1]). Эпитетъ „самаго остроумнаго моего про-

[1]) Цитирую всюду по заграничному изданію „Сочиненій А. И. Герцена“. См. т. V, 3—4.

тивника", которымъ наградилъ Зольгера Герценъ, обезпечилъ Зольгеру большой интересъ со стороны историковъ литературы и біографовъ Герцена. Однако, до сихъ поръ Зольгеръ остается неразрѣшенной загадкой.

Авторъ новѣйшей работы о Герценѣ, г. Вѣтринскій, спеціально оговариваетъ, что онъ „не нашелъ нигдѣ точныхъ библіографическихъ указаній на мемуары Орсини, статьи Зольгера, „самаго остроумнаго противника" Герцена, по выраженію послѣдняго", и т. д. [1]). Не встрѣчаемъ мы имени Зольгера и въ указателѣ герценовской литературы г. Ѳомина [2]). Не лучше обстоитъ дѣло съ таинственнымъ Зольгеромъ и въ западно-европейской и спеціально-нѣмецкой литературѣ. Казалось бы, что писатель, привлекшій особое вниманіе человѣка съ такимъ литературнымъ вкусомъ, какъ Герценъ, и поставленный имъ въ одинъ рядъ съ Фребелемъ, Якоби и Фальмерайромъ, долженъ былъ найти себѣ мѣсто хотя бы въ спеціальныхъ изданіяхъ, посвященныхъ исторіи литературнаго и общественнаго развитія Германіи. Однако, любителя литературы, который обратился бы къ нимъ въ поискахъ за раскрытіемъ „тайны" Зольгера, ждетъ полное разочарованіе. Имя Зольгера не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ справочниковъ и сборниковъ біографій. Нѣтъ его и въ извѣстномъ изданіи „Allgemeine Deutsche Biographie"

Нужно добавить, что разсказъ Герцена о Зольгерѣ построенъ, какъ могъ убѣдиться читатель, та-

[1]) Ч. Вѣтринскій. А. И. Герценъ. СПБ. 1908. См. „Введеніе".

[2]) Этотъ указатель приложенъ къ книгѣ Вѣтринскаго. Будучи самымъ полнымъ изъ существующихъ указателей герценовской литературы, онъ все же поражаетъ отрывочностью и неполнотой своихъ свѣдѣній.

кимъ образомъ, что, заинтересовывая историка, не даетъ ему никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса. На какомъ языкѣ писалъ „самый остроумный противникъ“ Герцена? Полемизировалъ ли онъ съ послѣднимъ въ книгахъ, брошюрахъ, журналахъ или газетахъ? — Все это остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ, книги или брошюры пришлось исключить очень скоро. Выпусти Зольгеръ въ Германіи какую-либо книгу или брошюру, онъ не укрылся бы, конечно, отъ внимательнаго взора составителей извѣстнаго нѣмецкаго Bücher Lexicon Кайзера. Но и въ этомъ изданіи имя, упомянутое Герценомъ, можно встрѣтить лишь подъ 1862 годомъ, когда нѣкій Solger выпустилъ книгу подъ заглавіемъ: „Anton in America“.

То, что авторъ этой книги писалъ въ 1862 г. объ Америкѣ, куда знакомый Герцена собирался ѣхать десять лѣтъ тому назадъ, указывало на то, что, быть-можетъ, это одно и то же лицо. Однако, одного этого единственнаго указанія, почерпнутаго у Кайзера, было слишкомъ мало. Оставалось обратиться къ кропотливому труду пересмотра старыхъ журналовъ конца 40-хъ и начала 50-хъ г.г. Герценовскій контекстъ и характеръ фамиліи разыскиваемаго автора указывали, что начать слѣдуетъ во всякомъ случаѣ съ журналовъ нѣмецкихъ.

И, дѣйствительно, въ грудѣ объявленій о вновь вышедшихъ книжкахъ нѣмецкихъ журналовъ, печатавшихся въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ въ „Literarisches Centralblatt für Deutschland“ (Leipzig, 1850—1851), мы, наконецъ, нашли имя Зольгера среди сотрудниковъ одного изъ интереснѣйшихъ, хотя и очень недолговѣчныхъ журналовъ, созданныхъ нѣмецкой эмиграціей послѣ 1848 г. Этотъ давно забытый журналъ хранитъ до сихъ поръ еще не одну литератур-

ную „тайну“, способную заинтересовать историковъ русской общественной мысли и біографовъ Герцена не менѣе, чѣмъ открытыя статьи его „самаго остроумнаго противника“.

Характеръ журнала указывалъ, что Зольгера надо искать въ средѣ тогдашней швейцарской эмиграціи. Долгіе поиски въ этой области увѣнчались сравнительнымъ успѣхомъ только тогда, когда мы обратились къ ознакомленію со средой, въ которой вращался одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей до-революціонной и по-революціонной нѣмецкой эмиграціи, поэтъ Георгъ Гервегъ.

Въ семьѣ этого бывшаго друга Герцена [1]), сыгравшаго затѣмъ столь роковую роль въ его личной судьбѣ, сохранились письма, которыя, видимо, остаются главнѣйшимъ матеріаломъ для возстановленія біографіи „самаго остроумнаго“ литературнаго критика Герцена. Единственный же печатный источникъ для біографіи Зольгера, который, въ концѣ концовъ, мнѣ удалось разыскать, составляетъ некрологъ Зольгера, написанный его другомъ и товарищемъ по изгнанію Фридрихомъ Каппомъ, тѣмъ самымъ „молодымъ литераторомъ Ф. Каппомъ“, которому Герценъ „продиктовалъ“ нѣмецкій текстъ „Съ того берега“. Этотъ некрологъ былъ напечатанъ по-англійски, въ Америкѣ.

Что касается писемъ Зольгера къ Гервегу, то они до сихъ поръ не опубликованы, и лишь незначительные отрывки изъ этихъ писемъ вошли въ самую полную изъ существующихъ біографій Гервега, напи-

---

[1]) Какъ извѣстно, одна изъ главъ „Съ того берега“ была напечатана въ видѣ письма къ Гервегу. При переизданіи книги на русскомъ языкѣ въ 1855 г. — послѣ разрыва съ Гервегомъ — Герценъ опустилъ эту главу, оговоривъ кратко, что она „писана для иностранцевъ“.

санную профессоромъ Клермонъ-Ферранскаго университета, Викторомъ Флери [1]). Г. Флери предоставилъ въ мое распоряженіе рядъ неопубликованныхъ писемъ Зольгера къ Гервегу и его женѣ и этимъ далъ возможность выяснить любопытнѣйшія черты его біографіи.

Добавлю сейчасъ же, что переписка Зольгера съ Гервегомъ обрывается въ 1849 году. „Съ этого момента мы теряемъ его изъ виду", сообщаетъ въ письмѣ ко мнѣ г. Флери. Такимъ образомъ, та часть литературной дѣятельности Зольгера, которая связана съ Герценомъ и имѣла своей ареной упомянутый выше журналъ, равно какъ и литературно-общественная дѣятельность Зольгера въ Америкѣ осталась неизвѣстна біографу Гервега. Но его свѣдѣнія прекрасно дополняютъ то, что могутъ дать по интересующему насъ вопросу печатные матеріалы 40-хъ и 50х-ъ гг., а равно и указанный выше некрологъ.

* * *

Рейнгольдъ Зольгеръ чрезвычайно любопытная фигура въ исторіи общественной мысли Германіи,—типичный представитель того поколѣнія нѣмецкой интеллигенціи, которое подготовило движеніе 48-го года и,

---

[1]) „Le poéte Georges Herwegh (1817—1875)" par Victor Fleury, agrégé de l'Université, docteur des lettrs, Paris. Ed. Cornély et C°. Книга эта вышла въ серіи Bibliothèque de la „Revolution de 1848". Наслѣдниками Гервега передано въ руки V. Fleury все литературное наслѣдіе поэта, его переписка и пр. Кромѣ біографіи поэта, Fleury опубликовалъ со своими комментаріями часть неопубликованныхъ до сихъ поръ произведеній Гервега: „Aus Herweghs Nachlass". Librairie F. Rouge.—Lausanne. Я позволю себѣ тутъ же выразить г. Флери свою искреннюю благодарность за его любезное содѣйствіе въ предпринятой мною работѣ выясненія личности Зольгера.

затѣмъ, въ казематахъ и въ эмиграціи должно было задуматься надъ причинами крушенія своихъ надеждъ. Зольгеръ принималъ очень видное участіе и въ выработкѣ демократической идеологіи 40-хъ годовъ и въ томъ критическомъ пересмотрѣ цѣнностей этой идеологіи, который характеризуетъ эпоху послѣ 48-го года. Именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ столкнулся съ Герценомъ такъ же, какъ его единомышленники столкнулись съ Марксомъ.

Зольгеръ родился въ Штетинѣ въ 1817 году [1]). Его семья принадлежала къ кругу высшихъ прусскихъ чиновниковъ и ученыхъ. Его дядя, Карлъ Зольгеръ, былъ профессоромъ философіи, а затѣмъ и ректоромъ (1814—15 г.г.) Берлинскаго университета. Ученикъ Фр. Вольфа и Шеллинга, другъ Гёте и Тика и переводчикъ Софокла, Карлъ Зольгеръ оставилъ трактатъ по эстетикѣ, который обратилъ на себя вниманіе Гёте и еще недавно (въ 1907 г.) былъ переизданъ—черезъ 90 лѣтъ послѣ своего появленія на свѣтъ [2]). „Его философія, говоритъ біографъ Карла Зольгера, обозначаетъ переходъ отъ „Науко-ученія" Фихте къ системѣ Гегеля... Его ученіе объ эстетикѣ оказало вліяніе на послѣдняго".

Если, такимъ образомъ, старшее поколѣніе подготовляло Гегеля, то молодое пошло дальше Гегеля. Рейнгольдъ Зольгеръ былъ страстнымъ поклонникомъ Людвига Фейербаха, съ которымъ долго поддерживалъ

---

[1]) Petzet ошибается, говоря о 1810 г. См. Petzet „Die Blütezeit der deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850". München. 1903. Зольгеру въ этомъ сборникѣ посвящено десять строкъ, наполненныхъ ошибками.

[2]) Erwin. Gespräche über das Schöne und die Kunst. Berlin. 1907. См. „Бесѣды Гёте съ Эккерманомъ" 21 января и 15 іюня 1827 г.

личныя и близкія отношенія. И для него, видимо, философія Фейербаха сыграла ту же освободительную роль, которую,—по извѣстному признанію Фр. Энгельса,—она имѣла для всего поколѣнія нѣмецкой (и не только нѣмецкой: вспомнимъ того же Герцена, а также Чернышевскаго [1]) интеллигенціи 40-хъ г.г. Печать искренняго восторга лежитъ на тѣхъ словахъ, кото-которыми уже въ 47 г. Зольгеръ охарактеризовалъ Фейербаха въ своемъ письмѣ къ Гервегу: „Онъ представляетъ для меня истинную элегію. Подобный человѣкъ даже въ Греціи явился бы совершеннѣйшимъ образомъ прекрасной человѣчности“ [2]).

Но для сужденія о нѣмецкихъ дѣлахъ Зольгеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только путеводныя нити фейербаховской философіи. Эти сужденія облегчались для него впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ его продолжительнаго пребыванія въ такомъ разсадникѣ новыхъ политическихъ идей, какъ Парижъ наканунѣ 48-го г., и, особенно, изъ длительнаго пребыванія въ Англіи, этой лабораторіи новыхъ соціальныхъ отношеній, предуказывавшей путь всему европейскому континенту. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что именно философія Фейербаха и наблюденія надъ соціальнымъ укладомъ Англіи давали Зольгеру возможность намѣтить исходъ изъ той идейной растерянности, которая охватила широкіе круги демократіи послѣ 48-го г. Уже во время своихъ университетскихъ занятій въ Галле, начатыхъ имъ въ 1838 г., онъ близко сошелся съ тамошнимъ кружкомъ лѣвыхъ гегельян-

[1]) Объ отношеніи къ Фейербаху Чернышевскаго см. въ этомъ сборникѣ ст.: „Письма Чернышевскаго“.

[2]) См. вышеназванную книгу Fleury о Гервегѣ, стр. 131. Письмо писано 11 іюля изъ Лейпцига послѣ посѣщенія Зольгеромъ Фейербаха.

цевъ, издававшихъ тогда подъ редакціей Арнольда Руге „Галльскіе Ежегодники“ [1]). Въ издававшемся тѣмъ же Руге литературномъ альманахѣ Зольгеръ помѣщаетъ свои первые стихи. Онъ мечтаетъ о профессорской каѳедрѣ, защищаетъ диссертацію на историческую тему, но вынужденъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ отказаться отъ этихъ желаній, поступаетъ на службу, бросаетъ ее, не вынеся атмосферы бюрократическихъ канцелярій, и въ 1843 г. уѣзжаетъ въ Англію, гдѣ проводитъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя.

Здѣсь имъ написана сатирическая эпопея „Hans von Katzenfingen“, направленная противъ военной касты и прусскаго юнкерства. Первая пѣснь этой сатиры печаталась въ 1845 и 1846 г.г. въ либеральномъ журналѣ Валесроде и Якоби, прославленнаго уже тогда своими конституціонными выступленіями и политическими процессами. Вторая пѣснь напечатана въ 1847 г. въ „Поэтическихъ картинахъ на 1847 г.“, издававшихся Руге, громогласнымъ вождемъ лѣвыхъ гегеліанцевъ и недавнимъ сотрудникомъ К. Маркса по знаменитымъ „Нѣмецко-французскимъ Ежегодникамъ“ [2]). Написанная подъ вліяніемъ Байрона и отразившая въ себѣ кипѣніе молодыхъ силъ предъ-революціонной эпохи, поэма Зольгера привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе въ Германіи. Она была напечатана безъ имени автора, и многіе приписывали ее одному изъ видныхъ и признанныхъ поэтовъ тогдашней Германіи, другу Гервега, Прутцу. Тотъ отвѣчалъ, что

---

[1]) „Мы въ нихъ черпали философскій радикализмъ“, говоритъ объ этихъ сборникахъ Герценъ въ „Былом и Думахъ“.

[2]) Извѣстно, что еще въ 1843 г. Марксъ рѣшительно разошелся съ Руге.

былъ бы счастливъ, если бы ему удалось написать подобную вещь.

„Тонкая наблюдательность, широкій политическій и умственный горизонтъ соединяются въ этомъ произведеніи съ брызжущимъ остроуміемъ, добродушнѣйшимъ юморомъ и граціознѣйшей формой"—пишетъ о Катценфингенѣ Ф. Каппъ. Общее настроеніе поэмы роднитъ ея автора съ берлинскимъ кружкомъ „Свободныхъ" во главѣ съ Бауэромъ и Максомъ Штирнеромъ, съ ихъ культомъ свободы и индивидуализма. Нужно отмѣтить, что Зольгеръ, натура поэтическая по преимуществу, никогда уже не могъ освободиться отъ налета этой своеобразной идеологіи.

Другая сторона настроеній тогдашней нѣмецкой интеллигенціи сказалась въ элегіи Зольгера „Конецъ міра", вошедшей въ сборникъ Руге „Гражданскіе поэты нашего времени" (1847 г.) [1]. Составитель снабдилъ печатаемую поэму слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Авторъ жилъ въ Англіи и тамъ написалъ эту элегію, философская свобода и глубина міровоззрѣнія которой являются новостью для нѣмецкой лирики и весьма умѣстны въ лирикѣ политической". Общественное значеніе элегіи резюмируется ея заключительной строфой: „Hier gehst du unter, Licht, auf steigst du da: Europa stirbt—heil dir, Amerika!" (здѣсь ты меркнешь, свѣтъ, но разгораешься тамъ: Европа умираетъ,—вставай, Америка!)

Эта элегія, написанная наканунѣ 48 г., представляетъ, такимъ образомъ, какъ бы предвосхищеніе

[1] На основаніи одного неопубликованнаго письма Зольгера къ Гервегу Fleury полагаетъ возможнымъ приписать Зольгеру еще статью: „Ueber Fox'Temple und Theatre", напечатанную въ „Политическихъ картинахъ" Арн. Руге.

настроеній Герцена на другой день послѣ 48 г. Характерно, что, приведя въ своемъ некрологѣ Зольгера сейчасъ цитированную строку, Каппъ, котораго, какъ мы знаемъ, Герценъ первымъ познакомилъ съ рукописью „Съ того берега“, — пишетъ: „Въ этомъ произведеніи, на которомъ лежитъ печать философскаго свободомыслія и глубокаго воззрѣнія на міръ, къ сожалѣнію, нашло себѣ отраженіе то ложное направленіе, которое въ періодъ застоя отчаивается въ силахъ собственнаго народа и даже отказываетъ въ правѣ на существованіе всей европейской культуры. Это то же самое умственное теченіе, представители котораго, панслависты и американскіе демократы, сами себя прославляютъ, какъ героевъ будущаго, и предрекаютъ вращающимся на периферіи современной культурной жизни сателлитамъ близкую побѣду надъ „дряхлой“ Европой. Первое крупное выступленіе какой-либо изъ западно-европейскихъ націй развѣетъ туманъ; но тогда многіе изъ выдающихся мыслителей нашего народа думали такъ. Напримѣръ, Арнольдъ Руге говорилъ объ этомъ произведеніи, что фантастическая идея крушенія европейскаго міра въ одно и то же время расширяетъ горизонтъ и будитъ интересъ, что въ своей возвышенной формѣ оно связано съ умственнымъ движеніемъ времени“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, набрасывая эти строки въ 1866 г. въ Америкѣ, Каппъ имѣлъ въ виду никого другого, какъ знаменитаго автора „Съ того берега“.

Съ началомъ 47-го г. приближеніе грозы становится все болѣе ощутительнымъ. Зольгеръ покидаетъ Лондонъ и переѣзжаетъ на континентъ. Прежде всего онъ посѣщаетъ Парижъ и здѣсь сразу попадаетъ въ густо насыщенную среду политическихъ дѣятелей и эмигрантовъ всѣхъ странъ. Въ маѣ 47 г. онъ знако-

мится съ Гервегомъ, квартира котораго была въ то время центральнымъ сборнымъ пунктомъ для нѣмецкихъ демократовъ, а черезъ него — съ Бакунинымъ, Сазоновымъ и, наконецъ, съ польскими эмигрантами. Съ новымъ запасомъ впечатлѣній, Зольгеръ предпринимаетъ круговую поѣздку по Германіи, быть-можетъ, и съ нѣкоторыми литературно-политическими порученіями, поѣздку, превратившуюся въ своего рода смотръ интеллигентскихъ силъ грядущей революціи. Но прежде всего Зольгеръ посѣщаетъ Брюссель, бывшій въ то время тоже однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ подготовлявшагося движенія. Тамъ существовалъ „Коммунистическій Союзъ», основанный Марксомъ и его друзьями, а „Международное Демократическое Общество“ объединяло разноплеменную политическую эмиграцію. Гервегъ и Бакунинъ очень интересовались этимъ „Обществомъ“ [1]), и Зольгеръ поѣхалъ въ Брюссель, конечно, не безъ ихъ рекомендацій. Здѣсь онъ знакомится съ признаннымъ главой польской эмиграціи, бывшимъ профессоромъ Виленскаго университета и знаменитымъ историкомъ Іоахимомъ Лелевелемъ, какъ разъ тогда стоявшимъ во главѣ польскаго „Демократическаго Союза“, того самаго „Союза“, который впослѣдствіи помогъ Герцену поставить его вольный лондонскій станокъ. Въ неопубликованномъ письмѣ Зольгера къ Гервегу отъ 8 іюня (1847 г.) находится нѣсколько строкъ, посвященныхъ Лелевелю: „Лелевель—почтенный старецъ. Онъ показывалъ мнѣ свой историческій атласъ, при чемъ я любовался его

[1]) Объ основаніи „Коммунистическаго Союза“ и „Демократическаго Общества“ Марксъ самъ извѣщалъ Гервега. См. его письмо Гервегу отъ 26 октября 1847 г., перепечатанное въ „Briefe von und an Georg Herwegh“, 1848, herausgeben von Marcel Hegweg. Paris—Leipzig—München. 1896, стр. 88.

глазами, ибо въ остальномъ ничего не понялъ. Онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы оставить послѣ себя какой-нибудь трудъ. Я хотѣлъ отвѣтить на это, что онъ уже завѣщалъ исторіи свое имя, но даже истину я не могъ преподнести благородному старцу въ формѣ лести... Лелевель горячо освѣдомлялся о Маджинскомъ [1]) и Бакунинѣ..." И въ слѣдующемъ письмѣ: „Въ Брюсселѣ мнѣ нечего было больше дѣлать, ибо со старикомъ Лелевелемъ я не могъ, какъ слѣдуетъ, столковаться изъ-за моего недостаточнаго знанія французскаго языка. Но этотъ Лелевель, этотъ старикъ въ блузѣ, который все надѣется найти издателя для своего труда по исторической географіи Польши, который боязливо и стремительно проходитъ по улицамъ, и три-четыре раза взглянетъ на свои гроши, прежде чѣмъ уплатить ими за свое кофе,—у меня ни разу не хватило мужества заплатить за него, чтобы не оскорбить его деликатнаго чувства чести! — этого старика мнѣ было безконечно жаль!.."

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, данныхъ, чтобы судить, имѣлъ ли въ Брюсселѣ Зольгеръ дѣла съ Марксомъ, жившимъ тамъ со времени своего изгнанія изъ Франціи въ 1845 г., или вообще съ кѣмъ-либо изъ группировавшихся вокругъ него дѣятелей. Въ то время

---

[1]) Теофилъ Маджинскій, близкій родственникъ Лелевеля и другъ дѣтства Эммы Гервегъ, воспитанникъ Берлинскаго университета, одинъ изъ участниковъ повстанческихъ попытокъ въ срединѣ 40-хъ г.г., назначенный военнымъ начальникомъ Жмуди ген. Мѣрославскимъ, арестованъ въ Пруссіи во второй половинѣ 40-хъ г.г. О немъ Зольгеръ писалъ Эммѣ Гервегъ въ неопубликованномъ письмѣ отъ 22 окт. 47 г.: „М. бываетъ у меня ежедневно, чуть ли не каждый вечеръ до 12 часовъ. Въ его непосредственныхъ замѣчаніяхъ и отзывахъ сказывается прекрасная душа и истинное мужество". См. о М.—B. Limanowcky. Historya Democracyi Polskiej w epoce porozbiorowej. Zürich 1901.

между Марксомъ и Гервегомъ поддерживались довольно оживленныя сношенія. Гервегъ былъ въ Брюсселѣ и встрѣчался тамъ съ Марксомъ черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда изъ Брюсселя Зольгера [1]). О близкихъ отношеніяхъ Гервега и Маркса, „несмотря на то, что первый лишь условно присоединялся къ коллективистическимъ теоріямъ послѣдняго“, говоритъ и Марсель Гервегъ въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ перепискѣ своего отца [2]). Съ другой стороны, Марксъ одновременно съ Лелевелемъ состоялъ вице-президентомъ „Демократическаго Общества“ въ Брюсселѣ. Все это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что Зольгеръ въ это же свое пребываніе въ Брюсселѣ познакомился и съ Марксомъ. Тогда бы получили достаточное объясненіе нѣкоторыя характерныя черты послѣдующихъ статей Зольгера, особенно его статей объ Англіи.

Въ Гейдельбергѣ Зольгеръ знакомится съ будущимъ вождемъ южно-германскихъ республиканцевъ, Струве, извѣстнымъ русскому читателю по тѣмъ строкамъ, которыя посвятилъ ему въ „Быломъ и Думахъ“ Герценъ, встрѣтившій Струве уже въ рядахъ швейцарской эмиграціи. Тутъ же завязались его дружескія отношенія съ Фридрихомъ Каппомъ [3]), котораго онъ

---

[1]) См. V. Fleury. G. Herwegh., стр. 138.

[2]) Ibid., стр. 3. Тамъ же на стр. 40 можно найти упоминаніе Гервега о посѣщеніи его Энгельсомъ въ ноябрѣ 1847 г.

[3]) Фридрихъ Каппъ, переводчикъ Герцена, родился 13 апр. 1824 г. въ Hamm'ѣ, въ Вестфаліи, — онъ племянникъ философа Христіана Каппа, другъ Фейербаха. Послѣ 48 г. онъ эмигрировалъ въ Парижъ и въ Женеву, затѣмъ въ Нью-Іоркъ. Вернулся послѣ объединенія Германіи и былъ членомъ рейстага, примыкая къ „свободомыслящимъ“. Его переписка съ Фейербахомъ (м. б. изъ Америки) занимаетъ виднѣйшее мѣсто въ эпистолярномъ наслѣдіи философа. См. „Ausgewählte Briefe von und an Ludwig Feuerbach“ Herausg. von Wilhelm Bolin. 2 B. Leipzig. 1904.

просвѣщалъ на основаніи своихъ англійскихъ наблюденій насчетъ истиннаго характера англійскаго конституціонализма и которому предсказывалъ быстрое крушеніе „принципа свободной конкуренціи“. Другъ Гервега, профессоръ Пфейферъ писалъ ему 27 іюня 47 г. о Зольгерѣ: „Вашъ англичанинъ мнѣ очень понравился. Въ немъ есть что-то сдержанное и сильное, какъ у человѣка, который много пережилъ и много потерялъ“ [1]). Около двухъ недѣль въ концѣ іюня Зольгеръ проводитъ у Фейербаха въ Brückberg'ѣ. Къ этому времени относится его отзывъ о знаменитомъ философѣ, цитированный выше. „Фейербахъ, — сообщаетъ Каппъ,—оказался въ совершеннѣйшемъ восторгѣ отъ этого освѣжающаго и возбуждающаго посѣщенія, которое перенесло его на нѣсколько дней изъ однообразія его существованія въ широкій и взволнованный міръ. Оба жили съ тѣхъ поръ въ ближайшемъ умственномъ общеніи“ [2]). Черезъ Лейпцигъ Зольгеръ пріѣзжаетъ въ Берлинъ и живетъ здѣсь до сентября. Онъ переводитъ „Донъ Жуана“ Байрона и въ письмахъ къ Гервегу негодуетъ на апатію берлинцевъ во время процесса поляковъ, судившихся за попытку организаціи повстанческихъ отрядовъ (среди судившихся находились, между прочимъ, тѣ руководители польской интеллигенціи, съ которыми впослѣдствіи пришлось Герцену вступить въ ближайшія сношенія).

Въ концѣ сентября Зольгеръ возвращается въ Парижъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда, но не позже октября

[1]) Эта фраза пропущена при перепечаткѣ письма Пфейфера въ Briefe von und and Herwegh. 1848“; ея продолженіе находится на стр. 100 этого изданія.

[2]) Къ сожалѣнію, мы не нашли писемъ Зольгера въ выше указанномъ сборникѣ Болина, равно какъ и въ изданіи Карла Грюна (L. Feuerbach's Briefwechsel und Nachlass. Leipzig. 1874.

(21 октября Герценъ покинулъ Парижъ), состоялось его знакомство съ Герценомъ, по всей вѣроятности, черезъ Гервега. Вторичное пребываніе Зольгера въ Парижѣ отмѣчено многими непріятностями, связанными прежде всего съ его денежными затрудненіями. Житейскія неудачи не мѣшали, однако, Зольгеру стоять въ самомъ центрѣ общественной жизни тогдашняго Парижа, особенно его эмигрантскихъ круговъ. Этому способствовали прежде всего тѣ дружескія узы, которыя связывали его съ семьей Гервега. „Всѣ нѣмецкіе революціонеры,—пишетъ біографъ Гервега,—которые попадали въ Парижъ между 1843 и 1848 г.г., посѣщали домъ поэта". Бакунинъ, Сазоновъ и польскіе эмигранты были тоже его постоянными посѣтителями и близкими друзьями. Къ этому времени относятся письма Бакунина къ Эммѣ Гервегъ, женѣ поэта, въ которыхъ Зольгеръ въ ряду другихъ фигурируетъ въ качествѣ члена интимнаго кружка, гдѣ жили Гервегъ, Бакунинъ, Герценъ и др.

„Послѣ Вашего отъѣзда — пишетъ Бакунинъ въ письмѣ отъ 18 октября 1847 г.,—всѣ мы отправились къ Тортони. Георгъ (Гервегъ) былъ тихъ и серьезенъ, даже сигара его не хотѣла зажечься, такъ полно было его сердце слезами. А былъ любезенъ и остроуменъ, Зольгеръ полонъ юмора и изященъ, Маджинскій искренен и Садовскій [1])—серьезенъ. Что же мнѣ сказать о себѣ самомъ? Какъ и обычно, я былъ -ничѣмъ! (gar nichts)" [2]). Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ „пятни-

[1]) Польскій патріотъ. Приговоренъ къ смерти по берлинскому процессу 47 г. Предательски убитъ въ апрѣлѣ 48 г. прусскими солдатами послѣ боя подъ Милославомъ, гдѣ онъ сражался подъ начальствомъ Мѣрославскаго.

[2]) Письма Бакунина къ Эммѣ Гервегъ напечатаны въ упоминавшемся уже сборникѣ „Briefe" etc. См. стр. 17.

цей 22 октября 47 г.", Бакунинъ сообщаетъ о проводахъ Герцена. (Этимъ письмомъ устанавливается точная дата отъѣзда Герцена въ Италію — четвергъ, 21 октября). „Во вторникъ Г.(ерценъ) угощалъ насъ прощальнымъ обѣдомъ. Въ среду я провелъ весь день съ Георгомъ и Зольгеромъ... Г.(ерценъ), провожаемый нами, въ 4 часа пополудни уѣхалъ въ Италію. Всѣ мы послѣ этого отправились въ таверну А. и тамъ запивали наше горе англійскимъ пивомъ. Вечеромъ — у Гервега" [1]).

Со многими изъ парижскихъ друзей Зольгеру уже не пришлось болѣе встрѣчаться: 48-ой годъ разбросалъ парижскій кружокъ по всей Европѣ и Америкѣ, а автора сейчасъ цитированныхъ писемъ надолго забросилъ въ Сибирь. Съ Герценомъ же,—поскольку мы можемъ судить,—Зольгеръ встрѣтился только черезъ 5 лѣтъ, въ Лондонѣ. Самъ Зольгеръ пережилъ въ Парижѣ февральскую революцію и свои впечатлѣнія отъ этихъ дней передалъ — въ занимательнѣйшей и очень живой, по словамъ Каппа, формѣ—въ дополнительномъ томѣ Виганловскаго „Konversation-Lexikon" [2]).

Мартовскія событія въ Германіи немедленно перебрасываютъ Зольгера въ Берлинъ, гдѣ онъ становится усерднѣйшимъ членомъ демократическаго клуба. Установить на основаніи имѣющихся матеріаловъ роль и степень непосредственнаго участія Зольгера въ движеніи 1848 — 49 г.г. трудно. Но во всякомъ случаѣ и имѣющихся у насъ данныхъ, въ видѣ писемъ Зольгера къ Гервегу, достаточно, чтобы сказать, что онъ со всѣмъ пыломъ отдался движенію. Лѣто „безумнаго

[1]) Ibid., стр. 19.

[2]) Съ этой статьей Зольгера мы, къ сожалѣнію, не могли ознакомиться.

года“ онъ провелъ въ Берлинѣ, затѣмъ перебрался во Франкфуртъ, чтобы ближе слѣдить за засѣдавшимъ тамъ парламентомъ [1]). Онъ находился въ ближайшихъ связяхъ съ „крайней лѣвой“ послѣдняго, между прочимъ съ Карломъ Фохтомъ, который, однако, не привлекъ его симпатій,— а равно съ неоднократно упоминавшимся уже Каппомъ, засѣдавшимъ теперь на Демократическомъ Конгрессѣ въ томъ же Франкфуртѣ.

Ходъ движенія далеко не удовлетворялъ его. 31 марта изъ Hamm'a (въ Вестфаліи) онъ пишетъ Гервегу: „Я ѣду въ Берлинъ, ибо тамъ въ ближайшемъ будущемъ должны разыграться важнѣйшія событія. Здѣшняя мѣстность, повидимому, за монархію, за порядокъ. Но я придерживаюсь того мнѣнія, что тѣ, кто отстаиваетъ мысль о несовершеннолѣтіи народа, сами не имѣютъ права вмѣшиваться, и если мы, стоящіе за народныя права, не осуществимъ республики, если Германія вновь одѣнется въ отброшенныя лохмотья, и благодаря этому, станетъ смѣшной еще на четверть вѣка, а потомъ падетъ жертвой перваго попавшагося... короче, до послѣдней капли крови я буду бороться противъ этой лжи и позора“. Но и Берлинъ не оправдалъ его надеждъ. Уже въ ноябрѣ онъ пишетъ Гервегу: „Въ Берлинѣ отвратительно это вѣчное препирательство между Демократическимъ Клубомъ и полиціей. Надо присутствовать при этомъ, чтобы понять все его ничтожество. Ничего, кромѣ скандаловъ, ни одной серьезной мысли—ничего! Я говорю: революція или нѣтъ! Нестоящій народъ!“ Съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Зольгеръ, засѣданія франкфуртскаго парламента менѣе всего способны были его удовле-

---

[1]) Англійскій издатель лекцій Зольгера ошибся, назвавъ его въ своемъ предисловіи „членомъ франкфуртскаго парламента“.

творить. Въ своей дальнѣйшей литературной дѣятельности Зольгеръ еще не разъ будетъ бичевать безсиліе и оторванность отъ жизни этого собранія, не сумѣвшаго взять въ свои руки ходъ событій.—Въ пылу революціоннаго нетерпѣнія Зольгеръ жалуется и на Фейербаха. „Онъ растрачиваетъ себя“, пишетъ онъ по поводу знаменитыхъ „Гейдельбергскихъ чтеній“ о сущности религіи любимаго имъ философа. Въ этомъ случаѣ Зольгеръ не представляетъ исключенія изъ среды тогдашней радикальной интеллигенціи: многіе изъ идейныхъ единомышленниковъ Фейербаха были огорчены той скромной ролью публичнаго оратора на религіозно-философскія темы, которую отмежевалъ для себя въ революціи знаменитый философъ [1]).

Въ ряду своихъ друзей Зольгеръ занялъ позицію на крайнемъ лѣвомъ флангѣ тогдашней демократической и республиканской интеллигенціи [2]). Какъ только

---

[1]) Иначе оцѣнило лекціи Фейербаха гейдельбергское „Рабочее Просвѣтительное Общество“, поднесшее ему благодарственный адресъ при ихъ окончаніи. Объ отношеніи радикальной интеллигенціи къ роли Фейербаха въ 48 г. см., между прочимъ, біографическій очеркъ Фейербаха, написанный В. Болинымъ и приложенный къ изданному имъ сборнику писемъ Фейербаха, стр. 132, 133, особенно начало стр. 135. Тамъ приведенъ и отвѣтъ Фейербаха на раздававшіеся по этому поводу нападки. Любопытно отмѣтить, что этотъ „отвѣтъ“—задѣвшій, между прочимъ, и Зольгера,—привлекъ къ себѣ особенное вниманіе и сочувствіе Чернышевскаго, какъ это можно установить по перепискѣ послѣдняго. Отзывъ Чернышевскаго о „Лекціяхъ о религіи“ и спеціально по поводу отвѣта Фейербаха своимъ критикамъ въ связи съ ними приведенъ ниже въ статьѣ „Письма Чернышевскаго“.

[2]) Въ самомъ разгарѣ событій Зольгеръ не забылъ о своихъ русскихъ друзьяхъ. 24 ноября 48 г. онъ справлялся у Гервега о Герценѣ, Бакунинѣ, Сазоновѣ. „Скоро ли пріѣдетъ Сазоновъ или Герценъ? Гдѣ теперь Бакунинъ?“—пишетъ онъ. Судя по характеру вопросовъ, вопросъ о поѣздкѣ Герцена или Сазонова

разразилось баденское возстаніе, онъ покидаетъ Франкфуртъ, переѣзжаетъ въ центръ возстанія, Карлсруэ, и вступаетъ въ ряды повстанцевъ въ качествѣ адъютанта генерала Мѣрославскаго. Вмѣстѣ съ разбитой революціонной арміей онъ—въ іюлѣ 1849 г.—переходитъ границу Швейцаріи. Въ концѣ того же года онъ, вмѣстѣ съ другими членами демократической лѣвой франкфуртскаго парламента, основываетъ большой ежемѣсячный политическій журналъ, которымъ мы спеціально займемся въ слѣдующей главѣ.

Одно изъ неопубликованныхъ писемъ бывшаго члена франкфуртскаго собранія, а затѣмъ эмигранта Колачека къ Гервегу свидѣтельствуетъ, что въ сентябрѣ 1850 г. Зольгеръ былъ въ Швейцаріи; но это же письмо говоритъ о томъ, что положеніе его здѣсь не было устойчивымъ. Сообщая, что Зольгеръ въ Швейцаріи, Колачекъ добавляетъ: „но полиція не склонна оставить его здѣсь“. Извѣстно, что по настоянію реакціи, воцарившейся въ Германіи, швейцарское правительство въ ближайшіе же годы послѣ революціи выслало изъ предѣловъ Швейцаріи почти 11.000 нѣмецкихъ эмигрантовъ, поселившихся на ея территоріи. Большинство изъ нихъ вынуждено было перебраться въ Америку. Возможно, что среди этихъ эмигрантовъ, принужденныхъ разстаться съ Швейцаріей, былъ и Зольгеръ.

Однако, раньше, чѣмъ причалить къ гостепріимнымъ берегамъ Америки, Зольгеръ провелъ зиму 1852—53 г.г. въ Англіи. Здѣсь онъ сразу завоевалъ себѣ большую популярность рядомъ лекцій, которыя онъ

въ Германію стоялъ тогда на очереди въ кружкѣ Гервега. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ данныхъ для рѣшенія того, насколько серьезно ставился этотъ вопросъ по отношенію къ Герцену.

съ громаднымъ успѣхомъ читалъ въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Лидсѣ и Галифаксѣ. Ближайшія отношенія связывали въ это время Зольгера съ Диккенсомъ, Карлейлемъ и Бульверомъ. Диккенсъ взялъ на себя устройство лекцій Зольгера въ Лондонѣ.

Въ это же время состоялось и то свиданіе Зольгера съ Герценомъ, которое послѣдній занесъ на страницы „Съ того берега". Успѣхъ лекцій Зольгера былъ такъ великъ, что для нихъ нашелся издатель. Книжка вышла въ началѣ 1854 г., когда Зольгеръ былъ уже въ Америкѣ съ предисловіемъ нѣкоего P. R. Willans. Она заключала въ себѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Государственныя системы Европы",—4 лекціи: 1) Международные договоры, 2) Деспотизмъ и революція, 3) Дипломатія и война, 4) Выходъ [1]). Въ этой книгѣ онъ отстаиваетъ принципъ реорганизаціи европейскихъ государствъ на началахъ національной самостоятельности, обвиняетъ „вождей" въ крушеніи революціи („народъ, который никогда не поднимаетъ первый оружія, а лишь бываетъ вынужденъ къ самозащитѣ, не причастенъ къ этой неудачѣ") и въ довольно туманныхъ выраженіяхъ отстаиваетъ „правду и красоту, какъ цѣль общества, а здоровую общественную дѣятельность, какъ его основу".

Перебравшись въ Америку, куда онъ прибылъ весной 1853 г., Зольгеръ не прекратилъ своей общественной дѣятельности. Объ ея характерѣ можно судить по слѣдующему письму его къ Колачеку, сохранившемуся въ неизданныхъ бумагахъ Гервега. Письмо писано изъ Бостона, гдѣ поселился Зольгеръ, и не

---

[1]) См. The States system of Europe (a course of lectures exposing modern Funktionarism and Diplomacy). D-r Reinhold Solger. London. R. Theobald. 1854.

имѣетъ даты. Не трудно, однако, установить, что оно относится къ эпохѣ Крымской войны.

„Дорогой Колачекъ, Ваше письмо отъ 1 дек. получено мною только сейчасъ. Мнѣ пріятно услышать о Васъ. Я бы давно написалъ Вамъ, такъ какъ очень къ Вамъ привязанъ, но сердился на Васъ зато, что Вы, отвлекаемый общественной суетой, совершенно не показываетесь у насъ. Я заваленъ дѣлами: 1) Переводъ, который я кляну, но который долженъ сдѣлать для Appleton [1]). 2) Новый курсъ о Крымѣ и осадѣ Севастополя. 3) Приглашеніе читать мои старыя лекціи. Я произвожу здѣсь фуроръ. Вчера вечеромъ я говорилъ въ Mercantil Library передъ аудиторіей въ 2—3,000 чел. Каждый день приглашаютъ въ окружающія мѣстности. 4) Неисчислимое количество знакомыхъ, посѣщеній и т. д. въ новомъ городѣ и округѣ. 5) Снимаю домъ. А затѣмъ путешествіе на Западъ, гдѣ я долженъ читать. 6) Хочу написать книгу по европейской исторіи. Обѣщалъ Esselen [2]) издавать на собственный счетъ „Die Antlantis“ по-англійски и въ нѣмецкой редакціи.

„Вы видите, что я и такъ уже много взялъ на себя и что въ особенности послѣднее предпріятіе мѣшаетъ мнѣ принять участіе въ Вашемъ. Я никогда больше не буду писать для періодическихъ изданій, которыя въ то же время не смогу самъ редактировать. Это поглощаетъ слишкомъ много энергіи, которую можно лучше израсходовать. Я думаю о Васъ по поводу „Antlantis“ и предложилъ бы Вамъ соредакторство. Нѣтъ ли возможности соединить обѣ газеты—Вашу и нашу? Я удивляюсь, что Вы хотите опубликовать здѣсь, въ этой странѣ, мое письмо Гервегамъ. Къ тому же,

---

[1]) Англо-американскій издатель.

[2]) D-r Esselen—нѣмецкій эмигрантъ; умеръ въ Америкѣ.

это для меня уже пережитая ступень,—равнодушіе и страсть къ наслажденіямъ 47 г., — увлеченія, которыя болѣе не играютъ никакой роли въ моей жизни и о которыхъ я больше не хочу думать. Можетъ-быть, въ январѣ я пріѣду въ Нью-Іоркъ... Всегда Вашъ Зольгеръ". Лекціи, о которыхъ упоминаетъ Зольгеръ въ этомъ письмѣ, были посвящены самымъ разнообразнымъ предметамъ. Кромѣ текущихъ темъ (крымская война и т. д.), Зольгеръ читалъ по исторіи философскаго и литературнаго развитія Германіи, по сравнительному государственному праву и т. д.

По выраженію Каппа, въ своихъ лекціяхъ Зольгеръ былъ лучшимъ и просвѣщеннѣйшимъ посредникомъ между нѣмецкой и американской культурой. Онъ же разсказываетъ о его лекціяхъ: „профессора Говардовскаго коллежа во главѣ съ ректоромъ были внимательнѣйшими слушателями Зольгера. „Только изъ лекцій Зольгера я понялъ смыслъ и значеніе римской исторіи"—замѣтилъ мнѣ послѣ одной изъ лекцій Зольгера, посвященной паденію Рима, предсѣдатель одного высшаго образовательнаго учрежденія Нью-Іорка, который самъ уже въ теченіе десяти лѣтъ преподавалъ римскую исторію". Оживленное участіе принималъ Зольгеръ и въ политической жизни Соед. Штатовъ. Объ участіи его въ президентской кампаніи 1856 г. упоминаетъ и Юліусъ Фребель, волной реакціи тоже переброшенной изъ зала засѣданій франкфуртскаго парламента, гдѣ онъ игралъ выдающуюся роль среди „лѣвой", въ Америку. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ объ одномъ собраніи въ Филадельфіи въ 56 г., устроенномъ сторонниками кандидатуры Фремона, противника рабства, и на которомъ, кромѣ са-

мого Фребеля принимали участіе „Фридрихъ Геккеръ [1]), пріѣхавшій изъ Иллинойса, и Рейнгольдъ Зольгеръ, прибывшій изъ Бостона“ [2]). Не менѣе рѣшительную агитацію велъ Зольгеръ и въ пользу Линкольна въ 1860 г. Въ то же время онъ принималъ участіе и въ текущей журналистикѣ, сотрудничая въ N.-I. Independent (рядъ статей о крымской войнѣ въ 1855 г.) и въ N.-I. World.

Къ столѣтію рожденія Шиллера Зольгеръ опубликовалъ стихотвореніе, увѣнчанное преміей Нью-Іорскаго Шиллеровскаго комитета, которое Каппъ цѣнитъ гораздо выше, чѣмъ написанныя по тому же поводу стихотворенія Гервега и Фрейлиграта. Послѣдними работами Зольгера были „Меморіалъ“, написанный имъ въ 1861 г. въ защиту „нѣмецкой“ точки зрѣнія на Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ, и романъ изъ нѣмецко-американской жизни „Антонъ въ Америкѣ“ [3]). Въ началѣ 1864 г. его поразилъ ударъ. Онъ потерялъ послѣ того способность рѣчи и умеръ 11 января 1866 г., послѣ 17-тилѣтняго изгнанія. „Зольгеръ былъ безспорно, одинъ изъ одареннѣйшихъ, и ученѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ дѣятелей 48-го года“;— такъ кончается посвященный Зольгеру некрологъ американскаго журнала.

---

[1]) Руководитель нѣмецкихъ республиканцевъ въ 1848 и 49 г.г., затѣмъ эмигрантъ; въ качествѣ полковника принималъ участіе въ войнѣ за освобожденіе негровъ.

[2]) См. Lebenslauf von Julius Fröbel т. I, стр. 556, Stuttgart 1890.

[3]) Reinhold Solger. Anton in Amerika. Seitenstük zu Freytag's „Soll und Haben“. Bromberg. 1862. Два небольшихъ тома, переизданныхъ въ Нью-Іоркѣ въ 1872 г. Его же: Memorial on the Schleswig-Holstein Question, adressed to the Hon. Bradfort R. Wood minister to the court of Dänmark Copenhagen. N.-Jork 1862.

Такова жизнь „самаго остроумнаго противника“ Герцена, какъ она рисуется въ свѣтѣ, сохранившихся матеріаловъ. Намъ надо перейти теперь къ той сторонѣ его литературной дѣятельности, которая имѣла ближайшее отношеніе къ кругу идей автора „Съ того берега“. Но это значитъ перейти къ разсмотрѣнію журнала, издававшагося въ 1850—1851 г.г. группой членовъ франкфуртскаго парламента, — Колачекомъ, Карломъ Фохтомъ, Людвигомъ Симономъ и др.,—при ближайшемъ участіи Зольгера. Мы уже указывали, что кромѣ „тайны“ Зольгера этотъ журналъ хранитъ въ себѣ и много другихъ „тайнъ“. Въ немъ помѣщенъ рядъ статей самого Герцена и длинный рядъ статей виднѣйшихъ представителей тогдашней нѣмецкой интеллигенціи, критически разбиравшихъ позицію „Искандера“. И самый фактъ сотрудничества Герцена въ этомъ журналѣ и собранныя въ немъ статьи о Герценѣ до сихъ поръ остаются неизвѣстными не только широкой читающей публикѣ, но и спеціалистамъ—изслѣдователямъ Герцена. Къ этому журналу мы теперь и обратимся.

II. Герценъ въ журналѣ нѣмецкихъ демократовъ.

Интересующій насъ журналъ носилъ довольно неуклюжее заглавіе „Нѣмецкаго ежемѣсячника политики, науки, искусства и жизни“ [1]). Онъ издавался въ 1850

[1]) Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben. Herausgeben von Adolf Kolatschek, Mitglied der deutschen Nationalversammlungen. Впослѣдствіи это обозначеніе (Mitglied etc.) исчезло. Отвѣтственнымъ редакторомъ въ 1850 г. подписывался Dr. L. Tafel. Журналъ представляетъ настоящую библіографическую рѣдкость, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что и редакція, и сотрудники его сплошь состояли изъ эмигрантовъ и жили большею частью въ Швейцаріи, въ то время какъ жур-

и 1851 г.г. сначала ежемѣсячными, а затѣмъ двухнедѣльными тетрадями. Въ 1850 г. онъ выходилъ въ Штутгартѣ, а въ 1851 — въ Бременѣ. Вообще, очень любопытное явленіе въ исторіи европейской общественной мысли, этотъ недолговѣчный журналъ вдвойнѣ любопытенъ для русскаго читателя. Въ немъ сотрудничалъ Герценъ, и Герценъ же является однимъ изъ главныхъ представителей тѣхъ воззрѣній, съ которыми считалъ нужнымъ вести идейную борьбу этотъ журналъ. Въ немногочисленныхъ книжкахъ журнала можно найти длинный рядъ статей, посвященныхъ прямо или косвенно автору „Съ того берега". Врядъ ли въ какомъ-либо другомъ европейскомъ изданіи удѣлялось столько вниманія воззрѣніямъ нашего знаменитаго соотечественника. Это вниманіе вызывалось особыми причинами, которыя могутъ быть выяснены лишь въ связи съ общимъ идейнымъ и политическимъ обликомъ всего журнала и той группы нѣмецкой интеллигенціи, органомъ которой онъ служилъ.

„Нѣмецкій Ежемѣсячникъ" былъ органомъ бывшей „крайней лѣвой" франкфуртскаго парламента. Надо сказать, пожалуй, точнѣе — это былъ органъ эмигрировавшихъ изъ Германіи послѣ торжества реакціи членовъ „лѣвой" этого перваго германскаго представительнаго собранія. Его редакторомъ былъ Адольфъ Колачекъ, нѣсколько разъ уже упоминавшійся выше

налъ издавался въ Германіи. Его нѣтъ въ парижской Національной библіотекѣ. Полнаго экземпляра его я не могъ достать ни въ берлинской, ни въ бреславльской, ни въ геттингенской библіотекахъ, куда послѣдовательно приводили меня мои поиски. Стоитъ отмѣтить, что разрозненныя книжки этого журнала, хранящіяся въ берлинской библіотекѣ, попали туда изъ коллекціи Варнгагена фонъ-Энзе и носятъ слѣды его знакомства съ тѣмъ, кто скрывался подъ именемъ Iscander'a.

въ связи съ его перепиской съ Гервегомъ и Зольгеромъ. Во франкфуртскомъ парламентѣ Адольфъ Колачекъ былъ представителемъ австрійскаго округа Тешенъ, а теперь проживалъ эмигрантомъ въ Цюрихѣ [1]). За предѣлами Германіи жили и главнѣйшіе сотрудники журнала. Сотрудничали же въ немъ такіе видные представители недавняго общественнаго движенія, какъ Карлъ Фохтъ, помѣстившій въ журналѣ свои „Изслѣдованія о государствахъ животныхъ“, Людвигъ Симонъ, виднѣйшій изъ ораторовъ „лѣвой“ во Франкфуртѣ, К. Науверкъ, Ф. Фальмерайеръ, Эйзенштюкъ, Оппенгеймъ, Францъ Раво, Руге, Карлъ Гагенъ—всѣ члены франкфуртской „лѣвой“, Готфридъ Кинкель, бонскій профессоръ, только что бѣжавшій изъ каторжной тюрьмы, Рюстовъ, Іоганнъ Шерръ и др. Рихардъ Вагнеръ, только-что спасшійся изъ Дрездена, печаталъ въ журналѣ свои статьи „о современномъ драматическомъ искусствѣ“, а секретарь Кошута, Чернатони, Патаки, І. Кинкель, Эйзенштюкъ и др. въ изобиліи снабжали журналы своими воспоминаніями о революціи въ Венгріи, баденско-пфальцкомъ возстаніи и пр. Журналъ

[1]) За четыре года до того Л. Фейербахъ писалъ о Колачекѣ своему другу профессору Хр. Каппу: „Мнѣ было пріятно появленіе молодого человѣка, который такъ всесторонне принимаетъ участіе въ интересахъ современности, и несмотря на всю свою жизнерадостность, далеко не чуждъ страданіямъ. Мы старались по мѣрѣ возможности принять его сообразно тѣмъ рекомендаціямъ, которыя онъ привезъ отъ васъ“. См. „Ausgewählte Briefe“ etc., т. II, стр. 140. Впослѣдствіи путь Колачека сильно измѣнился. Въ 1861 г. онъ издавалъ въ Вѣнѣ „Stimme der Zeit“. вступилъ въ ближайшія сношенія съ австрійскимъ министромъ Шмерлингомъ, былъ посредникомъ въ его переговорахъ съ Фребелемъ и съ венгерскими магнатами и долженъ былъ стать во главѣ правительственной газеты. См. объ этомъ Julius Fröbel-Ein Lebenslauf, т. II, стр. 118—120.

жилъ цѣликомъ въ атмосферѣ высокаго общественнаго возбужденія.

Но прежде чѣмъ итти дальше, намъ необходимо остановиться на двухъ важныхъ для нашей цѣли обстоятельствахъ. Прежде всего на сотрудничествѣ въ „Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ“ самого Герцена.

Переиздавая въ 1855 г. „Съ того берега“ по-русски, Герценъ сдѣлалъ къ вновь написанному имъ для этого изданія предисловію слѣдующее примѣчаніе:

„Я прибавилъ (къ нѣмецкому тексту 1850 г. *Ю. К.*) три статьи, напечатанныя въ журналахъ и назначенныя для в т о р о г о изданія, которое нѣмецкая цензура не позволила; эти три статьи: „Эпилогъ„ „Omnia mea mecum porto“ и „Донозо Кортесъ“.

Относительно послѣдней статьи въ русскомъ изданіи имѣлось прямое указаніе автора о томъ, что впервые статья эта была напечатана 15 марта 1850 г. въ газетѣ Прудона „Voix du Peuple“; мѣсто же напечатанья первыхъ двухъ статей, — умышленно или случайно, — осталось неуказаннымъ. Во всякомъ случаѣ уже въ ближайшіе годы послѣ напечатанья этихъ статей мѣсто ихъ напечатанья было столь основательно забыто, что даже Ворцель въ органѣ польскихъ эмигрантовъ, давая свою первую замѣтку о Герценѣ, сдѣлалъ ошибку и писалъ о сотрудничествѣ Герцена въ какихъ-то „Deutsche Jahrbücher“ [1]). Въ дѣйствительности, обѣ статьи первоначально были напечатаны въ разбираемомъ нами журналѣ, въ августовской и декабрьской книжкахъ его за 1850-ый годъ. Замѣтимъ тутъ же, что первоначально напечатанный нѣмецкій текстъ обѣихъ статей далеко не во всемъ согласенъ съ русскимъ текстомъ соотвѣтствующихъ главъ „Съ

[1]) См. „Democrata Polski“, № отъ 25 мая 1853 г.

того берега". Не имѣя возможности подробнѣе остановиться здѣсь на любопытныхъ итогахъ произведенной нами свѣрки нѣмецкаго и русскаго текста, отмѣтимъ покуда, что особенно сильно сказывается различіе нѣмецкой и русской редакціи въ статьѣ „Omnia mea mecum porto". Она была напечатана безъ имени автора въ VIII книжкѣ журнала съ подзаголовкомъ „Eine freundschaftliche Admonition" (исчезнувшемъ въ русскомъ изданіи)[1]) и сопровождалась слѣдующимъ редакціоннымъ примѣчаніемъ.

„Печатаемое ниже посланіе прислано намъ авторомъ „Писемъ изъ Италіи и Франціи" и „Съ того берега" (обѣ книги въ переводѣ съ русскаго манускрипта появились у Гофмана и Кампе) въ такой моментъ, когда хаосъ въ партіи вновь заставляетъ серьезно разрабатывать вопросъ о ея задачахъ и будущемъ. Мы поэтому безъ промедленія доводимъ его до свѣдѣнія нашихъ друзей. Они прочтутъ это посланіе со вниманіемъ и испытаютъ діалектическую силу его слова съ точки зрѣнія того дѣла, къ которому всецѣло направлена ихъ энергія. Что касается нашего мнѣнія, то мы считали себя обязанными провиденціальному духу высокодареннаго Admonitor'a зато, что онъ призвалъ насъ къ новой иниціативѣ и создалъ мѣсто для жизненнаго теченія, которое, при всей философской привлекательности своихъ сомнѣній и скорбей, дѣйствуетъ, несмотря на это, укрѣпляющимъ образомъ.—Редакція".

Уже по этому примѣчанію редакціи журнала можно судить не только о высокой оцѣнкѣ произведеній Гер-

---

[1]) Поэтому въ критическихъ статьяхъ журнала противъ Герцена онъ и фигурируетъ все время подъ именемъ Admonitor'a,—провозвѣстника.

цена въ средѣ нѣмецкой демократіи, но и о томъ, какое большое значеніе придавалось имъ для внутренней жизни партіи. Для демократіи Германіи статьи Герцена не были только литературными произведеніями, онѣ оцѣнивались какъ политическіе документы, призванные вліять на выработку задачъ и направленія дѣятельности партіи.

„Эпилогъ 1849“ появился въ XII книжкѣ уже за подписью Искандера, но подъ заглавіемъ „Mein Lebewohl“ и датированный не Парижемъ, какъ значится въ русскомъ изданіи, а Цюрихомъ.

Кромѣ этихъ двухъ статей въ „Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ“ впервые была напечатана работа Герцена „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ (въ январьской, февральской, мартовской и майской книжкахъ за 1851 г.) [1]). Это обстоятельство тоже обычно упускается изъ вида историками литературы, полагающими, что нѣмецкій читатель могъ познакомиться съ исторіей общественнаго движенія въ Россіи лишь изъ отдѣльнаго изданія статей Герцена, появившагося значительно позже въ 1854 г. [2]). Впрочемъ, о появленіи своихъ статей первоначально въ журналѣ не упоминаетъ въ отдѣльномъ изданіи и самъ Герценъ; оста-

---

[1]) Примѣчаніе къ первой статьѣ гласило: „Эта и слѣдующія статьи на ту же тему должны были появиться къ 25-лѣтнему юбилею царствованія Николая I; случайныя обстоятельства задержали ихъ появленіе“.

[2]) Слѣдуетъ отмѣтить, что для отдѣльнаго изданія автору пришлось, во имя цензуры, измѣнить заглавіе своей работы; въ журналѣ же она печаталась подъ первоначальнымъ своимъ именемъ. См. „Russlands sociale Zustände“ von Alexander Herzen. Hamburg“. 1854. Въ этомъ изданіи (равно какъ и во французскомъ изданіи 1851 г.), къ первоначальному (журнальному) тексту авторомъ были добавлены: „введеніе“, „послѣсловіе“, глава „Россія и Европа“ и „приложеніе“ о сельской общинѣ въ Россіи.

лось это, кажется, неизвѣстнымъ и редактору 2-го нѣмецкаго (1906 г.) изданія герценовскихъ статей, написавшему къ нимъ большое предисловіе. Какъ бы то ни было, въ видѣ „Нѣмецкихъ Ежемѣсячниковъ“ Герценъ имѣлъ органъ, хотя и охотно съ нимъ полемизировавшій, но въ то же время дававшій ему возможность знакомить нѣмецкую демократію со своими старыми и новыми работами. И Герценъ, какъ мы только-что могли убѣдиться, воспользовался этой возможностью въ достаточныхъ размѣрахъ.

Если, однако, для насъ не оказалось затрудненій въ опредѣленіи вклада Герцена въ журналъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, то значительно сложнѣе обстоитъ дѣло съ сотрудничествомъ въ немъ его противника, Зольгера. За своею подписью Зольгеръ помѣстилъ въ журналѣ лишь четыре статьи: „Роль Англіи въ исторіи“ (IV, V, VI, VII книжки за 50 г.), „О современномъ движеніи въ конституціонной прессѣ“ (I кн. 51 г.), „Мы“ (V кн. 51 г.) и рецензію на нѣмецкое изданіе „Кто виноватъ?“ Герцена (VI кн. 51 г.). Кромѣ того, безъ подписи имъ напечатана была здѣсь сатирическая комедія, посвященная характеристикѣ умѣреннаго германскаго либерализма. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что этимъ не ограничилось участіе Зольгера въ журналѣ. Неоднократно уже цитированный Каппъ указываетъ, что статьи Зольгера, вмѣстѣ со статьями К. Фохта, принадлежали къ наиболѣе читаемымъ и наиболѣе дебатировавшимся въ средѣ нѣмецкой эмиграціи статьямъ журнала. Но изъ сейчасъ указанныхъ статей развѣ только къ той, которая была озаглавлена „Мы“ и посвящена критикѣ политическихъ нравовъ нѣмецкой оппозиціи, можетъ относиться это замѣчаніе Каппа. Съ другой стороны и Герценъ врядъ ли имѣлъ основаніе выдѣлить Зольгера изъ числа своихъ про-

тивниковъ только за одну его рецензію на „Кто виноватъ?“ Рецензія эта, дѣйствительно, остроумна, но зато въ ней нѣтъ ничего, что дало бы право Герцену считать Зольгера своимъ „противникомъ“. Зольгеръ иронически относится къ самому вопросу, поставленному въ заголовкѣ романа: „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что мы уже до 48-го года знали, что такъ вопроса ставить нельзя, что виноватъ не кто-нибудь, а вся совокупность данныхъ условій“. Далѣе, излагая содержаніе романа, онъ какъ будто склоняется къ той не такъ уже далеко отходившей отъ герценовской концепціи—мысли, что крѣпостное право меньше развращаетъ народъ, чѣмъ полицейское государство Германіи или Австріи, ибо отдѣляетъ народъ отъ высшихъ классовъ и мѣшаетъ ему заразиться ихъ пороками и духомъ примиренія.

Болѣе того. Отмѣченная выше крупная работа Зольгера о роли Англіи въ исторіи кончается рядомъ заявленій, которыя не только не противорѣчили взглядамъ Герцена, но скорѣе свидѣтельствовали о единомысліи его и Зольгера.

„Я сомнѣваюсь,—писалъ здѣсь Зольгеръ, — чтобы германско-индивидуалистическая организація была способна къ новой жизни въ свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Германцы сами сомнѣваются въ этомъ, и такъ какъ не хотятъ отказаться отъ самихъ себя, то они отказываются отъ человѣчества и объявляютъ его утопіей. Кто сказалъ бы египтянамъ 3.000 лѣтъ тому назадъ, что имъ суждено исчезнуть и что когда-нибудь журналистъ Тьеръ будетъ верховнымъ жрецомъ анархической цивилизаціи! И однако, нѣкоторые философы хотятъ считать народы вѣчными, хотя всѣ они, какъ мы знаемъ, имѣли свое начало на могилахъ предшественниковъ. Континентъ Европы носитъ всѣ при-

знаки близкой смерти на лбу; мысль о новомъ міровомъ порядкѣ не имѣетъ у этихъ народовъ никакой другой силы, кромѣ силы вызвать окончательное ихъ разложеніе; въ ожесточеніи борьбы старый порядокъ самъ разрушаетъ понятіе справедливости и несправедливости, на которыхъ онъ покоится; власть сама ежедневно ниспровергаетъ свои божественные законы и ихъ основные принципы; безнравственность еще въ гораздо большой степени, чѣмъ при іюльской династіи, является принципомъ управленія. Она неизбѣжно должна кончить крушеніемъ, но не раньше, чѣмъ отравитъ послѣднія жизненныя силы народовъ... Мы—только удобреніе для расцвѣта какого-то другого поколѣнія“.. Любопытно, что изъ круга своей характеристики Зольгеръ исключалъ Англію, и еще любопытнѣе тѣ основанія, по которымъ онъ это дѣлалъ. „Только Англія кажется еще свободной отъ этой внутренней снѣдающей болѣзни,—она представляетъ безграничную бѣдность, но въ ней нѣтъ еще признаковъ разложенія“. Ея спасеніе—въ рабочихъ ассоціаціяхъ, которыя,—по Зольгеру,—„существуютъ не какъ тайныя заговорщицкія организаціи, а какъ законныя учрежденія свободныхъ людей, и онѣ образуютъ школу духа общности, дисциплины и практическихъ попытокъ реализаціи другого (не буржуазнаго) жизненнаго принципа“.

Высказанная Зольгеромъ точка зрѣнія могла бы оказать ему незамѣнимыя услуги въ дальнѣйшей полемикѣ съ Герценомъ, но то явленіе, въ которомъ онъ видѣлъ спасеніе Англіи, было для него явленіемъ специфически-англійскимъ, недоступнымъ континенту, а потому не опровергавшимъ его предсказаній относительно послѣдняго. Во всякомъ случаѣ сейчасъ цитированный итогъ наблюденій Зольгера надъ Англіей долженъ былъ оказать на него сильнѣйшее вліяніе и

указать тотъ путь, на которомъ можно было искать спасенія отъ отчаянія по-революціонныхъ годовъ. Мы увидимъ ниже, что только условія нѣмецкой жизни помѣшали ему использовать въ достаточной степени аргументъ, почерпнутый изъ англійской исторіи. Что же касается пессимистическихъ взглядовъ Зольгера на судьбу континентальной Европы, высказанныхъ въ этой цитированной статьѣ, то мы уже видѣли ихъ выраженіе въ его стихотворной поэмѣ 1847 г., и надо предположить, что указанная работа была написана имъ одновременно съ этой поэмой, т.-е. до революціи.

Какъ же, однако, примирить эти заявленія Зольгера съ той характеристикой его, которую далъ Герценъ и которая несомнѣнно относится къ періоду сотрудничества Зольгера въ „Нѣмецкихъ Ежемѣсячникахъ“? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Герценъ могъ знать, что перу именно Зольгера принадлежитъ рядъ не подписанныхъ статей въ журналѣ, направленныхъ противъ воззрѣнія автора „Съ того берега“. Эти статьи, дѣйствительно, остроумны; онѣ написаны несомнѣннымъ идейнымъ противникомъ Герцена и притомъ противникомъ возбужденнымъ. Къ нимъ, слѣдовательно, прямо относится та характеристика, которой Герценъ наградилъ Зольгера. Если бы Герценъ не былъ увѣренъ, что ихъ авторомъ является Зольгеръ, то пришлось бы предположить, что, передавая намъ свой разговоръ съ Зольгеромъ, Герценъ имѣлъ въ виду не столько лично его, сколько въ его лицѣ всю ту группу нѣмецкихъ демократовъ, которая редактировала журналъ и вела острую полемику съ авторомъ „Съ того берега“. Но категорическій тонъ герценовскаго разсказа о Зольгерѣ не даетъ намъ никакихъ основаній для подобнаго предположенія. Наоборотъ, всѣ обстоятельства заставляютъ думать, что,

говоря о Зольгерѣ, какъ „самомъ остроумномъ моемъ противникѣ“, Герценъ видѣлъ въ немъ автора указанныхъ статей въ „Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ“.

Теперь мы можемъ перейти къ характеристикѣ послѣдняго.

Общая позиція журнала опредѣлялась тѣмъ, что онъ былъ органомъ демократической интеллигенціи, только-что пережившей сильнѣйшую революціонную встряску. Вѣяніе только-что пронесшейся революціонной грозы всецѣло еще владѣетъ журналомъ. Но эта гроза и ея уроки отражаются на его страницахъ, почти сплошь посвященныхъ описанію и критическому изученію недавнихъ событій такъ, какъ отразились они въ головахъ мелкобуржуазной демократіи. Изъ бури 48-го года она вынесла въ неприкосновенности свой идеалъ единой и демократически-республиканской Германіи. Единство черезъ демократію, а не черезъ Пруссію — это осталось политическимъ ея лозгуномъ. Но понесенныя ею пораженія заставили ея мысль критически отнестись къ тѣмъ путямъ дипломатическаго кунктаторства и пустой игры въ парламентаризмъ, на которые и она была увлечена во Франкфуртѣ. Въ этомъ смыслѣ журналъ былъ самокритикой демократической интеллигенціи. То, что задачи 48 года въ Германіи ни въ коемъ случаѣ не могли почитаться выполненными, а скорѣе, наоборотъ,—въ результатѣ его лишь шире развернулась пропасть между демократическими идеалами и воцарившейся реакціей, — это наполняло демократическую интеллигенцію вѣрой въ то, что ея роль не кончена, что она будетъ еще призвана выполнить свою историческую миссію. Но эта роль представлялась ей теперь въ нѣсколько иномъ видѣ: отъ понесеннаго пораженія она пыталась найти спасеніе въ болѣе тѣсномъ сближеніи съ народными массами. Отор-

ванность отъ массъ, теоретичность лозунговъ, недостаточное вниманіе къ реальнымъ жизненнымъ отношеніямъ она почитаетъ главнѣйшими причинами гибели движенія. Рядомъ съ критикой нерѣшительности, медлительности и исключительности парламентарной тактики умѣренныхъ группъ общества, въ журналѣ идетъ усиленная критика той „философской“ демократіи, которая пыталась работать з а народныя массы вмѣсто того, чтобы призвать къ этой исторической работѣ ихъ самихъ. Это тяготѣніе къ народнымъ массамъ неизбѣжно окрашивало журналъ легкимъ налетомъ соціализма. Однако, это былъ тоже „философскій“ коммунизмъ, подсказанный обще-гуманитарными и морально-политическими мечтами о будущемъ „царствѣ равенства и братства“, а не трезвымъ анализомъ соціально-политическихъ тенденцій современнаго общества. Этотъ „философскій коммунизмъ“ игралъ въ мировоззрѣніи домократіи двойную роль: своей розовой пеленой онъ скрывалъ отъ нея дѣйствительныя очертанія будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ей въ руки орудіе борьбы съ классовыми „притязаніями“ вырабатывавшаго въ то время свою идеологію пролетаріата. „Народъ“ нѣмецкихъ демократовъ послѣ 48-го года оставался тѣмъ же нерасчлененнымъ и нѣсколько мистическимъ существомъ, каковымъ онъ былъ для нихъ еще до эпохи испытаній. Нѣмецкая демократія и теперь столь же рѣшительно отталкиваетъ отъ себя ту путеводную нить, которую предлагаетъ ей теорія классоваго строенія общества. При этихъ условіяхъ отстаиваніе демократическихъ идеаловъ 48-го года, усиленная критика теоріи соглашенія и столь же энергичная критика идеологизма дѣятелей движенія—все еще не указывали дѣйствительнаго выхода изъ созданнаго исторіей тупика.

Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно для общаго облика журнала то, что, столкнувшись съ воззрѣніями Герцена на итоги 48 г., онъ, одновременно же, враждебно сталкивается и съ той оцѣнкой движенія 48 г., которая дана была въ томъ же 50-мъ г. Карломъ Марксомъ въ его журналѣ „Neue Rheinische Revue". Съ критикой воззрѣній Маркса на страницахъ журнала выступилъ виднѣйшій изъ ораторовъ и вождей крайней лѣвой франкфуртскаго парламента, Людвигъ Симонъ изъ Трэуа.

Полный предразсудковъ, созданныхъ отсталостью южно-германскихъ отношеній, типичный демократъ 40-хъ г.г., Л. Симонъ, если и не понималъ отчетливо, то хорошо чувствовалъ, что, несмотря на все различіе въ самой постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ, критика Маркса и Герцена совпадала въ одномъ основномъ пунктѣ: въ разоблаченіи фетишизма излюбленныхъ демократическихъ лозунговъ. Изъ-подъ пера Герцена, какъ и Маркса, „свобода", „равенство", „справедливость", „республика" выходили совсѣмъ не похожими на тѣхъ незапятнанныхъ богинь, которымъ поклонялись неискушенные демократы. Противъ Маркса Л. Симонъ въ своихъ статьяхъ: „Всеобщее избирательное право и диктатура рабочихъ" выставилъ цѣлую батарею доводовъ, смыслъ которыхъ сводился, однако, къ тому краткому положенію, что классовая позиція пролетаріата — этого продукта „болѣзни" современнаго общества — есть нарушеніе „воли большинства" и попраніе демократическихъ принциповъ свободы и равенства.

И для Герцена, и для Маркса самымъ важнымъ итогомъ 48 г. было полное раскрытіе тѣхъ противорѣчій, которыя пронизываютъ современное общество и которыхъ не удалось покрыть ни республикой, ни

лозунгами „равенства“ и „братства“. Симонъ же пытался потушить эти противорѣчія въ безапелляціонной „волѣ даннаго большинства“, находящей свое выраженіе въ парламентскихъ выборахъ. Вполнѣ естественно поэтому, что статьи Симона, направленныя спеціально противъ марксовой критики либерально-демократическихъ фетишей, начинаются выпадомъ противъ Герцена, порывы котораго Симонъ старается смирить тѣмъ же указаніемъ на абсолютныя заповѣди некритическаго, мѣщанскаго демократизма.

Говоря о подчиненіи большинству, какъ объ единственномъ методѣ разрѣшенія всѣхъ поставленныхъ на очередь соціально-политическихъ и морально-политическихъ проблемъ, Симонъ пишетъ: „Пусть пріятель Энглэндеръ [1]), превосходя своимъ пыломъ Прудона, видитъ въ этомъ подчиненіи (большинству) позорный отказъ отъ „суверенитета индивидуума“, пусть даже дружественный Admonitor [2]) въ прошлогодней августовской книжкѣ осуждаетъ это подчиненіе, какъ простое „продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній въ другой формѣ“,—хотя оба изреченія содержатъ въ себѣ долю правды,—однако, я не вижу другого выхода“.

И далѣе: „Если бы пріятель Энглэндеръ пожелалъ осуществить свой неограниченный суверенитетъ индивидуума, онъ долженъ былъ бы стать нашимъ непогрѣшимымъ и безотвѣтственнымъ королемъ, а мы его подданными; если бы дружественный Admonitor пожелалъ обезпечить себя отъ всякихъ жертвоприношеній

---

[1]) С. Энглэндеръ освѣдомлялъ читателей журнала о движеніи общественной жизни во Франціи и далъ въ немъ рядъ статей о Прудонѣ.

[2]) Какъ уже извѣстно читателю, подъ именемъ „дружественнаго Admonitor'а“ Герценъ опубликовалъ въ журналѣ „Omnia mea mecum porto“, откуда и взята цитата Симона.

онъ долженъ былъ бы стать верховнымъ жрецомъ, а мы всѣ жертвенными агнцами. Но плоды подобной жажды свободы, подобной анархіи каждый можетъ въ полной мѣрѣ видѣть въ богатой исторіи королевской власти и церкви. И такъ какъ, вѣроятно, дружественный Admonitor имѣетъ столь же мало желанія быть подданнымъ Сигизмунда Энглэндера, сколь и С. Энглэндеръ жертвеннымъ тельцомъ дружественнаго Admonitor'a, то я полагаю, что мы поступимъ всего благоразумнѣе, если эти интересныя крайности практически завершимъ признаніемъ другъ за другомъ равныхъ правъ и обязанностей“ [3]).

Эта апелляція къ равенству правъ и обязанностей, которая позволила Симону обойти трагическія сомнѣнія Герцена, въ дальнѣйшемъ развертывается у него въ цѣлую политическую систему, игнорирующую во имя подобныхъ же безсодержательныхъ максимъ реальное развитіе общественныхъ отношеній, борьбу отдѣльныхъ группъ въ обществѣ и смѣну одного класса другимъ въ роли господствующей силы. Та демократическая идеологія, которая окрашивала журналъ и нашла себѣ блестящее воплощеніе въ статьяхъ Л. Симона, легко обходила и сомнѣнія Герцена, и указанія Маркса именно потому, что она оставалась на поверхности общественныхъ явленій, отражала отсталость нѣмецкихъ общественныхъ отношеній и тѣмъ самымъ была еще недоступна для тѣхъ сомнѣній, которыми наградило Герцена наблюденіе надъ реальной общественной борьбой болѣе развитой Франціи.

На этой почвѣ и столкнулись три основныхъ теченія демократической мысли, столкнулись въ вопросѣ

---

[3]) „Deutsche Monatsschrift“ 1851, III и V. Статья Л. Симона „Всеобщее изобрѣтательное право и диктатура рабочихъ“.

самомъ основномъ: чѣмъ будетъ жить дальше Европа, и даже шире того,—европейская цивилизація, что она признаетъ: трагическое отчаяніе Герцена, формальный демократизмъ эпигоновъ 48 г., не умѣющихъ, однако, указать, на чемъ созиждутъ они „церковь будущаго" передъ лицомъ уже вырисовавшагося на горизонтѣ Бисмарка, или, наконецъ, классовую теорію Маркса?

Надо прибавить къ этому, что въ своемъ отчаяніи Герценъ отнюдь не былъ одинокъ среди европейской демократіи. Достаточно вспомнить французскаго эмигранта Кёрдеруа, въ отчаяніи мечтавшаго объ обновленіи Европы казацкимъ нашествіемъ [1]), или Мадзини, писавшаго объ своихъ надеждахъ на славянство [2]), наконецъ, — отмѣченныя уже выше ноты у Зольгера, чтобы понять, что вопросъ, поставленный Герценомъ, гораздо глубже затрогивалъ самую сущность тогдашняго положенія европейской демократіи, чѣмъ это кажется [3]). Съ другой стороны формальный демократизмъ

---

[1]) Въ октябрѣ 1854 г. Ernest Coeurderoy выпустилъ въ Лондонѣ брошюру подъ характернымъ заглавіемъ: „Hurrah!!! ou la Revolution par les Cosaques". Письмо Кёрдеруа къ Герцену перепечатано послѣднимъ въ „Быломъ и Думахъ".

[2]) См., между прочимъ, „Lettres de Joseph Mazzin à Danili, Stern (1864—1872)" Paris. 1873. Письмо Мадзини, на стр. 22 этой книжки даетъ любопытный pendant къ настроеніямъ и надеждамъ Герцена.

[3]) Отмѣтимъ тутъ же, что уже въ самомъ „Нѣмецкомъ Ежемѣсячникѣ" книга Герцена была сопоставлена съ другими подобными же произведеніями. Въ іюльской книжкѣ журнала за 1850 г. стр. 154 въ корреспонденціи изъ Лондона, датированной 20 іюня, можно прочесть: „Уже положено серьезное начало спеціальной „литературѣ крушенія". Одинъ русскій, подъ заглавіемъ „Съ того берега", опубликовалъ въ высшей степени богатую мыслями и цѣнную книгу о крушеніи Западной Европы, одинъ французскій легитимистъ—о крушеніи Франціи, а Ледрю-Роллэнъ, послѣ десяти-мѣсячнаго пребыванія въ Лондонѣ выпу-

носителей традицій 48 г. больше вѣрилъ въ „народъ“, чѣмъ понималъ его, больше клялся „прогрессомъ“, чѣмъ обнаруживалъ способностей проникнуть во внутреннюю механику прогрессивнаго развитія общества. Но тутъ-то и раздавался трагическій вопросъ Герцена. На чемъ основана ваша вѣра? Откуда ждете вы мстителей за прошлое и строителей будущаго? „Гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?“. „Все было, — писалъ Герценъ,—только мести не будетъ!“

Европейская и въ частности нѣмецкая демократія для того, чтобы двигаться впередъ, даже больше—для того, чтобы отстоять свое право на существованіе и свои претензіи на роль въ будущемъ, должна была преодолѣть этотъ вопросъ. Онъ былъ плодомъ всеобщаго крушенія надеждъ и жилъ въ самой демократіи; какъ червь, онъ глодалъ ее изнутри. Герценъ

стилъ первую часть 4-хъ томнаго сочиненія о паденіи Англіи“ Дальше идетъ страница общей критики, съ мотивами которой мы встрѣтимся въ другихъ статьяхъ журнала, и спеціальный разборъ книги Роллэна. О Герценѣ авторъ, между прочимъ, пишетъ: „У автора „Съ того берега“ большая заслуга... Съ безпристрастіемъ Спинозы и спокойной увѣренностью Гёте наблюдаетъ онъ стоны и отчаянье разбитыхъ революціонеровъ, но онъ не совѣтуетъ и теперь, а учитъ отчаяваться съ сознаніемъ собственнаго достоинства и безъ претензій“. То, что автору этихъ строкъ при чтеніи Герцена пришли на умъ такіе великаны мысли, какъ Спиноза и Гёте, не должно насъ удивлять: мы уже видѣли, какъ высоко оцѣнивали силу мысли и литературный талантъ Герцена другіе сотрудники журнала. У Фальмерайера можно встрѣтить въ его разборѣ „Съ того берега“ подобныя же сопоставленія. Авторъ сейчасъ цитированныхъ строкъ намъ не извѣстенъ: корреспонденціи изъ Лондона въ журналѣ—анонимы Но не можетъ быть сомнѣнія, что онѣ проходили черезъ руки Зольгера, лучшаго знатока англійскихъ отношеній въ составѣ редакціи журнала.

лишь облекъ его въ форму рѣшительнаго ультиматума и высказалъ громко, убѣжденно, со всей присущей ему страстью. Вотъ почему Герценъ занимаетъ такое большое мѣсто въ журналѣ нѣмецкихъ демократовъ.

Столкновеніе на страницахъ этого журнала воззрѣній Герцена, демократовъ и Маркса было только однимъ изъ отраженій глубокаго кризиса, переживаемаго тогда всѣми демократами, кризиса, изъ котораго лишь очень немногіе вынесли въ неприкосновенности свои былые идеалы и свою способность къ борьбѣ за нихъ. Многіе пали жертвой неумѣнія разрѣшить поставленные вопросы и въ концѣ жизни причалили къ берегамъ, отъ которыхъ отчалили въ юности. Примѣръ: Руге и Фохтъ, — чтобы не выходить за предѣлы сотрудниковъ журнала, насъ здѣсь интересующаго.

Образецъ безпомощности представляетъ собой первая статья, которой откликнулся журналъ на пропаганду Герцена [1]). Статья принадлежитъ перу Карла Науверка, профессора Берлинскаго университета по каѳедрѣ исторіи философіи, соратника Бауера и Макса Штирнера, затѣмъ сотрудника Руге, депутата франкфуртскаго парламента отъ Берлина и, наконецъ, политическаго эмигранта. Статья Науверка написана въ очень оптимистическомъ тонѣ, при чемъ его оптимизмъ пытается опереться чуть ли не на весь опытъ всемірной исторіи. Но вульгарный оптимизмъ Науверка не разрѣшаетъ вопросовъ, поставленныхъ Гер-

[1]) Ранѣе этой статьи и въ той же книжкѣ (VIII), гдѣ и „Omnia mea mecum porto“, появилась обширная статья Фальмерайера (извѣстнаго ученаго-востоковѣда и члена франкфуртскаго парламента) о „Vom andern Ufer„ Несмотря на ея интересъ, мы принуждены оставить ее въ сторонѣ.

ценомъ, а попросту отвергаетъ ихъ. „Формула прогресса“, выдвинутая Науверкомъ противъ Герцена, представляла себѣ исторію, какъ извѣчную борьбу „злого и добраго принциповъ“, борьбу, въ которой побѣда должна достаться доброму принципу по той простой причинѣ, что нашъ авторъ позаботился заранѣе наградить этотъ принципъ побѣдоносной силой. Взявшись опровергнуть „литературу крушенія“ и „школу гробокопателей и кладбищенскихъ проповѣдниковъ“ (слова Науверка), его поверхностный радикализмъ не смогъ противопоставить этой „школѣ“ ничего, кромѣ поверхностнаго наблюденія относительно „спиралеобразнаго“ развитія — „революція-реакція-революція“ — безъ малѣйшей попытки доискаться корней этой схемы и безо всякаго умѣнія вскрыть ея общественный смыслъ. Именно поэтому Науверкъ могъ съ легкимъ сердцемъ противопоставить мрачнымъ сомнѣніямъ Герцена голое утвержденіе, что во имя его схемы господствующая реакція приведетъ къ новой революціи. „Никогда, — писалъ онъ, — безнадежность не была столь необоснована, какъ теперь... Все подготовлено къ новой, коренной, рѣшительной революціи“. Это писалось въ 1850 г., а слѣдующіе годы показали, что торжество Наполеона и Бисмарка было гораздо болѣе „подготовлено“, чѣмъ что-либо другое... Убогій анализъ общественныхъ отношеній обезпечивалъ, такимъ образомъ, превращеніе здороваго оптимизма въ пустую декламацію. И ничего другого не было въ той заключительной главѣ статьи Науверка, въ которой онъ брался указать Герцену „залогъ скорой побѣды соціальной демократіи“ (таковъ подзаголовокъ послѣдней части этой статьи). Правда, и Науверкъ могъ замѣтить Герцену: „эти массы (ремесленниковъ, рабочихъ и крестьянъ), а не какіе-нибудь

русскіе представляютъ собой тѣ силы, которыя нужны міровому духу для его новыхъ твореній". Но это звучало для Герцена пустой и давно извѣстной ему фразой, покуда не были указаны тѣ обстоятельства, которыя превратили бы эти „силы" въ дѣйствительныя творческія силы будущаго. Вульгарный демократическій оптимизмъ замолкалъ какъ разъ тамъ, гдѣ Герценъ ставилъ свой вопросъ. Поэтому, когда пришло „второе декабря", Герценъ могъ написать, что „оно отвѣтило имъ громче меня" [1]). Герценъ видѣлъ въ немъ оправданіе своихъ пророчествъ; Науверкъ же могъ только въ недоумѣніи развести руками...

Статья Науверка: „Настоящее въ свѣтѣ закона развитія человѣчества" появилась какъ непосредственный отвѣтъ на статью Герцена „Omnia mea mecum porto" и была напечатана въ качествѣ руководящей статьи [2]). Но, видимо, она очень мало удовлетворила и редакцію, и читателей журнала. Проблема, поставленная Герценомъ, требовала болѣе серьезнаго и внимательнаго отношенія къ себѣ. Декламаціей на тему о подготовленности второй революціи отдѣлаться отъ нея было невозможно.

Глухое недовольство и, такъ сказать, инстинктивное отталкиваніе отъ мрачныхъ пророчествъ Герцена, которое, несомнѣнно, господствовало въ средѣ нѣмецкой демократіи, могло, однако, пріобрѣсти видимость серьезныхъ возраженій только въ тотъ моментъ, когда пессимизму Герцена противопоставлялись указанія не только на общія тенденціи демократіи, которыя, вѣдь, и раньше хорошо были извѣстны Гер-

---

[1]) „Сочиненія", V, 3.

[2]) См. „Deutsche Monatsschrift" etc. 1850 г. IX. K. Nauwerk Die Gegenwart im Lichte der menschheitischen Entwicklungsgesetze.

цену, а конкретныя указанія на тѣ силы общества, которыя способны были бы вывести демократическую общественность и демократическую мысль изъ того тупика, въ который онѣ попали съ крахомъ движенія 48 г. И вотъ съ октябрьской книжки журнала за 50 г. начинается серія редакціонныхъ, неподписанныхъ передовыхъ статей, имѣющихъ передъ собой именно эту задачу. Первая статья озаглавлена — „Буржуазія", вторая — „Пролетаріатъ", третья (она раздѣлена на двѣ части) — „Демократія", четвертая — „Крушеніе" [1]). Среди этихъ четырехъ близко связанныхъ другъ съ другомъ статей послѣдняя имѣетъ своей единственной темой критику взглядовъ Герцена, первая — отправляется отъ этой критики, вторая и третья пытаются дать самостоятельный отвѣтъ на причины крушенія 48 г. въ связи съ исторіей партійныхъ отношеній въ Германіи. Выше я привелъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ меня думать, что Герценъ приписывалъ эти статьи перу Зольгера. Какъ убѣдится читатель, та изъ нихъ, которая прямо посвящена Герцену, несомнѣнно, принадлежитъ блестящему и остроумному перу, какимъ и владѣлъ Зольгеръ. А при этомъ условіи дѣлается весьма вѣроятнымъ, чтобы не сказать безусловно-достовѣрнымъ, принадлежность ему и первыхъ трехъ статей.

Въ первой статьѣ Герценъ ни разу не названъ, но для читателя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что именно его имѣетъ въ виду авторъ. Онъ критикуетъ въ данномъ случаѣ не соціально-политическіе взгляды, а философскія предпосылки Герцена, поскольку онѣ сказались въ „Съ того берега". Отъ

[1]) См. „Deutsche Monatsschrift", 1850, книжки за октябрь, ноябрь (по 2 выпуска) и декабрь.

внимательнаго читателя этой книги не можетъ укрыться, что, въ своемъ негодованіи противъ фетишей тогдашней демократической идеологіи, Герценъ далеко перешелъ границы необходимаго. Критикуя фетиши, онъ замахнулся на дѣйствительныя цѣнности: критикуя „общія мѣста“ демократической фразеологіи, онъ обнаружилъ въ ихъ оцѣнкѣ полное отсутствіе исторической перспективы; обрушившись на тѣ преступленія, которыя совершались тогда „именемъ народа“, онъ дошелъ до чистѣйшаго индивидуализма. Критикой подобной критики и начинаетъ анонимный авторъ. И надо сказать, что здѣсь его критика достаточно остра и прямо попадаетъ въ цѣль: онъ нащупалъ слабое мѣсто Герцена, то слабое мѣсто, которое изъ Герцена въ его взглядахъ на западно-европейскую цивилизацію сдѣлала скептика, а не строителя.

„Нѣкоторые мудрецы, — такъ начинается статья, — недавно вновь сдѣлали старое открытіе, что всѣ общія понятія, какъ государство, человѣчество, прогрессъ, цивилизація, не представляютъ изъ себя ничего иного, какъ пустыя абстракціи“ [1]). Въ дальнѣйшемъ автору было не трудно показать ту ближайшую реальную зависимость, въ которой находятся сами проповѣдники индивидуализма отъ отвергаемыхъ ими „абстракцій“ человѣчества и цивилизаціи, снабдившихъ этихъ проповѣдниковъ не только идеями, но, — какъ язвительно замѣчаетъ авторъ, — и матеріальной возможностью ихъ разрабатывать. „Человѣчество“ столь же мало абстракція, какъ и личность господина N. N.—и, если какой-нибудь поденщикъ не можетъ игнорировать этой „абстракціи“ подъ угрозой умереть завтра съ голоду, то и состоятельнымъ проповѣдникамъ инди-

[1]) „Deutsche Monatsschrif. 1850, 101. „Die Bourgeosie“.

видуализма слѣдовало бы помнить, что всѣ условія ихъ жизни созданы отвергаемой ими абстракціей". Но авторъ статьи не ограничивается споромъ съ Герценомъ на этой только почвѣ; онъ пытается вскрыть жизненные корни индивидуализма и здѣсь подходитъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя, не представляя ничего новаго для нашего времени, въ то время, когда онъ ихъ формулировалъ, были значительнымъ шагомъ впередъ.

Индивидуализмъ, — доказываетъ авторъ, — вѣдь и есть жизненный принципъ современнаго общества, разрушившаго всѣ былыя связи и замѣнившаго ихъ лозунгомъ свободной конкуренціи всѣхъ и каждаго. Отсюда было уже недалеко къ тому опредѣленію теоретиковъ индивидуализма, которое и дѣлаетъ нашъ авторъ. Эти люди, пишетъ онъ, которые такъ рѣзко обрушиваются на современную цивилизацію, не замѣчаютъ того, что „они доводятъ въ теоріи до конца тотъ принципъ, котораго на практикѣ въ развернутомъ видѣ не имѣетъ возможности осуществить сама буржуазія".

Нельзя отрицать правильности и остроумія этихъ соображеній, но надо указать, что — поскольку они имѣютъ въ виду Герцена — они не попадаютъ въ цѣль уже просто въ силу своей чрезмѣрной общности. Герценовскій индивидуализмъ 50-хъ г.г., находившій свое дополненіе въ тягѣ къ „общественности" русскаго „міра", былъ, конечно, отнюдь не „идеологіей буржуазіи", а лишь идеологической оболочкой чувства отчаянья интеллигентскихъ силъ только-что отшумѣвшей революціи. Нашъ авторъ, въ своей защитѣ общественнаго дѣла противъ этого приступа отчаянья, не могъ и не хотѣлъ считаться съ „оттѣнками", онъ бралъ мысль Герцена въ ея наиболѣе общей формѣ:

въ герценовской критикѣ „абстракцій“ (человѣчество, цивилизація, прогрессъ) онъ видѣлъ прежде всего философскую предпосылку реальнаго отказа отъ участія въ борьбѣ. И онъ былъ очень недалекъ отъ истины. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вспоминая о настроеніяхъ создавшихъ „Съ того берега“ самъ Герценъ писалъ о себѣ: „Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и въ единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя. Видя что все рушится, я хотѣлъ спастись, начать новую жизнь, отойти съ двумя — тремя въ сторону, бѣжать, скрыться отъ г. г. лишнихъ. И я надменно поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи: Omnia mea mecum porto!..“ Но критикъ Герцена былъ все-же достаточно объективенъ для того, чтобы понять эту, только-что осужденную имъ точку зрѣнія въ ея историческомъ значеніи.

Буржуазный индивидуализмъ представляется ему однимъ изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго духа въ его историческомъ развитіи. Онъ видитъ въ немъ великую разрушительную силу, высвободившую человѣческую личность изъ оковъ культурнаго варварства и духовнаго рабства. Буржуазія, разрушившая крѣпостничество и феодализмъ, создала личность, но вмѣстѣ съ тѣмъ она расщепила общество на рядъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и тѣмъ бросила его въ анархію. Задача времени въ томъ, чтобы на почвѣ, очищенной буржуазіей, вновь возсоздать организованность общества, „вернуть свободную личность природѣ и человѣчеству“.

Здѣсь Герценъ имѣлъ передъ собою, — въ нѣсколько, правда, дилеттантскомъ изложеніи, — тѣ самыя соображенія объ исторической миссіи и о пре-

ходящей роли буржуазіи, которыя еще до революціи были изложены въ извѣстныхъ работахъ Маркса и Энгельса. Оппонентъ Герцена говорилъ не въ терминахъ соціально-политическихъ, а въ болѣе свойственныхъ ему и Герцену терминахъ литературно-философскаго характера. Однако, это только маскировало, а не устраняло сущности спора. Отчаянью Герцена нѣмецкая демократія противопоставляла историческую буржуазную культуру, а герценовскимъ поискамъ внѣшней силы, которая разрѣшила бы его сомнѣнія, она противопоставляла картину растущихъ противорѣчій внутри самой этой исторически данной культуры. Правда, именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ она сама оказывалась въ высокой степени безпомощной. Сможетъ ли сама буржуазія увѣнчать свое историческое дѣло и примирить личность и общество? — Этимъ вопросомъ кончалась разбираемая статья.

Формальная правильность философскихъ соображеній и соображеній историческихъ, выдвинутыхъ противъ Герцена, не гарантировала, однако, еще правильнаго разрѣшенія сейчасъ поставленнаго вопроса. Герценовскій пессимизмъ могъ быть разбитъ только на почвѣ научной формулировки тѣхъ тенденцій, которыя призваны были спасти обреченную Герценомъ крушенію европейскую цивилизацію. Поскольку эти тенденціи не были найдены или только слабо просвѣчивали въ туманныхъ фразахъ о „примиреніи личности и общества“, — а чаще всего онѣ просто были недоступны идеологамъ мѣщанской демократіи,—постольку пессимизмъ Герцена еще не былъ поколебленъ.

Возраженія могли быть „остроумными“, — какъ признавалъ самъ Герценъ, — но они не были рѣшающими: они еще не гарантировали отъ возвратныхъ присту-

повъ отчаянья и невѣрія въ будущее. Науверкъ вѣрилъ въ неизбѣжность и подготовленность новой революціи. Герценъ не вѣрилъ и не хотѣлъ спорить на почвѣ вѣры. Авторъ сейчасъ разсматриваемыхъ статей пытался найти ту неизбѣжность, которая, отнимая у вѣры элементъ наивнаго расчета на соціально-политическія чудеса, превращала бы ее въ увѣренность, въ осознанную необходимость. Нашелъ ли онъ ее? — Нѣтъ. Почему? — Потому что на вопросъ, поставленный во всемірно-исторической перспективѣ, журналъ нѣмецкихъ демократовъ пытался почерпнуть отвѣтъ въ ограниченныхъ рамкахъ тогдашнихъ германскихъ соціально-политическихъ отношеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вопросовъ, поставленныхъ Герценомъ, отъ вопроса о наслѣдникахъ буржуазной культуры онъ спускался въ сферу, гдѣ этотъ вопросъ былъ еще затушеванъ недостаточнымъ развитіемъ самой буржуазной культуры.

Самый фактъ сравнительной отсталости германскихъ отношеній отъ отношеній англійскихъ и французскихъ не могъ, конечно, остаться тайной для нѣмецкихъ демократовъ. Но по своеобразной ошибкѣ историческаго зрѣнія, — ошибкѣ, повторяемой демократической интеллигенціей всякой страны въ извѣстный періодъ ея развитія, — и нѣмецкая демократическая мысль видѣла въ этой отсталости не столько бѣду своей страны, сколько залогъ ея особыхъ успѣховъ.

Герценъ бился надъ противорѣчіемъ между политической революціей и продолжающейся „антропофагіей“, какъ называлъ онъ соціальныя отношенія современнаго общества. А нашъ авторъ утѣшался тѣмъ, что „буржуазія и пролетаріатъ — противоположенія, которыя могутъ возникнуть только на почвѣ

свободнаго развитія промышленности, которыя немыслимы одно безъ другого и которыя въ „просвѣщенномъ“ бюрократическомъ или полицейскомъ государствѣ, опять — благодареніе Богу, — накрывшемъ насъ своей шляпой, не могутъ развиться уже потому, что въ немъ не можетъ развиваться самостоятельная промышленность“ [1]).

Это, только отчасти вѣрное, положеніе давало зато автору возможность немедленно перейти въ наступленіе противъ тѣхъ, кто, какъ Герценъ, въ противорѣчіи между „имущими“ и „неимущими“ склоненъ былъ видѣть основной узелъ современности.

„Истинныя цѣли нѣмецкой революціи 48 г., — продолжалъ нашъ авторъ, — мы можемъ познать не въ требованіяхъ философовъ, а въ томъ направленіи, которому непроизвольно слѣдовало общее возбужденіе, а оно было направлено, по нашему мнѣнію, противъ господства бюрократіи и полицейскаго государства. Имущественныя отношенія, конечно, играли роль, но не главную и не опредѣляющую“. Перечисливъ затѣмъ рядъ тактическихъ задачъ, нерѣшенныхъ германской революціей (подготовка ея боевыхъ силъ и т. д.), авторъ заканчивалъ: „въ этомъ заключались по нашему мнѣнію тѣ пункты, на которыхъ исключительно должна была концентрироваться революціонная энергія. Мы приписываемъ трусости то обстоятельство, что эти серьезныя задачи были отодвинуты на второй планъ декламаціями во имя пролетаріата... Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ бороться съ буржуазіей, которая не существуетъ, во имя пролетаріата, который только

---

[1]) „Deutsche Monatsschrift“ etc., 1850. X, стр. 90. „Das Proletariat“.

могъ бы еще возникнуть изъ промышленности подобной англійской“ [1]).

Эти слова мѣтили дальше Герцена, въ Маркса,— но они должны были быть отвѣтомъ и тому, кто въ книгѣ, лежавшей на письменномъ столѣ автора, описалъ, какъ неизбѣжно „изъ-за полуразрушенныхъ (политической революціей. Ю. К.) стѣнъ явился не въ книгахъ, не въ парламентской болтовнѣ, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ—пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ „несчастный, обозленный братъ“, о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ, наконецъ, гдѣ же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ е г о свобода, е г о равенство, е г о братство“ [2])...

Мысль нѣмецкой демократической интеллигенціи — поскольку она отражалась въ разбираемой нами полемикѣ,—еще н е д о р о с л а до уровня поставленной въ сейчасъ цитированныхъ строкахъ Герцена проблемы. Авторъ нѣмецкихъ статей былъ до извѣстной степени правъ фактически, когда писалъ, что въ Германіи „ремесленники и фабричные рабочіе страдаютъ отъ всевозможныхъ несовершенствъ, но не стоятъ большой массой противъ капиталистовъ, которые бы угнетали ихъ, какъ одинъ классъ — другой, и политическимъ могуществомъ, экономическимъ насиліемъ и перевѣсомъ образованія подавляли бы ихъ“. Онъ имѣлъ основанія указывать на то, что въ Германіи „зло (!) имѣетъ мѣстный, въ крайнемъ случаѣ областной, но не національный характеръ...“ Наконецъ, онъ

---

[1]) Ibid. стр. 86, 88, 90.

[2]) Курсивъ Герцена. См. „Съ того берега“, Сочиненія, V, 57 — 8.

ни капли не отступалъ отъ воззрѣній, распространенныхъ въ средѣ тогдашней интеллигенціи, когда писалъ: „Время, несомнѣнно, настойчиво требуетъ разрѣшенія вопроса объ имущихъ, но — счастіе это или несчастіе, прибыль или убытокъ, — эти противорѣчія дремлютъ еще рядомъ въ патріархальномъ миролюбіи, если они вообще имѣются". Ошибка нашего автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его неспособность рѣшить вопросъ, поставленный Герценомъ, или хотя бы подойти къ его рѣшенію, заключалась лишь въ томъ, что онъ и свои надежды и свою политическую тактику базировалъ на этомъ „патріархальномъ миролюбіи". Опираясь на него, нѣмецкая демократія могла считать, что ее не задѣваетъ герценовская критика дѣятелей 48-го г., могла разсчитывать сохранить за движеніемъ обще-національный характеръ и даже вѣрить, что „нѣмецкая буржуазія послѣ побѣды надъ полицейскимъ государствомъ не будетъ играть той тиранической роли", какъ французская или англійская [1]).

Эти разсужденія, служащія любопытнымъ образчикомъ того, какъ неразвитость общественныхъ отношеній связывала мысль демократіи, показываютъ намъ, что искать въ Германіи отвѣта на вопросъ о наслѣдникахъ буржуазной культуры было во всякомъ случаѣ преждевременно. Герцена, пережившаго іюльскіе дни, всѣ эти возраженія очень мало задѣвали; надежды, и соображенія нѣмецкихъ демократовъ въ данной области должны были казаться ему подсказанными нѣмецкимъ провинціализмомъ: Герценъ, вѣдь, видѣлъ неизбѣжность того расщепленія современнаго общества, первые начатки котораго осуждалъ его оппонентъ и на предотвращеніи котораго онъ строилъ свои на-

---

[1]) Всѣ цитаты изъ той же статьи „Das Proletariat".

дежды. Отсталость Германіи дѣлала нѣмецкую демократическую мысль безсильной передъ лицомъ Герцена, поскольку Герценъ обращался къ основному противорѣчію буржуазной культуры.

Она зато оказывалась гораздо сильнѣе, когда дѣло шло о методахъ общественной работы внутри и на почвѣ данной буржуазной культуры. Тутъ понесенныя пораженія заставили мысль демократической интеллигенціи сдѣлать большой шагъ впередъ: они заставили ее пересмотрѣть ея былой взглядъ на отношеніе между развитіемъ идей и движеніемъ народныхъ массъ. Идеалистическая философія, воспитанниками которой было громадное большинство дѣятелей 48-го г., явнымъ образомъ оказалась безсильной справиться съ выдвинутыми вопросами. Съ философскихъ высотъ надо спуститься къ реальной жизни, вступить въ общеніе съ народными массами — это стало лозунгомъ момента.

Есть громадная разница, — писалъ журналъ, — „между человѣкомъ изъ народа, охваченнымъ демократическими идеями, и идеалистомъ-демократомъ, сдѣлавшимъ изъ народа объектъ своего изученія. Послѣдній родъ демократіи, демократію аристократически-образованныхъ, признавшихъ необходимымъ испытать, дополнить и очистить свои идеи на нѣмецкой дѣйствительности, Германія до революціи имѣла; первой — нѣтъ“... У насъ демократія, — продолжалъ авторъ, — была и есть только мнѣніе, мнѣніе за народъ, добрыя желанія для народа, но отнюдь не идея самого народа, не желаніе лучшаго будущаго со стороны самого народа „для себя“ [2]).

---

[2]) Третья статья серіи: см. „Die Democratie“, „D. M.“ 1850, IX.

Давая затѣмъ интересный очеркъ идейной жизни Германіи до революціи, авторъ приходитъ къ выводу, что ея характернѣйшей чертой была полная оторванность отъ реальной жизни массъ. Только одинъ Фейербахъ,—по мнѣнію автора,—вышелъ за предѣлы самодовлѣющей философской мысли, чтобы прикоснуться къ міру реальной демократіи. Уже это выдѣленіе Фейербаха указываетъ на то, что самокритика нѣмецкой демократіи подошла въ лицѣ автора разбираемыхъ статей къ тому, чтобы нащупать свой основной грѣхъ: идеалистическій характеръ своихъ воззрѣній на общественныя отношенія. А поскольку въ своей самокритикѣ нѣмецкіе демократы должны были покидать и критиковать свою идеалистическую точку зрѣнія на развитіе общественныхъ отношеній, постольку они оказывались сильнѣе Герцена. Разочарованіе въ идеалистической философіи и ученіе Фейербаха, а съ другой стороны къ „реальному человѣку“, къ „народу, какъ онъ есть“, и вотъ этотъ-то призывъ къ единенію съ народными массами, къ переходу отъ „демократіи аристократически-образованныхъ“ къ демократіи народной и былъ самымъ сильнымъ аргументомъ въ ихъ полемикѣ съ Герценомъ. Правда, критики сами были неофиты, не продумавшіе до конца своей критики, но тѣмъ болѣзненнѣе реагировали они на все, что казалось имъ возстановленіемъ осужденной ими точки зрѣнія. Они, только-что признавшіе въ своей оторванности отъ массъ, въ своемъ идеологизмѣ причину крушенія 48-го г., съ особенно страстнымъ осужденіемъ должны были отнестись къ тому, что въ проповѣди Герцена казалось имъ апологіей отщепенства отъ массъ, отказомъ отъ активнаго вмѣшательства въ текущую жизнь, какъ бы ни была она „отталкивающа“ съ точки зрѣнія предвзятыхъ идей.

Рѣшительному бою съ герценовскимъ пессимизмомъ и посвящена послѣдняя статья серіи, опирающаяся на идеи и факты, выясненные предшествующимъ анализомъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что именно эту статью имѣлъ въ виду Герценъ, когда писалъ о своемъ „самомъ остроумномъ противникѣ“. Она неизбѣжно потеряла бы слишкомъ много въ пересказѣ, и единственно правильнымъ будетъ, потому, дать эту статью здѣсь въ подробныхъ выпискахъ. Для этого есть и еще одно основаніе. Тотъ призывъ къ народу, къ реальной жизни, къ провѣркѣ идей на матеріалѣ дѣйствительности, который нѣмецкій демократъ могъ противопоставить Герцену, служитъ, такъ сказать, стержнемъ статьи. Центръ же ея въ поразительно яркой психологической характеристикѣ Герцена и его друзей. Герценъ призналъ ея „остроуміе“, мы же должны признать, что въ ней много исторической правды. И это немудрено, если принять во вниманіе, что она вышла изъ-подъ пера человѣка, имѣвшаго возможность наблюдать Герцена и его друзей въ интимномъ кругу, дѣлившаго съ ними ихъ надежды и переживавшаго тѣ же приблизительно идейныя бури. Пропитывающій соотвѣтствующія страницы горькій сарказмъ, который, конечно, задѣвалъ и самого автора, не мѣшаетъ имъ, поэтому, оставаться любопытнѣйшей попыткой современника проникнуть въ глубину настроеній Герцена парижскаго періода его жизни.

„Философіи не удалось ни установить новаго міра, ни окончательно разрушить стараго—такъ, подводя итоги своей критики идеалистической философіи, начинаетъ оппонентъ Герцена. Философія дѣйствовала

[1]) См. „D. M.“ 1850, XII. „Das Untergangsthum“.

только какъ ферментъ, большая и лучшая часть работы должна быть предоставлена самимъ матеріальнымъ элементамъ. Полицейское государство находится въ такомъ положеніи, когда оно само должно прійти къ своему окончательному разложенію. Оно переживетъ еще нѣсколько ужасныхъ конвульсій, прежде чѣмъ испустить духъ. Не позволимъ же поработить себя впечатлѣніямъ момента, когда европейская жандармерія справляетъ свой кровавый праздникъ и почерпаетъ здоровье въ крови всего того, что намъ дорого. Мы уже видѣли стонущую Европу распростертой у ногъ Наполеона въ Дрезденѣ; это было наканунѣ отступленія отъ Москвы... Задача прессы теперь не въ томъ, чтобы возбуждать или пророчествовать, а въ томъ, чтобы подсказать народу, который при всеобщемъ крушеніи моральныхъ и правовыхъ понятій ищетъ для себя точки опоры, великую и истинную и—въ своей истинности—практическую идею...“

„Небесное царство близко, и потому нѣтъ недостатка и въ пророкахъ. И лучше всего дѣйствуютъ тѣ, которые пророчествуютъ о ближайшихъ дняхъ“.

Приведя затѣмъ цитату изъ „Съ того берега“, въ которой Европѣ предсказывается судьба Рима, авторъ продолжаетъ:

„Пророчество кажется намъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшнымъ. Правда, какъ и во времена паденія Рима, никто больше не вѣритъ въ господствующихъ боговъ и въ старыя добродѣтели; какъ и тогда, чувство угнетеннаго народа ничѣмъ болѣе не связано съ государствомъ; правда, что отъ этого нѣкогда столь вознесеннаго государства не осталось нынѣ ничего, кромѣ системы порабощенія и угнетенія, только поддерживающихъ ходъ машины; правда, что народы, отчаявшіеся во всемъ, что существуетъ, преданы не-

опредѣленной надеждѣ, что такъ далѣе продолжаться не можетъ, что они со всѣми ихъ неисчерпанными желаніями и силами не могутъ исчезнуть съ лица земли, что откуда-то и какъ-то должно прійти нѣчто, что выведетъ ихъ изъ невыносимаго положенія".

„Но когда у римлямъ деспотизмъ въ своемъ развитіи дошелъ до саморазложенія, во всемъ созданномъ имъ мірѣ не осталось ничего, кромѣ рабской орды, которая, не будучи въ состояніи быть чѣмъ-либо сама по себѣ, шагъ за шагомъ слѣдовала за своими господами—отъ нравственности къ безнравственности и отъ безнравственности къ отчаянью. У насъ, наоборотъ, остался народъ, самосознаніе котораго выросло именно въ той мѣрѣ, въ которой власть, подъ которой онъ стоналъ, теряла вѣру въ самое себя. Когда міръ рушился для римскихъ господъ, онъ рушился и для рабовъ, ибо они не имѣли другого міра,—и одинаково, тѣ и другіе должны были бѣжать въ потусторонній міръ [1]). Наоборотъ, у насъ чѣмъ безнадежнѣе становится отчаявшаяся въ себѣ тиранія неба, тѣмъ упорнѣе становится народъ въ своемъ рѣшеніи отыскать свое счастіе на землѣ. Евангеліе, котораго онъ жаждетъ, не есть евангеліе утѣшенія въ жизненныхъ лишеніяхъ, но евангеліе исполненія, вмѣсто обнадеживанья и лишеній. Идеалъ древнихъ не могъ быть реализованъ: онъ лежалъ въ прошломъ или въ другомъ мірѣ; нашъ лежитъ въ будущемъ и на землѣ, въ нашей дѣйствительности. Eh bien!

„Если народы еще имѣютъ мужество и желаніе,—несмотря на русскій кнутъ, подъ которымъ стонутъ

---

[1]) Читатель вспомнитъ, что Герценъ посвятилъ много страницъ своей книги христіанству и его роли въ эпоху паденія Рима.

ихъ господа,—жить, почему ихъ хотятъ уложить въ гробъ? Развѣ ужъ дѣйствительно настолько мудрѣе надѣющемуся доказывать, что ему осталось жить лишь 24 часа, чѣмъ за часъ до его смерти,—если бы она и была неизбѣжна,—игнорировать ее въ планахъ новой жизни?

„Стоять на томъ берегу,—заявляютъ намъ,—не есть ни заслуга, ни преступленіе, это—просто одна изъ позицій. Конечно, это такъ, но позиція весьма своеобразная.

„Когда философія дѣлала свои завоеванія среди лучшихъ головъ, находились болѣе цѣльныя, лучше организованныя натуры, которымъ не была достаточна пустая жизнь рефлексій и блѣдная абстракція полнаго человѣка. Они были убѣждены, что анатомически препарировать человѣка не значитъ еще жить по человѣчески. Они повторили монологъ Фауста, отправились искать человѣка и хотѣли жить жизнью, достойной человѣка. Дѣло имѣло свои затрудненія; ибо они имѣли въ виду не обычнаго человѣка, какъ онъ выступаетъ въ своихъ дѣлахъ, развлекается, ѣстъ и пьетъ, а искали человѣка, который бы соединилъ въ себѣ жизненныя требованія обычнаго индивидуума съ изощренностью философски-образованной головы. Такъ очутились они столь же рѣшительные въ теоріи, какъ и преисполненные надеждъ на практику, въ Парижѣ, центрѣ европейской жизни. Каждая сила ищетъ себѣ мѣста, и они нашли свое. Обыкновенный индивидуумъ долженъ былъ почувствовать преизбыточный аристократизмъ ихъ духа и облагороженное роскошью существованіе; а въ противоположность аристократіи они отожествляли себя съ народомъ и внушали ей удивленіе и тайный ужасъ, какъ сильныя натуры, умѣющія цѣнить въ народѣ его первобытную силу. Всегда

стояли они выше всѣхъ, на вершинахъ цивилизаціи, какъ это и соотвѣтствовало ихъ внутреннему влеченію. А для того, чтобы они отожествляли себя скорѣе съ съ народомъ—противъ аристократіи, чѣмъ съ аристократіей—противъ народа, было достаточно, сообща дѣйствовавшихъ, основаній: ихъ отвращеніе ко всему, что въ то время заставляло себя цѣнить, было достаточно чтобы исключить ихъ изъ правительственныхъ и вообще господствующихъ круговъ общества; одновременно и основой и результатомъ этого отвращенія была свобода духа, которая во всякой данной формѣ познаетъ преходящее и потому постоянно связываетъ себя съ будущимъ, дабы разрушить кристаллы прошлаго; наконецъ, глубокое чувство болѣзненности подобнаго, лишеннаго почвы существованія, которое лишь въ подъемѣ массъ надѣялось найти поле дѣятельности достойное ихъ идеальнаго представленія объ истинной человѣческой жизни. Ибо они хорошо чувствовали, что ихъ способъ наслаждаться жизнью не есть ни наслажденіе, ни жизнь, и что только о томъ можно сказать, что онъ живетъ, кто чувствуетъ, какъ каждое движеніе его руки приводитъ въ движеніе тысячи пружинъ жизни, движеніе которыхъ онъ слышитъ и которыя посылаютъ ему въ тотъ же моментъ обратный толчекъ. И это было побудительной причиной того, что они ждали раскрѣпощенія народа, всемірно-историческаго дѣла, которое восприняло бы ихъ всемірно-историческія идеи.

„Какое горькое разочарованіе, когда оказалось, что народъ и при подъемѣ остался тѣмъ самымъ ограниченнымъ народомъ, какимъ онъ былъ при угнетеніи, и не вышелъ изъ предѣловъ самыхъ ограниченныхъ желаній“!

„Давно ожидаемый день дѣла пришелъ—и для вели-

кихъ характеровъ опять не оказалось ни одного мѣстечка, откуда бы они могли вмѣшаться въ водоворотъ жизни. Навсегда была потеряна надежда добыть когда-либо хотя бы мигъ истиннаго наслажденія жизнью. Положеніе было печально и достойно сожалѣнія. И нужна была величайшая степень искуснѣйшей діалектики, чтобы повернуть его такъ, что для человѣческой жизни и не нужна жизнь съ людьми, что, наоборотъ, удовлетворяться самимъ собой есть мудрость и судьба современнаго человѣка".

Обрисовавъ такими чертами психологическую подкладку душевной драмы Герцена, авторъ переходитъ опять къ попыткѣ Герцена опереться на стоиковъ. Онъ цитируетъ изъ книги Герцена ихъ характеристику („Ихъ положеніе имѣетъ много сходнаго съ нашимъ, у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ...: они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ сво тогу и молча досматривать, что станется съ Римомъ, съ людьми" [1]) и продолжаетъ:

„Позиція обрисована въ истинномъ свѣтѣ, но гдѣ же та истина, которую стоики познали лучше и яснѣе, чѣмъ другіе? Въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, они поступали, быть можетъ, очень мудро, гордо и великолѣпно закутываясь въ свои плащи, однако, если эта драпировка была ихъ мудростью, то мы не видимъ, почему эта мудрость была выше мудрости обоихъ міровъ, которые не были съ своей стороны въ подобномъ положеніи и потому не имѣли никакого призванія къ тому, чтобы столь великолѣпно драпироваться. И—чтобы остаться при данномъ примѣрѣ—исторія, какъ

---

[1]) „Сочиненія" V, 126. У нѣмецкаго автора отрывокъ процитированъ полностью.

характернѣйшій пунктъ всей мудрости стоиковъ можетъ отмѣтить лишь то, что они, лишенные возможности непосредственнаго дѣйствія, должны были предаться резиньяціи, что, въ концѣ концовъ, умѣетъ дѣлать каждая благоразумная женщина достигнувъ извѣстнаго возраста и притомъ не устраивая изъ этого большого шума".

„Нашъ Admonitor хочетъ лишь того, чтобы не говорили постоянно о праведности—неправедности, а ограничивались вопросомъ, ведетъ ли себя человѣкъ сообразно своему положенію или нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ можно примириться съ людьми, если не требовать словъ отъ соловья и пѣсни отъ лошади. Но если каждый правъ съ точки зрѣнія своего положенія зачѣмъ же еще прокламировать свою позицію? Зачѣмъ тогда дѣлать необычайное усиліе ума, чтобы свое особое положеніе противъ міра вновь и вновь объявлять самымъ яснымъ, самымъ лучшимъ взглядомъ и,—ибо въ этомъ заключается въ концѣ концовъ смыслъ длинной рѣчи,—высшею нравственностью? Зачѣмъ вообще проповѣдывать право отрицанія міра, съ которымъ больше не хочешь имѣть никакого дѣла? Быть можетъ, все-таки легче съ этимъ возлюбленнымъ ссориться, чѣмъ разъ навсегда порвать? Легче заявить ему, что его тиранія наскучила, чѣмъ совсѣмъ лишить себя общенія съ нимъ? Легче завернуться въ свою тогу и противопоставить ему свое титаническое veto [1]), чѣмъ просто повернуться къ нему спиной?"

[1]) Намекъ на фразу Герцена: „Послѣ такого вопроса человѣкъ протестуетъ титаническимъ veto противъ фатализма среды, и среда сдается". Этой фразы нѣтъ въ русскомъ текстѣ „Omnia mea mecum porto". Въ нѣмецкомъ текстѣ она заканчиваетъ первый абзацъ 142-й страницы русскаго изданія 1878 года. Это примѣръ многочисленныхъ разночтеній въ данной статьѣ.

Авторъ не ограничивается этими язвительными вопросами. Онъ пытается показать, что мысль Герцена вертится въ заколдованномъ кругу, и желаетъ вскрыть внутреннее ея противорѣчіе.

„Мнѣ довольно самого себя,—излагаетъ онъ позицію Герцена,—каждый человѣкъ долженъ удовлетворяться самимъ собой, въ эгоизмѣ нѣтъ ничего плохого, наоборотъ, онъ необходимъ; онъ такъ же необходимъ, какъ и тяга къ обществу; но если общество никуда не годится, то онъ уже совсѣмъ необходимъ; конечно, было бы лучше, если бы общество чего-нибудь стоило и тягу къ нему не приходилось бы убивать. Такимъ образомъ, мнѣ все-таки не довольно самого себя; все-таки человѣкъ не долженъ удовлетворяться самимъ собой; итакъ, эгоизмъ, который не умѣетъ примириться съ обществомъ,—односторонень; итакъ,—ибо я обладаю достаточнымъ здравымъ смысломъ, чтобы не предаться односторонности,—я хочу заключить компромиссъ и такъ рѣшить дѣло: „устроимъ жизнь столь крѣпкой, столь самостоятельной, чтобы мы могли спастись даже въ случаѣ, если міръ долженъ будетъ погибнуть“... (Изложенный здѣсь полемически ходъ мысли Герцена можно прослѣдить на стр. 155—158 V т. „Сочиненій“).

„Omnia mea mecum porto есть философія специфическаго положенія, которая въ естественномъ желаніи сдѣлаться всеобщей забываетъ свою специфичность и,—такъ какъ уже само это желаніе представляетъ непослѣдовательность,—сама себѣ измѣняетъ. Поэтому было безполезно требовать отъ нея сдачи и поскольку мы это дѣлали, мы ее не понимали [1]). Мы могли бы

[1]) Это намекъ или на первую статью серіи („Die Bourgeosie“), или же на статью Науверка. Въ этой же связи авторъ

однако, понять ее тѣмъ легче, что всѣ мы, которые когда-либо бросили взглядъ на пропасть, раздѣляющую теченіе нашей образованной жизни и ограниченное—благодареніе Богу!—существованіе народа, всѣ мы не разъ становились передъ искушеніемъ спастись бѣгствомъ на эту гордую позицію (бѣгство все же остается самымъ умѣстнымъ словомъ) [1]). Но такъ какъ мы признали неизбѣжнымъ тотъ компромиссъ съ обществомъ, въ который долженъ вступить всякій не абстрактный и не односторонній умъ, то мы въ концѣ концовъ рѣшили повторить чудо Магомета и отправиться къ народу, если народъ не хотѣлъ итти къ намъ ибо мужество, нужное для того, чтобы выйти изъ фальшиваго положенія, мы считаемъ даже болѣе титаническимъ, чѣмъ открытое сознаніе, что ты находишься въ этомъ положеніи...

„Можно быть лично лишеннымъ возможности непосредственнаго участія въ жизни, напр., въ положеніи изгнанника,—намекалъ авторъ на Герцена. Невольное

цитируемой статьи пишетъ нѣсколькими строками выше: „Мы хотѣли бы очень извиниться за то, что въ одной прежней статьѣ благодаря слишкомъ абстрактному разбору основного положенія Omnia mea mecum porto, оказались педантами по отношенію къ тремъ добродѣтельнымъ мужамъ изъ „Содома и Гоморры". Это относится къ слѣдующимъ словамъ Герцена: „А что у насъ общаго съ міромъ, насъ окружающимъ? Нѣсколько лицъ, связанныхъ съ нами одними убѣжденіями, три добродѣтельные человѣка „Содома и Гоморры"... „Сочиненія" V, 147.

[1]) „Въ старые годы этотъ гордый разрывъ съ современностью назвали бы бѣгствомъ. Покончимъ съ этими дѣвичьими мечтаніями! Свободный человѣкъ не можетъ бѣжать"... такъ писалъ Герценъ. (Цитирую по нѣмецкому тексту, ибо по-русски, этотъ отрывокъ значительно измѣненъ. Си. „Сочиненія" V, 141), Однако, именно это слово—„бѣжать", „отойти въ сторону"—употребилъ самъ Герценъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ характеризовалъ общій смыслъ разбираемой здѣсь его критикомъ статьи.

положеніе не можетъ быть безнравственнымъ, но несчастіе—не принципъ"...

„Итти къ народу"—этотъ лозунгъ наиболѣе жизнеспособные элементы нѣмецкой демократіи противопоставили призыву Герцена—„сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, не насилуя другихъ и не тратя себя". Но одного голаго призыва вернуться къ народу, который Герценъ „укладывалъ въ гробъ", было уже мало, и авторъ заканчивалъ свою статью противъ Герцена положеніемъ, которое онъ самъ оцѣнивалъ, какъ важнѣйшій выводъ изъ всѣхъ испытаній революціонной эпохи, и которое, взятое исходной точкой, способно было перевернуть всю аргументацію Герцена. „Величайшее поученіе, которое мы добыли изъ страданій трехъ лѣтъ,—писалъ оппонентъ Герцена и подчеркивалъ курсивомъ,—заключается въ томъ, что не народъ является матеріаломъ экспериментированія (Experimentalstoff), для нашихъ идей, а наши идеи существуютъ лишь какъ матеріалъ экспериментированія для народа".

Нашъ авторъ не даромъ приберегъ этотъ выводъ для заключенія своей полемики съ Герценомъ: при надлежащемъ развитіи, высказанная въ этихъ словахъ мысль о соотношеніи между „идеями" и „народомъ" могла снабдить нѣмецкую демократію рѣшительнѣйшими аргументами противъ воззрѣній Герцена на настоящее и будущее европейской цивиллизаціи. Но, какъ мы уже видѣли, сдѣлать надлежащіе выводы изъ вновь обрѣтенной ими истины о взаимоотношеніи между „идеями" и „народомъ" нѣмецкіе демократы не умѣли. Ихъ связывали соціальныя условія тогдашней Германіи.

Въ спорѣ Герцена съ нѣмецкими демократами о будущемъ Европы — столкнулись въ неразрѣшимомъ противорѣчіи взгляды, обусловленные двумя различ-

ными типами соціально-политической отсталости: отсталости крѣпостнической, помѣщичье-мужицкой Россіи и отсталости мѣщанской, мелко-буржуазной Германіи. Отсюда проистекали двѣ перспективы, каждая утопичная на собственный ладъ. Обоимъ суждено было обмануться въ своихъ надеждахъ—и оба не могли найти той перспективы и той силы, которая выростала изъ нѣдръ современнаго общества и пробивала пути къ будущему,

А Герцену суждено было умереть какъ разъ наканунѣ того, какъ—впервые послѣ 48 г. эта сила въ парижскихъ событіяхъ 71 г.—вновь появилась на исторической аренѣ, чтобы больше уже не сходить съ нея.

ГЕРЦЕНЪ, ЧЕРНЫШЕВСКІЙ И 19 ФЕВРАЛЯ.

1. Либеральныя схемы, народничество и Чернышевскій.

„Освобожденіе крестьянъ“ было типичной „реформой сверху“, предпринятой въ предотвращеніе „реформы снизу“. О томъ, въ какой степени это противоположеніе было сознано авторами реформы, свидѣтельствуютъ слова императора Александра II, сказанныя имъ московскому дворянству. Историческія изысканія въ области крестьянскихъ настроеній наканунѣ реформы показали, что слова, обращенныя къ московскому дворянству, опирались на реальные факты, на намѣтившуюся тенденцію въ народной жизни. Но для того, чтобы понять характеръ реформы 61 года надо обратить вниманіе не только на эту сторону дѣла, не только на крестьянскую работу освобожденія, но и на тотъ часто упускаемый изъ виду фактъ, что „освобожденіе“ диктовалось и интересами самихъ помѣщиковъ.

Любимой схемой либерально-народнической исторіографіи было представленіе о ходѣ реформы, какъ о систематической „осадѣ“ либеральнаго правительства реакціонными силами крѣпостничества. Эта легенда о борьбѣ либеральнаго правительства съ крѣпостнической реакціей входила составной частью въ общее представленіе объ „эпохѣ великихъ реформъ“ и на-

долго окрасила русскій либерализмъ и отчасти русское народничество, искавшіе въ крестьянской реформѣ примѣръ власти, освободившейся отъ классовыхъ интересовъ. Границы, въ которыхъ вращался русскій либерализмъ, съ своей аппеляціей отъ крѣпостническаго „засилья“ къ интересамъ государственной власти, надолго были опредѣлены именно легендой о столкновеніи правительственныхъ и крѣпостническихъ интересовъ въ крестьянской реформѣ.

Надо, наконецъ, для правильной оцѣнки тогдашнихъ группировокъ русскаго общества принять во вниманіе и господство въ русскомъ обществѣ соціально-реакціонныхъ идей. Въ этомъ пунктѣ сходились самые передовые представители интеллигенціи, какъ Герценъ, съ самыми реакціонными защитниками полицейскаго порядка. Извѣстно, что освобожденіе крестьянъ съ землею явилось не только въ результатѣ потребности помѣщика въ привязанномъ къ своему клочку земли батракѣ-арендаторѣ, но и въ результатѣ опасенія создать классъ безземельныхъ пролетаріевъ. Съ мнѣніемъ правительства, не уставшаго толковать о томъ, чтобы „не положить у насъ начала вреднаго пролетаріата, оказавшаго столь печальныя послѣдствія на западѣ Европы“, вполнѣ гармонировали слова либеральнаго защитника дворянскихъ интересовъ, Кавелина, о томъ, что освобожденіемъ съ землей „мы заранѣе навсегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата — соціальной революціи“.

Эта точка зрѣнія, видѣвшая въ крестьянской реформѣ гарантію противъ „нарожденія пролетаріата“,

т.-е. гарантію противъ развитія капитализма со всѣмъ тѣмъ, что онъ принесъ съ собой для Западной Европы, — не надо забывать, что крестьянская реформа приходится на конецъ первой и начало второй половины того двадцатилѣтія, которое протекло между февральской революціей и Коммуной,—эта точка зрѣнія была свойственна не только полицейскому государству и дворянскому либерализму всѣхъ оттѣнковъ. Она была опредѣляющей и для виднѣйшихъ представителей искреннихъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ. Тѣ же „народныя начала“ и та же боязнь западной „заразы“, которыя въ своихъ интересахъ эксплуатировала старая Русь, являлись отправными точками въ разсужденіяхъ такихъ искреннихъ сторонниковъ крестьянскаго дѣла, какъ А. Герценъ и М. Бакунинъ.

Чѣмъ же это объясняется? Тѣмъ, что ни правительство, ни большинство помѣщиковъ, ни защитники крестьянскихъ интересовъ, не отдавали себѣ точнаго отчета въ томъ, что собственно представляло „освобожденіе крестьянъ“.

Въ самомъ дѣлѣ. Крестьянское „освобожденіе“ было вынужденнымъ внутренними и внѣшними обстоятельствами переходомъ Россіи къ буржуазнымъ формамъ хозяйства, при чемъ такимъ переходомъ, который былъ проведенъ сверху, руками стараго правительства и дворянства, и къ такимъ буржуазнымъ формамъ, которыя обезпечивали бы за ними всю старую власть и — по возможности — всѣ старые доходы. Между тѣмъ, буржуазный характеръ этого шага оставался тайной для всѣхъ заинтересованныхъ элементовъ, кромѣ—съ одной стороны—небольшой части дворянства, именно той его части, которая къ 61-ому году уже стояла на почвѣ капиталистическаго хозяйничанья, и—съ другой

стороны—небольшой группы активныхъ демократовъ, которые и послѣ 48-ого года не считали „западныхъ“ путей — исхоженными до-конца и во главѣ которыхъ стоялъ Н. Г. Чернышевскій.

Вынужденная буржуазная реформа, проводимая руками помѣщиковъ и въ ихъ же интересахъ, при невозможности для большинства защитниковъ интересовъ крестьянскихъ массъ аппелировать къ чему-либо другому, кромѣ тѣхъ „народныхъ“ началъ, общины и „права на землю“, которые сами коренились въ крѣпостной эпохѣ, — такова та обстановка, въ которой развивалась „реформа“.

Достаточно внимательно приглядѣться къ этому положенію, чтобы понять, что, если матеріальная сила помѣщичьяго государства могла обезпечить за указаннымъ характеромъ реформы—проведеніе ея въ жизнь, то положеніе противниковъ этого рода реформы было въ корнѣ противорѣчиво.

Такъ же какъ легенда о „либеральномъ“ правительствѣ и „реакціонномъ“ дворянствѣ и представленіе о „соціалистическихъ“ началахъ, вынесенныхъ русскимъ народомъ изъ эпохи крѣпостного права, оказало сильнѣйшее вліяніе на русскую либеральную и народническую мысль и, какъ мы увидимъ ниже, до сихъ поръ еще продолжаетъ играть свою роль въ послѣднемъ направленіи. Поэтому-то изученіе группировокъ русскаго общества въ эпоху „освобожденія“ имѣетъ не только историческій интересъ. Оно даетъ ключъ къ изученію историческихъ судебъ и либерализма и народничества въ Россіи въ концѣ XIX и, началѣ XX в.в.

Для примѣра мы укажемъ, хотя бы, на коллективный трудъ лѣвыхъ народниковъ, сборникъ „Вѣхи, какъ знаменіе времени“. Сборникъ этотъ представляетъ

вообще, образчикъ спора съ либералами со стороны людей, не отдающихъ себѣ отчета въ томъ, насколько близки сами-то они къ либерализму, насколько сильно вліяніе на нихъ либеральныхъ оцѣнокъ, насколько подчинены они либеральному вліянію.

Вотъ, напр., г-нъ Вѣчевъ. Онъ пишетъ: „Въ такъ называемую „эпоху великихъ реформъ“ русское бюродержавіе оказало п о с л ѣ д н ю ю услугу прогрессивной эволюціи страны.

Почему эта „услуга“ числится за „бюро-державіемъ“, а не за кѣмъ или чѣмъ-либо другимъ? Потому что г. Вѣчевъ находится въ полномъ плѣну у либеральной легенды о противоборствѣ бюро-державія и дворянства въ интересующую его и насъ эпоху. Г-нъ Вѣчевъ отмѣчаетъ „олигархически-конституціонныя“ тенденціи дворянства того времени“ и спрашиваетъ „если бы творчество этихъ тенденцій было возможно, было ли бы оно для крѣпостной Россіи лучшимъ выходомъ на новый путь сравнительно съ тѣмъ выходомъ, который осуществился исторически?“.

Отвѣтъ г. Вѣчева недвусмысленъ. „Достаточно думается намъ,—продолжаетъ онъ—поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣтить“ [1]). Но не думается-ли г. Вѣчеву, что т а к ъ поставить вопросъ значитъ признать, что помѣщичье государство было лучшимъ защитникомъ интересовъ крѣпостной массы, чѣмъ помѣщичье сословіе, во главѣ этого государства стоявшее. Гдѣ тѣ факты, которые свидѣтельствовали бы, что выборный Государственный Совѣтъ, ограничивающій бюро-державіе, былъ бы реакціоннѣе того Госуд. Совѣта, черезъ который прошла „реформа“? Или г. Вѣчеву не чужда вполнѣ либеральная мысль о томъ, что

[1]) „Вѣхи, какъ знаменіе времени“, стр. 205.

интересы крестьянъ были на дѣлѣ гарантированы лишь „сознаніемъ“ руководителя реформы?

Видимо г. Вѣчевъ именно къ этой мысли и склоняется. Онъ, по крайней мѣрѣ, на слѣдующей же страницѣ своей статьи пишетъ о дворянствѣ, которое „вставало поперекъ дороги всѣмъ тѣмъ реформамъ, которыя однѣ представляли сколько-нибудь дѣйствительный выходъ изъ тупика дореформеннаго строя“.

Какъ мы видимъ, г. Вѣчевъ очень—и вполнѣ по либеральному — волнуется по поводу того, въ чьи руки должно было попасть дѣло „освобожденія“ крестьянъ; онъ полагаетъ даже, что между бюро-державнымъ веденіемъ дѣла и дворянскимъ его веденіемъ лежала та же пропасть, что и между „сколько-нибудь дѣйствительнымъ выходомъ изъ тупика“ и самимъ тупикомъ. Вотъ какъ разсуждаетъ „ученикъ Чернышевскаго“! И, однако, г-ну Вѣчеву незачѣмъ было бы далеко ходить, чтобъ найти образчикъ не либеральнаго подхода и не либеральнаго рѣшенія этого вопроса.

Въ романѣ „Прологъ“ Волгинъ (Чернышевскій) убѣждаетъ своего собесѣдника не волноваться изъ-за общественной поддержки представителя либеральной бюрократіи. „Вопросъ не стоитъ того, чтобы хлопотать“ — говоритъ Волгинъ. „Пусть дѣло объ освобожденіи крестьянъ будетъ передано въ руки людямъ помѣщичьей партіи. Разница не велика“. Между либерально-бюрократическимъ планомъ освобожденія съ землей и съ выкупомъ и помѣщичьимъ планомъ освобожденія безъ земли — „разница не колоссальная, а ничтожная“, продолжалъ Чернышевскій. „Взять у человѣка вещь, или оставить ее у человѣка,—но взять съ него плату за нее — все равно. Выкупъ та же покупка. Планъ помѣщичьей партіи проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, вѣроятно,

меньше и обремененія для крестьянъ. У кого изъ крестьянъ есть деньги—тѣ купятъ себѣ землю. У кого нѣтъ—тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. Это будетъ только разорять ихъ". — „Но освобожденіе съ землей безъ выкупа невозможно"—возражаетъ собесѣдникъ Чернышевскаго. — „Я и говорю: вопросъ поставленъ такъ, что я не вижу причинъ горячиться даже изъ-за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ-за того, кто станетъ освобождать ихъ—либералы или помѣщики"...[1])

Прекрасныя слова! Рекомендуемъ ихъ вниманію г.г. народниковъ, пишущихъ объ „эпохѣ великихъ реформъ". Они помогли бы имъ освободиться отъ либеральнаго тумана, безвозбранно заволакивающаго ихъ мысль. Дѣйствительно. Вѣдь, г. Вѣчевъ былъ бы очень не прочь съ Чернышевскимъ „родствомъ счесться". А на самомъ дѣлѣ, что же получается? Чернышевскій утверждаетъ, что „сколько-нибудь дѣйствительнаго выхода" не было ни въ помѣщичьемъ, ни въ либерально-бюрократическомъ планѣ „освобожденія". Отъ либерально-бюрократическаго плана онъ ожидалъ пущаго обремененія и разоренія для крестьянъ. Онъ даже предпочитаетъ помѣщичій планъ, конечно, постольку, поскольку послѣдній способенъ былъ скорѣе мобилизовать противъ всякихъ „плановъ" крестьянскую демократію. А черезъ пятьдесятъ лѣтъ г. Вѣчевъ узрѣлъ между помѣщичьимъ планомъ и планомъ либерально-бюрократическимъ разницу въ томъ, что послѣдній представлялъ будто-бы „выходъ", а первый противодѣйствіе „выходу изъ тупика".

Чернышевскій показалъ своей оцѣнкой тогдашняго

---

[1]) Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 1-ая, стр. 164.

положенія дѣлъ, что онъ способенъ былъ уже тогда выйти за предѣлы либеральныхъ схемъ и либеральныхъ фразъ и разсматривать ходъ дѣла съ такой точки зрѣнія, которая позволяла ему не горячиться по поводу того, по поводу чего горячился хотя бы Рязанцевъ [1]). Г-нъ Вѣчевъ до сихъ поръ не выбился за предѣлы традиціонной либеральной оцѣнки событій того времени... даже черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ того, какъ она столь безпощадно была высмѣяна Чернышевскимъ. Трудненько было бы Чернышевскому сговориться съ г-номъ Вѣчевымъ насчетъ „услугъ", оказанныхъ „бюро-державіемъ" россійскому прогрессу въ „эпоху великихъ реформъ"!

Зато г. Вѣчевъ легко сговорился бы съ К. Кавелинымъ. За это ручается и отношеніе г-на Вѣчева къ либеральной бюрократіи и еще больше то, кѣмъ онъ считаетъ этого злостнаго противника Чернышевскаго. По мнѣнію г. Вѣчева, Кавелинъ стоялъ въ началѣ одного изъ возможныхъ путей русскаго либерализма. „Стоялъ вопросъ,—пишетъ г. Вѣчевъ, — какимъ быть русскому либерализму? Буржуазно-доктринерскимъ или умѣренно-народническимъ? Тяготѣть ли ему къ среднему сословію или къ Будущей крестьянской демократіи... Эволюція русскаго либерализма опредѣлилась въ сторону крестьянской демократіи. Эта линія поведенія (въ началѣ которой, какъ мы знаемъ, стоялъ К. Кавелинъ) сохранялась и въ дальнѣйшемъ. Ея логическимъ завершеніемъ была аграрная программа кадетовъ въ первой Думѣ" [2]).

Въ цитируемой мною книгѣ масса опечатокъ. Признаться, когда мнѣ попалась на глаза фраза объ „умѣ-

---

[1]) Подъ именемъ Рязанцева въ романѣ Чернышевскаго фигурируетъ Кавелинъ.

[2]) Тамъ же стр. 212.

ренно-народническомъ" либерализмѣ, въ началѣ котораго стоитъ Кавелинъ и завершеньемъ котораго является аграрная программа кадетовъ, — я былъ убѣжденъ въ плачевной опечаткѣ, передѣлавшей „неумѣренно-дворянскій" въ „умѣренно-народническій". Увы, слова о тяготѣніи этого либерализма въ крестьянской демократіи разсѣяли всякое сомнѣніе.

Итакъ, Кавелинъ,—виднѣйшій и просвѣщеннѣйшій представитель интересовъ прогрессивнаго дворянскаго землевладѣнія въ эпоху „реформы", сторонникъ выкупа, провозвѣстникъ и защитникъ обновленія и укрѣпленія дворянской Руси путемъ „крестьянской реформы", стоялъ въ началѣ, а программа к.-д., просвѣщенныхъ защитниковъ помѣщичьяго землевладѣнія, сторонниковъ „справедливой оцѣнки" и враговъ истинной демократіи, стояла въ концѣ... чего же?. Умѣренно-народническаго, тяготѣюшаго къ крестьянской демократіи либерализма!

Но мнѣ думается, что даже тогда, когда авторитетный народникъ, вродѣ г-на Вѣчева, находитъ „умѣренно-народническимъ" и демократическимъ дворянскій помѣщичій либерализмъ, то это еще не достаточный аргументъ за то, чтобы признать послѣдній таковымъ. Но за то это признаніе бросаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ на нѣкоторыя тенденціи самого народничества.

Какъ извѣстно Чернышевскій не очень благосклонно относился къ „умѣренно-народническому" либерализму Кавелина. Именно къ Кавелину и его „компаніи" относится его нелестная характеристика, поминавшая хвастуновъ, болтуновъ и т. д. Г-нъ Вѣчевъ и тутъ забылъ то, чему училъ еще Чернышевскій, и предпочелъ увидѣть въ русскомъ либерализмѣ то, чего не замѣчалъ въ немъ этотъ — по характеристикѣ Ка-

велина—„брульонъ, безтактный и самонадѣянный человѣкъ“—тяготѣніе къ крестьянской демократіи. Отъ Волгина къ Рязанцеву, отъ Чернышевкаго къ Кавелину, отъ „Современника“ къ „Русскимъ Вѣдомостямъ“, къ либеральной легендѣ, вотъ такъ „прогрессъ“ **народнической** мысли!

Какъ, вѣроятно, читатель уже успѣлъ замѣтить, во всѣхъ соображеніяхъ г. Вѣчева есть своя, объединяющая ихъ логика. Оцѣниваетъ ли онъ различные факторы крестьянской реформы, прослѣживаетъ ли взаимоотношенія различныхъ группъ въ процессѣ реформы, слѣдитъ ли, наконецъ, за судьбой тѣхъ идей, которыя появились въ то время на исторической аренѣ,—онъ всюду остается вѣренъ себѣ, т.-е. либеральной схемѣ, хотя ему и приходится ради этой „вѣрности себѣ“ приносить въ жертву ни кого иного, какъ Чернышевскаго, отъ котораго наши народники охотно вели и ведутъ свою родословную. Это яркій примѣръ того, насколько сильны еще въ русской интеллигенціи тѣ представленія о „крестьянской реформѣ“, которыя пропагандируются либерализмомъ. Это облегчалось тѣмъ, что въ продолженіе долгихъ лѣтъ были почти забыты мысли самаго умнаго, почти геніальнаго современника тѣхъ событій, Чернышевскаго; облегчается и сплетеніемъ самыхъ противорѣчивыхъ идей среди громаднаго большинства тогдашней русской интеллигенціи.

Самымъ блестящимъ представителемъ этого столкновенія противорѣчивыхъ идей, характернаго для той эпохи, былъ А. И. Герценъ. Именно потому, что въ немъ рельефнѣе всего отразились противорѣчивыя тенденціи эпохи „освобожденія“ крестьянъ, на немъ удобнѣе всего познакомиться съ общимъ характеромъ ея.

Мы и начнемъ съ А. И. Герцена, чтобы перейти затѣмъ къ его противнику справа—дворянскому и бур-

жуазному либерализму—и противнику слѣва—радикальному демократизму Чернышевскаго и его кружка.

II. А. Герценъ.

Въ концѣ 59 года т.-е. въ самый разгаръ обсужденія крестьянской реформы, А. И. Герценъ, характеризуя состояніе западно-европейскаго и американскаго міра, какъ „кораблекрушеніе“, какъ „темную ночь“, въ которой нигдѣ не найти „ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка“, спрашивалъ, „что можетъ внести въ этотъ мракъ русскій мужикъ, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя“.

„Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи, продолжалъ Герценъ,—мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о правѣ каждаго работника на даровую землю. (кур. Герцена) ...Право каждаго на пожизненное обладаніе землей до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось повидимому безсмысленной поговоркой: Мы господскіе, а земля наша... Счастіе, что мужикъ остался при своей нелѣпой поговоркѣ. Она перешла въ правительственную программу или лучше сказать въ программу одного человѣка въ правительствѣ, искренно желающаго освобожденія крестьянъ, т.-е. Государя. Это обстоятельство дало, такъ сказать, законную скрѣпу, „государственную санкцію народному понятію“.

Въ чемъ же по мнѣнію Герцена, задача эпохи, въ которой „государственная санкція“ дана „народному понятію“? Герценъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ той же статьѣ, изъ которой мы сдѣлали сейчасъ про-

читанную читателемъ выписку. „Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ, состоитъ въ томъ, чтобъ на основаніяхъ науки, сознательно развить элементъ нашего общиннаго самоуправленія до новой свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло, плутаясь по неизвѣстнымъ путямъ, развитіе Запада".

„Сбиться съ дороги, когда она такъ ясна—было бы великое несчастіе и великое преступленіе" думаетъ Герценъ, и спрашиваетъ — „что же мѣшаетъ Россіи итти по новой дорогѣ, не „плутаясь" по-западному? „Войско?"—„Нѣтъ". „Барство?"—„Нѣтъ".

„Вотъ кого мы боимся, опять таки русскихъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ русскихъ; ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣденья и пр., централизаторовъ по французски и бюрократовъ по русски... Они собьютъ съ толку власть... и широкое, едва складывающееся общественное мнѣніе... Если они одолѣютъ, они помѣшаютъ взойти тѣмъ всходамъ чисто-народнаго устройства, которому стоитъ не мѣшать, чтобъ урожай былъ хорошъ; а улучшенія, которыя они принесутъ намъ, хотя и будутъ улучшенія, но съ ними развѣ можемъ надѣяться, вѣка чрезъ полтора, дойти до того состоянія, изъ котораго Пруссія стремится теперь выйти".

Эти слова Герцена какъ нельзя болѣе точно рисуютъ позицію, на которой стояла въ эпоху „освобожденія" одна — и вліятельнѣйшая — группа передовой русской интеллигенціи. Чтобы пояснить ее еще болѣе, остается спросить себя — противъ чего протестуетъ Герценъ, чего собственно онъ боится? Что общаго у

тѣхъ русскихъ нѣмцевъ„ и „нѣмецкихъ русскихъ“, о которыхъ говоритъ онъ здѣсь?

Общее — въ нѣмецкомъ элементѣ. А этотъ нѣмецкій элементъ въ своемъ противопоставленіи „Россіи“ и ея „народнымъ началамъ“ — есть ничто иное, какъ капитализмъ съ его буржуазными свободами и классовой борьбой.

Если оставить въ сторонѣ неоправдываемую даже идеалистическимъ взглядомъ на исторію наивность того соображенія, что „нѣмцы“ одолѣютъ „сбивъ съ толку власть и общественное мнѣніе“, то слова Герцена говорятъ о томъ, что онъ „боится“ проникновенія капитализма въ русскія отношенія. Впрочемъ самъ Герценъ совершенно точно указалъ то, чего онъ „боялся“ въ 59 году, когда черезъ десять почти лѣтъ, обозрѣвая свою политику за это время, писалъ: „Мы были глубоко убѣждены, что аграрныя основанія нашего сельскаго быта выдержатъ напоръ *западнаго изувѣрства* собственности.“ Дѣло значитъ было не въ „нѣмцахъ“, а въ капиталической, буржуазной цивилизаціи З. Европы, вообще.

Отрицая и „боясь“ развитія капитализма, не видя, что онъ уже въ то время былъ фактомъ въ Россіи, не замѣчая того, что сама реформа 19 февраля была лишь уступкой крѣпостной Россіи—Россіи буржуазной, Герценъ долженъ былъ построить всю свою положительную программу на понятіяхъ и формахъ докапиталистической Россіи.

„Право на землю“, о которомъ Герценъ въ 59 году писалъ, что „оно больше, чѣмъ право—оно фактъ“ и что „крестьянинъ его мѣритъ десятинами“—было „фактомъ“ до-капиталистической Руси, фактомъ, разложеніе котораго не могла помѣшать никакая „государственная

санкція", сколько бы она не пыталась эксплоатировать этотъ „фактъ" въ своихъ интересахъ *).

Это съ одной стороны. Съ другой же, отказываясь отъ тѣхъ „улучшеній" политическихъ формъ, которыя сопутствовали на Западѣ капиталистической фазѣ хозяйства, Герценъ столь же неизбѣжно долженъ былъ аппелировать къ традиціонной власти, какъ къ элементу, могущему стать во главѣ дѣла „чисто-народнаго устройства", вести народныя массы по новому, неевропейскому пути, дать „государственную санкцію народному понятію".

Эту мысль мы видѣли уже въ выше-цитированныхъ строкахъ. Къ обоснованію этой мысли онъ возвращался неоднократно, всякій разъ находя ей опору въ томъ, что „традиціонная власть у насъ только власть... содержанія въ ней нѣтъ", въ томъ, что она соціально пуста и можетъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ...

Изслѣдуя природу власти, Герценъ очень широко очерчивалъ кругъ ея возможностей обусловленныхъ именно ея соціальной пустотой, свободой самоопредѣленія,—„отъ татарскаго халата до французскаго комитета общественнаго спасенія".

Протестуя противъ одной якобинской прокламаціи, вышедшей въ Россіи, Герценъ еще въ концѣ 62 года оставлялъ открытымъ вопросъ о характерѣ традиціонной власти, рекомендуя подождать „ея отвѣта".

Не менѣе опредѣленно и въ томъ же смыслѣ вы-

*) Мы увидимъ сейчасъ, что въ этой quasi-соціалистической формулѣ Герцена были не только quasi-соціалистическія „слова", но и элементы *радикальнаго* рѣшенія крестьянскаго вопроса, Не замѣчать изъ-за первыхъ *второго*, т. е. отраженія въ нихъ дѣйствительныхъ интересовъ крестьянства, было бы громадной ошибкой противъ исторіи.

сказывался въ то время и М. Бакунинъ въ своемъ первомъ законченномъ произведеніи, написанномъ имъ по возвращеніи въ Европу. „Мы—писалъ послѣдній—потому охотно стали бы подъ знаменемъ (традиціонной власти), ...что сила ея создана, готова на дѣло и могла бы сдѣлаться непобѣдимой силой", ставъ во главѣ новаго пути Россіи [1]).

Во всякомъ случаѣ всякій другой путь, путь разрыва Герценъ считалъ наименѣе желательнымъ.

Совершенно естественно, что видя въ экономической отсталости преимущество Россіи передъ Западомъ [2]) и пытаясь охранить это преимущество, Герценъ долженъ былъ прійти къ тому, чтобы и въ политической отсталости Россіи видѣть своеобразную гарантію желаннаго исхода крестьянскаго дѣла. Свободно-самоопредѣляющаяся традиціонная власть казалась ему гораздо болѣе приспособленной къ воспріятію всякаго, частичнаго и полнаго, экономическаго переворота, чѣмъ какая-либо другая форма власти.

„Чѣмъ прочнѣе и больше выработаны политическія формы, законодательство, администрація, чѣмъ дороже они достались, тѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ экономическій переворотъ. Во Франціи и Англіи ему представляется больше препятствій, чѣмъ въ Россіи". Такимъ образомъ борьба за новыя политическія

---

[1]) Какъ извѣстно М. Бакунинъ порвалъ съ этимъ представленіемъ уже въ 63 году. Герценъ не порывалъ съ нимъ окончательно никогда.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Герценъ писалъ: „Большее счастье что наше право на землю такъ поздно приходитъ къ сознанію Оно прежде не выдержало бы односторонняго напора западныхъ воззрѣній! „Это уже не далеко отъ знаменитаго рецепта извѣстнаго реакціонера К. Леонтьева—„подморозить Россію" чтобы не разлагалась.

формы могла только удорожить экономическій переворотъ, сдѣлать его затруднительнѣе.

Эти общія соображенія Герцена должны были конечно, сказаться и въ приложеніи къ данному конкретному случаю, къ роли правительства въ дѣлѣ крестьянскаго „освобожденія“. Оно рисовалось ему одновременно защитникомъ народныхъ массъ противъ крѣпостническихъ поползновеній дворянской олигархіи и охранителемъ „нашего бытового, непосредственнаго соціализма“ отъ разлагающихъ началъ буржуазнаго либерализма... Герценъ такъ и не догадался что „власть“ не оправдала его ожиданій въ обоихъ направленіяхъ: она проводила буржуазную по существу реформу въ интересахъ помѣстнаго сословія и его руками.

Какъ мы видимъ, Герценъ сохранилъ всѣ „цѣнноэти“ до-капиталистической Руси, лишь поставивъ имъ чуждыя имъ цѣли.

Утопія крестьянской монархіи на основѣ культивированія и развитія „народныхъ началъ“ могла стать реальнымъ факторомъ политической жизни не въ рукахъ Герцена, а лишь въ рукахъ того самаго дворянства, противъ котораго думалъ направить ее Герценъ. Она и въ дѣйствительности стала орудіемъ укрѣпленія противоположныхъ тенденцій, и дворянскіе публицисты не одинъ разъ эксплоатировали ее въ своихъ цѣляхъ. Она, правда, потеряла въ ихъ рукахъ всякую связь съ соціалистической тенденціей Герцена, но за то совершенно явственно выступила ея изначальная охранительная тенденція.

Мы не можемъ здѣсь слѣдить за всѣми тѣми промахами въ „тактикѣ“ Герцена, которые неизбѣжно должны были вытечь изъ подобнаго положенія. Достаточно указать, на „общій принципъ“ этихъ ошибокъ. А этотъ „общій принципъ“ достаточно ясно выраженъ

самимъ Герценомъ. Въ 65 году—значитъ уже послѣ польскаго движенія и въ разгарѣ реакціи—Герценъ писалъ въ своемъ четвертомъ „письмѣ къ путешественнику“: „Буржуазная оспа теперь на череду въ Россіи, пройдетъ и она какъ дворянская и конституціонная, но для этого не надобно дразнить болѣзнь и... способствовать ей. Если мы вынесемъ эти посягательства, (Герценъ говоритъ здѣсь, между прочимъ, о замѣнѣ общиннаго пользованія землей—раздѣломъ ея въ собственность). не протестуя, мы не будемъ имѣть даже того извиненія, которое имѣли наши цивилизаторы... Тутъ мѣсто борьбѣ и облегченію, мѣсто энергіи и страсти, тутъ мы должны преслѣдовать, клеймить безъ устали и остановки. А вести войну съ частными промахами правительства, хотя и должно, но это не можетъ стоять на первомъ планѣ“.

Это тупикъ, изъ котораго выхода на арену дѣйствительной, а не мнимой борьбы уже нѣтъ! И къ этому тупику привели А. Герцена соціально-реакціонныя основы его воззрѣній, основы, въ которыхъ онъ является дѣйствительнымъ родоначальникомъ всего нашего народничества.

Но какъ въ активномъ народничествѣ, несмотря на его соціально-реакціонныя тенденціи, нашли свое выраженіе непосредственные интересы крестьянства въ ихъ столкновеніи съ интересами эпигоновъ крѣпостническаго хозяйства, такъ и Герценъ одной стороной своихъ воззрѣній отразилъ интересы крестьянской массы эпохи „освобожденія“. Этой стороной была его мысль о „правѣ на землю“.

Для Герцена это было формулировкой соціалистическаго начала. Такъ же продолжаютъ понимать Герценовское „право на землю“ и современные народники, какъ это видно, напр., изъ длиннаго дифирамба,

пропѣтаго этой идеѣ г. Я. Вѣчевымъ въ цитированномъ сборникѣ „Вѣхи, какъ знаменіе времени".

Г-нъ Я. Вѣчевъ (его статья „Правовыя идеи въ русской литературѣ" помѣщена въ сборникѣ, въ которомъ приняли участіе г. г. Ю. Гарденинъ, Л. Шишко и др., и потому можетъ почитаться точнымъ толкованіемъ идей, господствующихъ среди нашихъ народниковъ, весьма озабоченъ обѣленіемъ русской интеллигенціи передъ Кистяковскимъ въ „Вѣхахъ", упрекавшимъ послѣднюю въ пренебреженіи къ правовымъ идеямъ. Между прочимъ, онъ пространно козыряетъ противъ этого упрека г. Кистяковскаго идеей „права на землю", побѣдоносно восклицая въ заключеніе: „это ли называется пренебреженіемъ къ правовому устройству? Это-ли — близость къ славянофиламъ въ правовыхъ вопросахъ? Это ли отсутствіе въ русской интеллигенціи всякой правовой идеи?" [1]).

Намъ кажется, что г. Вѣчевъ совершенно напрасно принялъ побѣдоносный видъ.

Во 1-хъ, идея „права на землю" принадлежитъ не соціалисту Герцену, а... Ю. Самарину [2]), какъ небезызвѣстно г. Вѣчеву—славянофилу и ярому противнику всякихъ „измовъ", кромѣ истинно-русскихъ. Эту идею Ю. Самарина привѣтствовалъ Хомяковъ. Такъ что обособленія отъ славянофиловъ здѣсь еще не получается.

Во 2-хъ, смыслъ статьи г. Кистяковскаго заключается въ томъ, что русская интеллигенція, увлекшаяся соціалистическими идеалами, пренебрежительно относилась къ постановкѣ правовыхъ и политическихъ вопросовъ. Былъ грѣхъ, и отъ него далеко не свобо-

---

[1]) „Вѣхи какъ знаменіе времени", стр. 194.

[2]) Она формулирована имъ въ докладѣ лифляндскому комитету въ 1846 г.

ленъ и Герценъ и вся та „преемственная полоса русской общественной мысли", которая, по свидѣтельству г. Вѣчева, „подхватила и развила Герценовскую (и Самаринскую, Ю. К.) мысль". Фактъ, что русская народническая мысль долгое время страдала аполитицизмомъ, и корни этого ея аполитицизма лежали въ противопоставленіи Запада и Россіи. Отъ этого указанія на аполитицизмъ нельзя отдѣлаться ссылкой на то, что къ эпохѣ освобожденія крестьянъ съ разныхъ концовъ всплыла идея „права крестьянина на землю", тѣмъ болѣе, когда апологія этой мысли, какъ у г. Вѣчева, сопровождается недвусмысленной попыткой оживленія той же мысли о самобытныхъ путяхъ развитія Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ „право крестьянина на землю" не было формулировкой какого-либо новаго п р а в а. Она лишь формулировала фактъ господства натуральнаго хозяйства въ огромной странѣ, начавшей пріобщаться къ западно-европейскому міру. Такимъ образомъ въ „нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась" капиталистическая Европа, русскій мужикъ „вносилъ" лишь образецъ до-капиталистическаго хозяйства, въ которомъ „право на землю" прекрасно уживалось съ его состояніемъ „полудикаря".

Но не имѣя никакого отношенія къ „нерѣшенному спору" между капитализмомъ и соціализмомъ, „право на землю" было на дѣлѣ, въ конкретныхъ русскихъ условіяхъ, въ эпоху „освобожденія" крестьянъ, самой широкой формулировкой интересовъ крестьянъ въ ихъ противорѣчіи съ интересами крѣпостничества.

Полное признаніе „права на землю" знаменовало бы признаніе за крестьянствомъ права на громадный земельный фондъ дворянства. И такъ же какъ система „отрѣзковъ" знаменовала задержку буржуазнаго развитія, эксплоатацію недостаточности этого развитія

помѣщиками, господство дворянства, такъ признаніе „права на землю“ знаменовало бы широкое развитіе буржуазнаго хозяйства, устраненіе крѣпостническихъ остатковъ съ его пути, установленіе господства мелкобуржуазной демократіи. При переходѣ отъ крѣпостного къ „свободному“ труду, борьба за землю была неизбѣжна; вынесенное изъ эпохи натуральнаго хозяйства убѣжденіе „земля—наша“ становилось оболочкой реальной борьбы за обладаніе землей, какъ объектомъ и орудіемъ товарнаго хозяйства.

Герценовское „право на землю“ было только якобы соціалистической идеологіей этой борьбы за освобожденіе Россіи отъ всѣхъ чертъ крѣпостническаго хозяйства.

Видѣть же въ формулѣ Герцена формулировку „соціализма“, или, какъ выражается г. Вѣчевъ—„часть цѣлаго“, „частное проявленіе“ соціализма—это значитъ впадать черезъ 50 лѣтъ въ ту же ошибку, въ которую впадалъ Герценъ, которому его соціально-реакціонный утопизмъ мѣшалъ видѣть реальныя очертанія того дѣла, которому онъ хотѣлъ служить.

Формулируя свое „право на землю“, Герценъ отнюдь не представлялъ себѣ, что эта якобы соціалистическая формула лишь прикрываетъ классовыя требованія крестьянской демократіи. Реализація этихъ требованій—а ихъ реализація знаменовала бы широкое, нестѣсняемое крѣпостничествомъ развитіе буржуазныхъ отношеній—могла явиться лишь въ результатѣ широкой классовой борьбы. Но Герценъ былъ очень далекъ отъ принципа классовой борьбы. Поэтому то, Герценъ, ссылаясь на отсутствіе у него „исключительной системы или духа партіи“, отказывался связывать осуществленіе „права на землю“ съ какимъ либо опредѣленнымъ методомъ дѣйствія. „Сред-

ства осуществленія безконечно различны, которое изберется—въ этомъ поэтическій капризъ исторіи,—мѣшать ему неучтиво". Это Герценъ писалъ 1 ноября 58 года, (мы просимъ запомнить эту дату, ибо къ ней намъ придется вернуться въ связи съ изложеніемъ точки зрѣнія Чернышевскаго), а ровно черезъ годъ, 1 ноября 59 г. онъ ставилъ на видъ начинавшему волноваться студенчеству—„великій примѣръ... крестьянскаго міра, ожидающаго въ величавомъ покоѣ уничтоженія позорнаго рабства". Въ этомъ сказывается уже знакомая намъ идея Герцена о томъ, что реализація его требованій возможна и желательна особымъ путемъ, путемъ „государственной санкціи народному понятію".

Такимъ то образомъ „право на землю", поднятое до высоты соціалистическаго принципа, объявленное „новымъ словомъ", которое должна была внести Россія въ „нерѣшенный споръ" Запада, на дѣлѣ отрывалось отъ своихъ корней, улетучивалось въ облака абстракцій, теряло свое значеніе принципа дѣйствій того класса, интересы котораго пыталось формулировать, санкціонировало „величавый покой" ожиданія и узаконяло тотъ „капризъ исторіи", который передалъ его судьбу въ руки его враговъ.

Единственный принципъ Герцена, въ которомъ сказались тенденціи рѣшительной и катастрофической борьбы съ крѣпостничествомъ, выступая въ реакціонно-утопической оболочкѣ, терялъ всякое возбудительное или просвѣтительное значеніе въ дѣятельности Герцена и его друзей. „Соціалистическая" фразеологія, такимъ образомъ, лишь скрывала существо дѣла. А оно—и на это мы обращаемъ спеціальное вниманіе читателя—заключалось въ томъ, что Герценъ колебался между либерально-бюрократиче-

скимъ и послѣдовательно-демократическимъ рѣшеніемъ вопроса объ „освобожденіи“. Въ этомъ именно, а не въ чемъ-либо другомъ лежитъ существо его позиціи.

Герценъ былъ однимъ изъ наиболѣе блестящихъ критическихъ умовъ конца первой и начала второй половины XIX столѣтія. Не было ни одной традиціонной „цѣнности“, ни одной формулы, ни одного авторитета, передъ которымъ бы остановился его критическій умъ. Единственное передъ чѣмъ онъ останавливался, единственное, что онъ дѣйствительно цѣнилъ и чему хотѣлъ служить, былъ соціализмъ. Самое его разочарованіе въ путяхъ Западной Европы было разочарованіе въ утопическомъ соціализмѣ, обратной стороной котораго (т.-е. разочарованія) было исканіе научнаго соціализма.

Между тѣмъ субъективная приверженность А. И. Герцена къ соціализму, преломляясь въ русской дѣйствительности того времени: дала нѣсколько неожиданные плоды. По отношенію къ этой дѣйствительности А. Герценъ — соціалистъ — сталъ консерваторомъ въ соціальныхъ вопросахъ, Герценъ — ярый врагъ деспотизма—сталъ умѣреннымъ либераломъ съ явнымъ уклономъ въ сторону либеральной бюрократіи, а единственный его принципъ, выражавшій по существу требованія крестьянской массы,—потерялъ всякое активное значеніе.

Въ концѣ своей дѣятельности Герценъ не разъ принужденъ былъ съ глубокой горечью констатировать, что исторія не идетъ предначертанной имъ дорогой. „Досадно,—писалъ онъ,—что исторія идетъ такими грязными и глухими проселками“.

Въ этомъ своемъ дѣйствительномъ ходѣ исторія создавала на двухъ противоположныхъ полюсахъ двѣ,

въ корнѣ другъ другу враждебныя, классовыя идеологіи: дворянскій, помѣщичій либерализмъ, съ одной стороны, и радикальный демократизмъ, выражавшій интересы крестьянства, съ другой. Эти теченія должны были рѣзко столкнуться и, конечно, А. Герценъ на дѣлѣ долженъ былъ оказаться ближе къ первому, чѣмъ ко второму. Къ этому столкновенію „брульоновъ", „змѣй" и „желчевиковъ", — такъ характеризовала либеральная мысль (Кавелинъ, Тургеневъ, Герценъ) представителей демократіи и въ первую очередь Чернышевскаго,—съ либерализмомъ въ его различныхъ оттѣнкахъ, мы теперь и перейдемъ.

ЛИБЕРАЛИЗМЪ И ДЕМОКРАТІЯ.

III. Н. Г. Чернышевскій.

...Но какъ между различными государствами споръ, если имѣетъ достаточную важность, всегда приходитъ къ военнымъ угрозамъ, точно такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, если дѣло немаловажно.

Н. Чернышевскій.

Сочиненія т. IX, стр. 241.

Въ недавно опубликованныхъ воспоминаніяхъ виднаго дѣятеля „крестьянской реформы“, П. Семенова Тянь-Шанскаго находится очень интересная характеристика „обычнаго права“, регулировавшаго земельныя отношенія въ крѣпостную эпоху.

„Основой этого права—пишетъ г. Семеновъ—было безспорное владѣніе крестьянъ тѣмъ количествомъ земли помѣстья, какое было, по общему сознанію, необходимо для прокормленія крестьянъ и обезпеченія ихъ повинностей передъ помѣщикомъ и государствомъ. Повинности эти, кромѣ личной службы помѣщику, а вмѣстѣ съ нимъ и государству, взятыхъ во дворъ людей, состояли въ томъ, что крестьянинъ-земледѣлецъ долженъ былъ обрабатывать въ пользу помѣщика столько же пахотной земли, сколько самъ получалъ

въ свое пользованіе. Отсюда и произошелъ, внесенный впослѣдствіи въ письменное законодательство императоромъ Павломъ I, законъ о трехдневной барщинѣ. Три дня въ недѣлю для работъ на себя, три дня для работъ на помѣщика, а седьмой день Господу Богу. Отсюда проистекала для насъ, помѣщиковъ, **обязанность давать всѣмъ вновь возникающимъ рабочимъ единицамъ** (тягламъ) **столько земли, насколько мы, помѣщики, хотѣли увеличить свою запашку**“ [1]).

Таково было то „право на землю“, которое—по мнѣнію Герцена—вносилъ русскій мужикъ, какъ новый принципъ, въ „нерѣшенный споръ“ буржуазіи и пролетаріата на Западѣ.

Однако, именно „освобожденіе“ крестьянъ какъ разъ этотъ то принципъ о правѣ на землю и сдѣлало предметомъ **русскаго** „спора“, и до сихъ поръ еще нерѣшеннаго.

Тотъ же г. Семеновъ, продолжая свои воспоминанія, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ центръ тяжести вопроса объ освобожденіи.

„...Самые дальновидные изъ дворянъ-помѣщиковъ великороссійскихъ губерній очень хорошо понимали, что центръ тяжести отданнаго на ихъ обсужденіе дѣла состоялъ не въ опредѣленіи личныхъ и юридическихъ правъ... крестьянъ..., что этотъ центръ тяжести находился также не въ административномъ устройствѣ... крестьянскихъ обществъ... Наоборотъ, весь центръ тяжести крестьянскаго дѣла находился, въ глазахъ дворянъ-помѣщиковъ и самихъ крестьянъ, въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, а **именно въ опредѣленіи правъ обоихъ**, доселѣ неразрывно связан-

---

[1]) „Вѣстн. Европы.“ 1911 г., кн. 2.

ныхъ между собой крѣпостными узами сословій на земли ихъ кондоминіума, (совладѣнія. Ю. К.), называемаго помѣстьемъ, на которыя оба эти сословія заявляли свои неотъемлемыя, по ихъ мнѣнію, права[1]).“

Два „сословія“ заявляли свои „неотъемлемыя“ права на землю—въ этомъ, дѣйствительно, заключалась сущность вопроса, поставленнаго экономическимъ крушеніемъ крѣпостного хозяйства. Личныя и юридическія права крестьянъ, а равно и административное устройство, говоря же общѣе и шире,—устройство политическое находилось въ непосредственной связи съ этимъ вопросомъ о томъ, какъ будетъ рѣшаться и какъ рѣшится столкновеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ интересовъ въ спорѣ о землѣ. Среди современниковъ крестьянской „реформы“ былъ одинъ человѣкъ, отдававшій себѣ полный отчетъ, во-первыхъ, въ связи политическаго устройства и борьбы за землю и, во-вторыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что предъявленіе двумя „сословіями“ своего права на ту же землю есть какъ разъ тотъ имѣющій „достаточную важность“ споръ, въ которомъ отстоять свое право можно лишь „прибѣгнувъ къ военнымъ угрозамъ“, а—далѣе—и къ „войнѣ“ [2]).

Этимъ человѣкомъ былъ Н. Г. Чернышевскій. Онъ былъ признаннымъ вождемъ той небольшой, но дѣятельной группы дѣйствительныхъ демократовъ, которые поняли, что крестьянству удастся отстоять свои права только въ томъ случаѣ, если оно проявитъ способность къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ и расши-

---

[1]) Ibid., стр. 45, курсивъ нашъ.

[2]) См. продолженіе цитаты, выписанной нами въ началѣ этой главы.

ритъ свой „споръ“ съ землевладѣльцами до „спора“ съ дворянствомъ.

Н. Г. Чернышевскій пришелъ къ этой реалистической постановкѣ вопроса не сразу. Онъ пережилъ и мимолетное увлеченіе въ томъ направленіи, которое ярче всего сказалось въ статьѣ Герцена, начинавшейся словами: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ Онъ отдалъ дань и тому аполитицизму, которое было связано съ утопической стадіей въ исторіи западно-европейской соціалистической мысли. Но ни то, ни другое не помѣшало ему къ извѣстному моменту стать дѣйствительнымъ представителемъ тѣхъ тенденцій въ русской жизни, которыя обозначали рѣшительный разрывъ съ экономическимъ и политическимъ крѣпостничествомъ. Его величіе, все растущее по мѣрѣ того, какъ выясняется колоссальная тяжесть впервые формулированной имъ задачи, и заключается въ томъ, что, при первой же попыткѣ крѣпостничества „облагодѣтельствовать“ народъ реформой „сверху“, онъ сумѣлъ въ ней, въ этой „реформѣ“ разглядѣть голую попытку крѣпостническаго самоуправленія, сумѣлъ разоблачить всю мизерность, все своекорыстіе, весь анти-демократизмъ воспѣвающаго „реформу“ либерализма, сумѣлъ, наконецъ, въ борьбѣ и съ крѣпостничествомъ и съ либерализмомъ сформулировать принципы дѣйствительно-демократической политики. Не имъ открывается исторія русскаго подполья, но онъ открываетъ собой исторію русскаго демократическаго, а впослѣдствіи и пролетарскаго подполья. И, что еще примѣчательнѣе, онъ открываетъ это новое подполье, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда старые, дворянскіе элементы послѣдняго — отъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ и вплоть до А. Герцена — оказываются почти сплошь увлеченными потокомъ идущаго сверху „обновленія“.

Уходя въ подполье въ такой моментъ, Чернышевскій не только бросалъ вызовъ всей „реформѣ“ и всему торговавшемуся о „реформѣ“ либерализму русскихъ помѣщиковъ, не только концентрировалъ на себѣ всю злобу и ненависть разоблачаемыхъ этимъ уходомъ бюрократическихъ и либеральныхъ „обновителей“, „освободителей“ и „народолюбцевъ“; онъ клалъ принципіальную грань между либеральными и демократическими методами обновленія Россіи.

Послѣ разрыва Чернышевскаго съ либеральнымъ подпольемъ эта грань уже ни разу не могла стереться Наоборотъ. Она должна была все болѣе и болѣе разростаться. И если искать первыхъ звеньевъ того столкновенія интересовъ либерализма и потребностей широкихъ массъ демократіи, которое мы наблюдали въ эпоху наиболѣе открытой общественной жизни Россіи, то этихъ первыхъ звеньевъ надо искать въ ожесточенныхъ литературныхъ схваткахъ съ либерализмомъ Чернышевскаго.

Что же обозначалъ уходъ Чернышевскаго въ подполье? Почему это „подполье“ такъ не нравилось либераламъ, даже тѣмъ изъ нихъ, которые (какъ Тургеневъ, а въ первые годы изданія „Колокола“ и Кавелинъ) сочувствовали тоже „подпольнымъ“ изданіямъ Герцена?

Потому что уходъ Чернышевскаго въ подполье обозначалъ апелляцію къ самодѣятельности массъ, — мотивъ совершенно чуждый не только Тургеневу или Кавелину, но и Герцену, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться въ предыдущей главѣ.

Теперь мы уже знаемъ, что исторія оправдала Чернышевскаго. Это случилось не такъ быстро, какъ того ожидалъ Чернышевскій. Это не измѣняетъ того, что либеральная мысль была совершенно права, когда ви-

дѣла въ Чернышевскомъ своего опаснаго, живучаго и сильнаго врага: она прозрѣвала въ немъ отраженіе крестьянской демократіи, которую либерализмъ готовъ былъ — по-своему — „облагодѣтельствовать“, но которую онъ отнюдь не желалъ видѣть активной и самостоятельной политической силой. Чтобы вполнѣ оцѣнить принципіальное значеніе борьбы Чернышевскаго съ либерализмомъ, надо немного остановиться на характеристикѣ самихъ либераловъ.

Люди, боровшіеся съ крѣпостниками за освобожденіе крестьянъ съ землей, не были соціалистами. Наоборотъ. Они были ярыми противниками соціализма и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ считали своимъ долгомъ посылать ему свои искреннія проклятія. Это тѣмъ ярче рисуетъ ихъ, что въ то время соціализмъ, какъ реальная сила, въ Россіи былъ равенъ нулю. Онъ фигурировалъ, съ одной стороны, лишь какъ призракъ испуганнаго воображенія крѣпостниковъ, съ другой стороны, какъ ни на чемъ не основанная идеализація „основныхъ началъ русскаго быта“ у Герцена. А утопическій соціализмъ самого Чернышевскаго обладалъ реальнымъ политическимъ значеніемъ лишь постольку, поскольку былъ у него связанъ съ демократическими тенденціями въ крестьянскомъ вопросѣ.

Но это не мѣшало, а послѣднее обстоятельство и подталкивало либераловъ къ самымъ рѣшительнымъ нападкамъ на соціализмъ. Одинъ изъ столповъ тогдашняго либерализма, Кавелинъ неоднократно выступалъ противъ „необузданныхъ теорій равенства, наполняющихъ исторію слезами и кровью“, и особенно охотно предостерегалъ Герцена противъ „знамени соціальной революціи“ [1]).

[1]) Письма К. Д. Кавелина, И. С. Тургенева и А. И. Герцена изд. 92 г., стр. 80.

У Ив. С. Тургенева его протестъ противъ „русскаго соціализма“, мессіанства, „не перебродившей соціально-славянофильской браги“, которую онъ правильно усматривалъ въ А. Герценѣ, цѣликомъ почти сливался съ протестомъ противъ соціализма вообще. „Что дѣлать? Я останусь индивидуалистомъ до конца—писалъ онъ Герцену;—и новое слово, выдуманное Бакунинымъ collectivisme—меня не подкупаетъ: нарушеніе личной свободы я вижу также и въ томъ, что онъ—довольно смутно—желаетъ представить“ [1]).

Но если правый либералъ, Кавелинъ, и довольно рѣшительно тогда настроенный Тургеневъ—типъ западно-европейскаго радикала—сходились на отрицаніи соціализма, то не за ихъ антисоціалистичность нападалъ на нихъ соціалистъ Чернышевскій. Въ равной мѣрѣ и соціализмъ Герцена не могъ помѣшать Чернышевскому рѣшительно разойтись съ нимъ изъ-за политической линіи перваго.

Въ расхожденіи Чернышевскаго съ либералами дѣло было не въ соціализмѣ. Онъ и не ждалъ отъ нихъ соціализма. Дѣло шло объ аграрной программѣ и объ ихъ отношеніи къ методамъ политическаго переустройства Россіи.

Въ средѣ тогдашнихъ либераловъ не было ни одного голоса за признаніе при „освобожденіи“ собственностью крестьянъ той части земли, которая находилась въ ихъ фактическомъ владѣніи при крѣпостномъ правѣ. Наоборотъ. Либералы сходились съ крѣпостниками въ признаніи „неотъемлемыхъ правъ“ помѣщиковъ на всю землю, Основной вопросъ о томъ, какъ должна быть распредѣлена земля даннаго помѣ-

---

[1]) Тамъ же. стр. 203. Тургеневъ пишетъ ошибочно congregationiste.

стья между помѣщикомъ и крестьянами согласно и единогласно рѣшался и либералами и крѣпостниками въ томъ духѣ, что крестьянство никакихъ правъ на землю не имѣетъ. Разногласіе начиналось только съ вопросомъ о томъ, что будетъ выгоднѣе для помѣщика: „освободить“ ли крестьянина безъ обязательства купить у помѣщика необходимый первому участокъ земли, или уже при самомъ „освобожденіи“ обязать крестьянъ покупкой этой земли. Тутъ вступали въ свои права различія въ хозяйственныхъ интересахъ различныхъ группъ самихъ помѣщиковъ. Черноземное дворянство, цѣнившее выше всего землю и готовое ее обрабатывать вольнымъ трудомъ—стояло за полное „освобожденіе“ крестьянъ отъ земли. Дворянство промышленныхъ, нечерноземныхъ губерній стояло за обязательную покупку крестьянами части помѣщичьей земли. Это называлось „освобожденіемъ крестьянъ съ землею“ и люди стоявшіе за подобный планъ „реформы“ почитались либералами. Глава этихъ либераловъ, Унковскій, обосновывая этотъ планъ писалъ: „...Справедливость требуетъ, чтобы помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ„. „Выдача же капитала—пояснялъ далѣе этотъ либеральный „освободитель“—необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками“.

Столь откровенно выраженная мотивировка либеральной аграрной программы отнюдь не была личнымъ достояніемъ Унковскаго. Извѣстно, что первенство здѣсь принадлежитъ главѣ тогдашнихъ либераловъ, сотруднику „Колокола“, профессору Кавелину, идею котораго о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ цитированный нами г. П. Семеновъ называетъ даже его

„безсмертной заслугой въ исторіи великой эпохи".

Либеральная мысль того времени выше этого проэкта не поднялась. Мало того. Она оказалась очень удовлетворенной и тогда, когда соотвѣтствующія ухудшенія позволили правительству принять этотъ проэктъ и ввести его въ „положеніе" 19 февраля. Тургеневъ, котораго отнюдь нельзя упрекнуть въ увлеченіи петербургскими реформаторами, поторопился уже черезъ $1^1/_2$ года послѣ 19 февраля записать: „не должно забывать что какія бы ни были послѣдствія отъ „Положенія" для дворянъ—крестьянинъ разбогатѣлъ и, какъ они выражаются раздобрѣлъ отъ него"... [1])

Между тѣмъ, что же обозначало это совпаденіе исходнаго пункта либеральнаго проэкта съ исходными пунктами крѣпостнической программы? Только то, что либеральный—по своему общему значенію несомнѣнно шедшій по буржуазной линіи—проэктъ самъ стоялъ на почвѣ крѣпостническихъ отношеній, что онъ былъ не проэктомъ разрыва съ крѣпостничествомъ, а приспособленія къ крѣпостничеству. Этотъ проэктъ оставлялъ въ исходномъ пунктѣ всего цикла преобразованій 60-хъ годовъ нетронутой силу крѣпостниковъ; этимъ самымъ онъ отдавалъ въ руки послѣднихъ всю послѣдующую исторію, и когда впослѣдствіи либерализмъ стоналъ отъ „засилія" крѣпостниковъ, когда онъ самъ сталъ задыхаться въ ихъ объятіяхъ, онъ въ своей собственной исторіи могъ найти объясненіе силы послѣднихъ. Интересы новой, буржуазной Россіи ея либеральными представителями были съ первыхъ же шаговъ принесены въ жертву классовымъ интересамъ крѣпостническаго помѣщичьяго землевладѣнія; послѣ этого само „надѣленіе" крестьянъ землею должно

---

[1]) Тамъ-же. стр. 154, курсивъ Тургенева.

было превратиться и превратилось въ орудіе новаго закабаленія крестьянъ.

Либералы оказались слугами крѣпостниковъ, болѣе того, они указали старому крѣпостничеству тѣ методы обновленія и укрѣпленія, которыхъ самъ онъ, быть можетъ, не нашелъ бы—вотъ что стало ясно Чернышевскому уже въ этотъ моментъ, когда либералы казались—на поверхностный взглядъ—носителями россійскаго прогресса и самоотверженными борцами съ силами стараго режима.

Для Чернышевскаго было ясно, что этотъ споръ между крѣпостниками и либералами во всякомъ случаѣ велся за счетъ крестьянской демократіи, которой и крѣпостническій и либеральный планъ одинаково отказывали въ землѣ, кромѣ какъ на тѣхъ условіяхъ, которыя были бы выгодны помѣщикамъ.

Неоднократно цитировались уже слова, вложенныя Чернышевскимъ въ уста Волгина, въ которыхъ онъ характеризуетъ тогдашнихъ либераловъ. „Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы [1]) съ компаніей!—вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то!“ Это—въ устахъ Чернышевскаго далеко не просто—бранныя слова; въ нихъ помѣчены не личныя свойства того или другого либерала, а обрисовано объективное положеніе тогдашняго либерализма. „Хвастунами, болтунами, дурачьемъ оказывались либералы постольку, поскольку отстаивая на словахъ освобожденіе крестьянъ, они на дѣлѣ, своей практической программой укрѣпляли и подновляли крѣпостничество.

При такомъ противорѣчіи между тѣмъ, что думалъ

---

[1]) Подъ именемъ Рязанцева, какъ извѣстно, выведенъ Кавелинъ.

о своей роли либерализмъ (и что о немъ думали многіе простодушные люди), и тѣмъ, что онъ представлялъ на самомъ дѣлѣ,—либералы неизбѣжно вырождались въ хвастуновъ и болтуновъ.

„Толкуютъ: освободимъ крестьянъ,—говорилъ Волгинъ нѣсколькими строками выше сейчасъ цитированныхъ словъ.—Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ... Станутъ освобождать. Что выйдетъ?

Натурально что:... выйдетъ мерзость".

Ясно, что хотѣлъ сказать Чернышевскій этими словами. Онъ полагалъ, что „такое дѣло", какъ освобожденіе, не можетъ и не должно быть сдѣлано либералами, что будучи сдѣлано ихъ „силами"—оно выродится въ „мерзость", что для дѣйствительнаго освобожденія нужны другія „силы", силы самого освобождающагося народа.

Экономическая программа т а к о г о освобожденія неизбѣжно была прямо враждебна экономической программѣ либераловъ.

Въ программѣ крестьянской демократіи, которую формулировалъ Чернышевскій, о выкупѣ „и помину" по его же словамъ, не было. Онъ же вложилъ въ уста к р ѣ п о с т н и к а въ „Прологѣ" слѣдующую характеристику крестьянской программы: „Вся земля мужицкая, выкупа никакого! Убирайся помѣщики, пока живы!"

Полная экспропріація помѣщичьихъ земель—такова несомнѣнно была общая мысль аграрной программы Чернышевскаго. Она нашла себѣ выраженіе и въ его прокламаціи „Къ барскимъ крестьянамъ" и въ написанномъ имъ въ Сибири „Прологѣ". Онъ не могъ ее, конечно, выразить цѣликомъ въ своихъ подцензурныхъ работахъ, но и въ нихъ онъ давалъ такія формулировки размѣровъ реформы, которыя представляли открытое покушеніе крестьянской демократіи не только

на земли уже обрабатываемыя крестьянами, но и на ту часть земель, которая числилась подъ помѣщичьей запашкой. Уже въ 59 году, въ январьской книжкѣ „Современника“ онъ говорилъ о „прибавкахъ къ прежнему надѣлу“ въ такомъ размѣрѣ, чтобы пространство земли, отходящей къ крестьянамъ, сравнялось по объему съ землей, которая останется за помѣщиками“, и поясняетъ тутъ же, что „для этого нужно въ очень многихъ помѣстьяхъ очень сильно увеличить крестьянскій надѣлъ; такъ чтобы въ общемъ итогѣ онъ увеличился почти на цѣлую треть противъ нынѣшняго“.

Это былъ минимальный разсчетъ, на почвѣ котораго Чернышевскій въ 59 году находилъ еще возможнымъ разговаривать съ помѣщиками.

Но если даже взять этотъ, такъ сказать, легальный минимумъ программы крестьянской демократіи и сравнить его съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ осуществлено при „освобожденіи“, то и этого будетъ достаточно, чтобы наглядно убѣдиться въ колоссальныхъ размѣрахъ той пропасти, которая лежала между помѣщичьей и демократической программой.

По разсчетамъ А. Лосицкаго, повторяемымъ всѣми позднѣйшими изслѣдователями этого вопроса, въ великороссійскихъ губерніяхъ при освобожденіи было отрѣзано отъ крестьянскихъ надѣловъ въ пользу помѣщиковъ 23,2% надѣльной земли. Чернышевскій, какъ мы видѣли, требовалъ минимальной прирѣзки въ размѣрѣ 33,3%. Сравнительно съ минимальной программой Чернышевскаго крестьянство получило земли на 73% (56,5% : 76,8%) **меньше**.

Эти 73% земли, необходимыхъ крестьянству и оставленныхъ въ владѣніи помѣщиковъ, достаточно рельефно рисуютъ размѣры противорѣчія между минимальными потребностями крестьянской демократіи и

интересами „освобожденія“. Что могло быть передъ лицомъ этого противорѣчія законнѣе той ненависти, которую питалъ Чернышевскій къ либерализму, воспѣвавшему „реформу“?

Но этого мало. Либералы стояли за выкупъ, Чернышевскій былъ рѣшительно противъ него.

Въ предыдущей главѣ мы уже приводили его пророческую характеристику выкупа—какъ обязательной покупки, которая будетъ только разорять крестьянъ.

Выкупъ фактически—былъ данью, которую вступившая на путь буржуазнаго развитія Россія уплачивала крѣпостничеству, данью, которая надолго должна была обезсилить само буржуазное развитіе. Въ своемъ качествѣ вѣрныхъ слугъ крѣпостничества либерализмъ стоялъ принципіально за эту дань. Эту дань заплатило—крестьянство. И надо сказать, что эта дань по своимъ размѣрамъ вполнѣ походила на контрибуцію съ завоеванной страны. Оффиціальныя данныя свидѣтельствуютъ, что по 45 губ. крестьяне заплатили въ среднемъ за десятину на 79,5% дороже, чѣмъ эта десятина дѣйствительно стоила по рыночнымъ цѣнамъ 63—67 г.г. Въ одной нечерноземной полосѣ крестьяне заплатили помѣщикамъ за землю 342 милліона рублей, хотя ея дѣйствительная цѣнность не превышала 155—180 мил. [1]).

Теперь намъ достаточно ясно, чѣмъ обусловливалось столкновеніе Чернышевскаго и либераловъ.

Это было столкновеніе крестьянской демократіи стремившейся въ силу своихъ классовыхъ интересовъ къ полному разрыву съ крѣпостничествомъ и тѣмъ самымъ прокладывавшей путь свободному буржуазному развитію Россіи, съ дворянскимъ либерализмомъ,

---

[1]) А. Лосицкій. Выкупная операція.

не сходившимъ принципіально съ почвы крѣпостническихъ отношеній, отстаивавшимъ дворянское землевладѣніе и выкупъ, какъ орудіе новаго закабаленія крестьянства, и тѣмъ самымъ отдававшимъ дальнѣйшее развитіе Россіи всѣмъ мукамъ и страданіямъ „недостаточнаго развитія капитализма.

Негодованіе Чернышевскаго противъ либеральныхъ сторонниковъ „реформы“ было предвосхищеніемъ того медленно нараставшаго протеста противъ основъ „реформы“, который зрѣлъ въ широкихъ массахъ демократіи въ теченіе ближайшаго полустолѣтія. Ясно и то почему Чернышевскій не находилъ нужнымъ „горячиться“ по поводу того, „кто станетъ освобождать крестьянъ—либералы или помѣщики“. „Вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться“..., писалъ онъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ иначе долженъ быть выведенъ за предѣлы торговъ либерализма и крѣпостничества за счетъ демократіи; а поставить его иначе можетъ лишь самодѣятельность демократіи, разсуждалъ Чернышевскій, и все больше - больше искалъ путей общенія съ послѣдней. Онъ нашелъ этотъ путь, спустившись въ подполье: его ближайшіе ученики подъ непосредственнымъ его вліяніемъ стали основателями перваго общества со знаменемъ „Земля и Воля“, а ему самому принадлежитъ первое въ исторій русской общественности непосредственное обращеніе — „къ барскимъ крестьянамъ“. Этимъ онъ намѣтилъ путь всего дальнѣйшаго развитія русской демократической мысли, поскольку она высвобождалась изъ-подъ власти либеральныхъ иллюзій.

Но не иначе обстояло дѣло и въ политической области. И тутъ Чернышевскій не видѣлъ причинъ „волноваться“, поскольку вопросъ оставался

въ границахъ, намѣченныхъ споромъ крѣпостниковъ и либераловъ. И здѣсь единственный вопросъ, который его дѣйствительно волновалъ, заключался въ томъ: имѣются ли достаточныя силы, чтобы выйти за предѣлы спора либераловъ съ крѣпостниками.

Мы уже указали, что великой заслугой Чернышевскаго является то, что въ эпоху, когда наиболѣе спутаны были представленія о связи между характеромъ экономической реформы и характеромъ тѣхъ политическихъ силъ, которыя ее проводили, когда Герценъ видѣлъ въ современномъ ему политическомъ строѣ Россіи одну изъ важнѣйшихъ гарантій правильнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, что въ эту эпоху Чернышевскій по-матеріалистически представлялъ себѣ связь экономики и политики въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса [1]).

Уже въ 59 году, какъ бы въ противовѣсъ Герцену, Чернышевскій непосредственно связываетъ общей цѣпью и крѣпостное право и тѣ силы, которыя провозгласили крестьянскую рефому. „Все это, пишетъ онъ въ статьѣ „Суевѣріе и правила логики", перечисляя россійскія нехватки,—все это и не только это, но такъ же и крѣпостное право, и упадокъ на-

---

[1]) Ученикъ Фейербаха, Н. Г. Чернышевскій былъ матеріалистомъ въ философіи. Однако онъ далеко не послѣдовательно проводилъ свой философскій матеріализмъ въ области изслѣдованія общественныхъ явленій. Въ этой области онъ далеко не дошелъ до той послѣдовательности, которая позволила Марксу и Энгельсу превратить соціализмъ „изъ утопіи въ науку". Чернышевскій оставался соціалистомъ-утопистомъ. Это не мѣшало ему въ отдѣльныхъ случаяхъ (какъ, напр., въ томъ, который насъ сейчасъ интересуетъ) высказываться, какъ матеріалисту и въ области общественныхъ явленій.

родной энергіи, и умственная наша неразвитость,—всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти". И въ этой же статьѣ онъ еще яснѣе опредѣляетъ эту „коренную причину", когда, иронизируя надъ негодностью русскаго языка къ выраженію извѣстныхъ понятій, пишетъ: „Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ—этими словами все сказано, и нечего прибавлять къ нимъ". [1])

Нужно вспомнить, что это говорилось въ то время, когда даже Герценъ связывалъ всѣ свои надежды съ тѣмъ обстоятельствомъ, что абсолютизмъ легко можетъ „выбрать" путь народной политики, чтобы понять, какъ далеко ушелъ Чернышевскій въ своихъ политическихъ взглядахъ отъ массы либеральнаго общества.

Политическія домогательства дворянства въ эпоху „освобожденія" крестьянъ въ обѣихъ своихъ формахъ—крѣпостнической и либеральной—исходили изъ одного и того же источника, изъ стремленія оказать непосредственное вліяніе на ходъ крестьянской „реформы". Борьба вокругъ экономической программы реформы внутри дворянства должна была отразиться и на характерѣ его политическихъ притязаній. Крѣпостники мечтали объ аристократической олигархіи либералы не прочь были въ своей борьбѣ съ крѣпостниками фигурировать въ качествѣ „народныхъ, безсословныхъ представителей". Но и самые крайніе либералы не посягали на измѣненіе самого характера власти. Сошлемся хотя бы на Драгоманова, котораго

---

[1]) Сочиненія, т. IV, 556.

трудно заподозрить въ неумѣренности и который ссылаясь на самый либеральный адресъ той эпохи, адресъ тверского дворянства, писалъ: „Необходимо помнить, что движеніе, какое происходило тогда въ дворянскихъ собраніяхъ, имѣло въ виду не столько собственно конституцію, сколько именно реформу, полицейскую, судебную, административную,—организацію земскаго самоуправленія и т. д.“.

Но всѣ эти „реформы“, неизбѣжно связанныя съ основной, крестьянской „реформой“, такъ же мало соотвѣтствовали интересамъ крестьянской демократіи, и такъ же мало способны были ее удовлетворить, какъ и само „освобожднie“.

Это несоотвѣтствіе было настолько ясно, что его понималъ не только Чернышевскій, но и Кавелинъ. Выводы ихъ были очень различны, конечно. Въ то время какъ Чернышевскій понималъ „волю“ такъ же широко, какъ понималъ „землю“, Кавелинъ ярче другихъ выразилъ либеральный страхъ передъ волей, рекомендуя дворянству самоуправленіе, какъ предѣльный лозунгъ.

Для характеристики либерализма не можетъ быть ничего болѣе интереснаго, какъ письмо Кавелина къ Герцену отъ 6/18 апрѣля 62 г.

„Не знаю, что вы скажете, писалъ Кавелинъ, а эта игра въ конституцію меня пугаетъ такъ, что я ни о чемъ другомъ и думать не могу. Разбѣсятъ дворяне мужиковъ до послѣдней крайности... и пойдетъ потѣха. Это ближе и возможнѣе, чѣмъ кажется. Наше историческое развитіе страшно похоже на французское: не дай Богъ, чтобы результаты его были такъ же похожи... Я скоро буду всѣми силами стоять за существующій безпорядокъ, т.-е. за всѣ реформы, но противъ конституціи. Дурачье не

понимаетъ, что ходитъ на угольяхъ, которыхъ не нужно расшевеливать, чтобы не вспыхнули и не произвели взрыва“ [1]).

„Я счелъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ,—писалъ тотъ же столпъ либерализма черезъ мѣсяцъ еслибъ, совѣтовалъ барину, попу, мужику, офицеру, студенту ускоривать процессъ разложенія обветшалыхъ историческихъ общественныхъ формъ“ [2]).

Уже тогда просвѣщенные либералы, какимъ несомнѣнно былъ Кавелинъ, стояли передъ той самой дилеммой, изъ которой они не выбрались и до сихъ поръ. Съ одной стороны гнетущая бюрократія, съ другой, боязнь своей борьбой съ ней, „расшевелить уголья“ демократической борьбы.

Какъ въ экономической, такъ и въ политической области либерализмъ больше всего опасался, какъ бы освобожденіе крестьянъ не пошло по французскому пути. Именно упоминаніе о немъ и показываетъ, что Кавелинъ былъ не только либераломъ просвѣщеннымъ, хорошо отдававшимъ себѣ отчетъ въ сравнительной выгодности для классовыхъ интересовъ русскаго либерализма различныхъ путей освобожденія крестьянъ. Этотъ либерализмъ уже въ 50—60-хъ г. г. имѣлъ, однако, не менѣе просвѣщеннаго врага въ лицѣ Чернышевскаго. Послѣдній не даромъ приблизительно въ то же время, котда Кавелинъ высказывалъ опасеніе передъ возможностью французскаго пути для русской демократіи, въ своихъ разговорахъ съ Добролюбовымъ, (Левицкимъ „Пролога“) предсказывалъ: „Придетъ серьезное время... Подымется буря, вѣроятнѣе

---

[1]) Письма Кавелина etc., стр. 47.
[2]) Тамъ же, стр. 57.

всего во Франціи...[1]) Въ 1830 г. буря прошумѣла только по западной Германіи, въ 1848 году захватила Вѣну и Берлинъ. Судя по этому, надобно думать, что въ слѣдующій разъ она захватитъ Петербургъ и Москву“ [2]).

И передъ лицомъ этого метода рѣшенія вопросовъ, интересующихъ демократію, либерализмъ, заранѣе претившій французскаго пути, казался Чернышевскому— „мелкимъ, презрѣннымъ, отвратительнымъ для всякаго умнаго человѣка;—для умнаго радикала, такимъ же отвратительнымъ, какъ и для умнаго консерватора пустымъ, сплетническимъ, трусливымъ, подлымъ и глупымъ либеральничаніемъ“ [3]).

При столь ясномъ пониманіи противоположности интересовъ крестьянской демократіи и дворянскаго и дворянско-буржуазнаго либерализма, Чернышевскій не могъ не стать живымъ воплощеніемъ пробуждающихся силъ демократіи противъ тѣхъ политическихъ и экономическихъ экспериментовъ, изъ-за размѣровъ которыхъ конкурировали либерализмъ и крѣпостничество. Этой своей ролью изобличителя анти-демократизма либераловъ онъ сдѣлался имъ ненавистнымъ, „Они слишкомъ угрюмы“—писалъ о Чернышевскомъ и его друзьяхъ Герценъ, хотя—по истинѣ невѣдомо чему было радоваться Чернышевскому, наблюдая либеральное издѣвательство надъ народными потребностями. „Свистунами“ и „желчевиками“ называлъ онъ ихъ въ дру-

---

[1]) Сочиненія, т. X, ч. I.

[2]) Курсивъ нашъ. Достойно усиленнаго вниманія это одновременное обращеніе мысли и Кавелина и Чернышевскаго именно къ Франціи.

[3]) Тамъ же. И какъ бы для того, чтобы оттѣнить свою близость къ Кавелинскому либерализму, г. П. Милюковъ хочетъ не видѣть въ стремленіи къ аграрному перевороту 60 г. г. ничего другого кромѣ „наивной и безпомощной попытки молодежи“. См. Рѣчь, № отъ 19 февраля 1911 г.

гомъ мѣстѣ, вызывая одобреніе Тургенева, который писалъ Герцену: „И за насъ, низшихъ, заступился. Спасибо".

Кавелинъ же по поводу ареста Чернышевскаго и его друзей писалъ тому же Герцену: „Аресты меня не удивляютъ, и признаюсь тебѣ, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолѣетъ... Такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ. И было бы за что погибать!.."

Это недурной заключительный аккордъ къ спору Чернышевскаго съ либерализмомъ. Либералъ понялъ, что Чернышевскій объявилъ войну, понялъ тѣхъ, кто на это отвѣтилъ арестомъ, а затѣмъ и каторгой, но не понялъ, за что погибъ Чернышевскій. „Погибъ" же Чернышевскій за то, что въ эпоху крѣпостническаго и либеральнаго обмана народа „освобожденіемъ" онъ бралъ на себя трудную задачу разоблаченія этого обмана, разоблаченія всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя несло народу крѣпостническими руками проведенное „освобожденіе". Онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы аппелировать къ самой демократіи, призывая ее самое защищать свои нужды, никому не передовѣряя этого дѣла. Въ тотъ моментъ демократія не откликнулась. Вопросъ былъ рѣшенъ помимо ея, не по французски. Но дѣло Чернышевскаго могло терпѣть пораженія, но не могло умереть. Онъ не принадлежалъ къ „жрецамъ минутнаго, поклонникамъ успѣха". „Будь, что будетъ, а будетъ и на нашей улицѣ праздникъ", писалъ онъ уже въ крѣпости. Онъ оказался правъ въ томъ смыслѣ, что правильно намѣтилъ неизбѣжность столкновенія, что понялъ движущія силы всего процесса. Поэтому именно онъ въ ту эпоху представлялъ будущее демократіи и всей Россіи, поскольку только борьба демократіи могла вывести Россію изъ тупика

азіатскаго крѣпостничества и либеральнаго своекорыстія.

Первая широкая попытка крѣпостничества укрѣпить свое положеніе путемъ буржуазной реформы увѣнчалась сравнительнымъ успѣхомъ. Крестьянство было освобождено безъ земли, но съ обязательствомъ покупать плохую землю по высокой оцѣнкѣ у помѣщика по одному его одностороннему требованію.

Либерализмъ не только не оказалъ достаточнаго сопротивленія, но оказался пѣвцомъ этой „реформы".

Крестьянская демократія принуждена была уступить почти безъ боя, отдавъ авторамъ „реформы" своего идеолога—Чернышевскаго—въ качествѣ военно-плѣннаго.

Но развитіе не могло быть остановлено.

Замедленнымъ и труднымъ путемъ Россія переходила къ новымъ соціальнымъ отношеніямъ, покуда и въ ней не выросъ классъ, способный къ рѣшительной борьбѣ со всѣми формами рабства. Тогда пробудилась и крестьянская демократія, которую тщетно призывалъ Чернышевскій. Опять былъ поставленъ вопросъ о „землѣ". Опять либерализмъ предалъ интересы демократіи.

И пораженіе демократіи опять поставило на очередь вопросъ о „реформѣ сверху", предотвращающей повтореніе попытки рѣшить вопросъ снизу. Либерализмъ еще разъ готовится сыграть роль пѣвца реформы и ея дружественнаго критика.

Въ такой моментъ послѣдовательная демократія не можетъ лучше почтить юбилей крестьянской „реформы", какъ воспоминаніемъ о томъ, кто былъ ея рѣшительнѣйшимъ критикомъ и почти единственнымъ въ ту эпоху представителемъ дѣйствительно-освободительныхъ тенденцій въ русской демократіи.

ПИСЬМА ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(**Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными.** Статья Е. Ляцкаго и примѣчанія М. Н. Чернышевскаго Три тома. Изд. тов. „Огни“).

Для широкихъ крутовъ читающей публики произведенія Н. Г. Чернышевскаго стали доступными лишь въ 1905—6 г.г., съ выходомъ въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій его. Книжки „Современника“ давно стали библіографической рѣдкостью, а заграничныя изданія (съ 1868 г. вплоть до 900-хъ годовъ заграницей издавались и переиздавались и отдѣльныя статьи и сборники статей Чернышевскаго) были и неполны и трудно доставаемы.

Однако и собраніе сочиненій 905—6 г.г.—превосходно, кстати сказать, выполненное—далеко не дало всего, чего вправѣ русская демократія требовать отъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится литературное наслѣдіе Чернышевскаго. Н. Г. Чернышевскій былъ поистинѣ первоучителемъ русской демократіи, и она должна имѣть возможность познакомиться съ нимъ ц ѣ л и к о м ъ. Между тѣмъ въ указанное собраніе сочиненій не вошли ни дневники Чернышевскаго, ни его переписка.

Правда, сибирская переписка Чернышевскаго въ выдержкахъ была уже дана г. Русановымъ въ „Рус-

скомъ Богатствѣ" за 1910 г., а его дневники до сибирскаго періода продолжаютъ разрабатываться въ рядѣ статей г. Ляцкаго. Но, надо сознаться, что, выдержки и цитаты, произведенныя хотя бы самой умѣлой и бережливой рукой, далеко отстаютъ по своему интересу и значенію отъ изданія подлинниковъ. Лучшимъ средствомъ удовлетворить законные интересы читателей является, поэтому, какъ можно болѣе быстрое изданіе всего литературнаго наслѣдія Чернышевскаго съ необходимыми комментаріями.

Первымъ приступомъ къ пополненію существенныхъ пробѣловъ въ этомъ отношеніи является прекрасно изданные три выпуска его писемъ изъ Сибири (1865—83 г.г.).

Они являются цѣннымъ вкладомъ въ характеристику личности Чернышевскаго. Съ ними долженъ познакомиться всякій русскій гражданинъ, не беззаботный насчетъ исторіи русской общественной мысли и привыкшій уважать ея работниковъ,—особенно такихъ работниковъ-г е р о е в ъ, какимъ былъ Николай Гавриловичъ.

Впрочемъ, мы должны предупредить читателей переписки Чернышевскаго: чтеніе это доставитъ ему много мучительныхъ минутъ. Письма Чернышевскаго изъ Сибири—это повѣсть человѣка великаго ума и благороднаго сердца, подвергнутаго изощренной и медленной пыткѣ врагами свободной мысли.

Письма написаны ровнымъ, спокойнымъ тономъ, разсчитаннымъ на успокоеніе родныхъ. Ни жалобы ни проклятія не срывается съ устъ ихъ автора. Но чѣмъ спокойнѣе тонъ писемъ, чѣмъ веселѣе и удовлетвореннѣе старается показаться ихъ авторъ, тѣмъ яснѣе чувствуется скрытая за спокойнымъ, а иногда и шутливымъ тономъ трагедія. Тутъ не только одна изъ

безчисленныхъ трагедій лишенія свободы. Тутъ драма великаго писателя XIX в., ввергнутаго въ среду дикарей и лишеннаго всякаго средства общенія съ культурной средой.

Матеріальныя условія жизни Чернышевскаго были, конечно, очень тяжелы. Онъ такъ ревностно заботился о спокойствіи своей жены и дѣтей, что, если судить только по письмамъ къ нимъ,—можно подумать, что за все время своей жизни въ Сибири Чернышевскій ни разу не страдалъ хотя бы насморкомъ. Изъ письма въ письмо переходятъ эти строки: „Сообщаю тебѣ обыкновенныя мои, хорошія, извѣщенія о себѣ: я совершенно здоровъ и живу превосходно; денегъ у меня много, и все, нужное для комфорта, я имѣю въ изобиліи". И „здоровье", и „комфортъ", и „изобиліе",—все это поминается лишь для спокойствія родныхъ. На дѣлѣ не было ни здоровья, ни комфорта, ни изобилія. Сибирь наградила Чернышевскаго зобомъ, ревматизмомъ и скорбутомъ. О „комфортѣ" достаточно говоритъ хотя бы то, что за все время Чернышевскій не могъ посовѣтоваться съ врачемъ, а хининъ долженъ былъ выписывать изъ Петербурга, откуда онъ шелъ съ полгода! Когда на ногахъ у него появились язвы, онъ писалъ сыну: „Я не лѣчилъ этихъ язвинокъ: я не знаю, чѣмъ ихъ лечатъ; и не знаю, слѣдуетъ ли ихъ лечить"... Выписывая лекарства, онъ долженъ считаться съ перепуганнымъ невѣжествомъ своихъ церберовъ и переводить названія по-русски: „ученыхъ терминовъ не употребляю, чтобы изъ-за справокъ о ихъ значеніи не было задержки письму". И при этихъ условіяхъ Чернышевскій находитъ въ себѣ силы писать: „Я живу здѣсь, какъ въ старину живали, вѣроятно, и теперь живутъ помѣщики средней руки"...

Не таковъ былъ Чернышевскій, чтобы на него ока-

зали вліяніе матеріальныя лишенія. Сильнѣе должна была дѣйствовать другая сторона, уготованной ему врагами демократіи жизни.

Нужно сказать, что, будучи очень важнымъ матеріаломъ для характеристики личности Чернышевскаго опубликованная часть переписки даетъ немного новаго для характеристики его какъ мыслителя и общественнаго дѣятеля. Для этого есть достаточныя основанія. Во-первыхъ, всѣ почти (издателями въ первомъ выпускѣ, напр., отмѣчены только 2 исключенія) письма проходили, прежде чѣмъ попасть къ адресату, черезъ руки полицейскихъ и жандармскихъ властей. Чернышевскій зналъ это и это обстоятельство, естественно, не располагало его къ откровенности и къ свободному обсужденію интересовавшихъ его вопросовъ. Тутъ кстати будетъ отмѣтить поразительную щепетильность, съ которой Чернышевскій ограждалъ своихъ знакомыхъ и даже случайно встрѣчавшихся съ нимъ лицъ отъ возможныхъ непріятностей въ результатѣ сношеній съ ссыльно-каторжнымъ „государственнымъ преступникомъ“. Извѣстно, что еще въ 80 г.—т.-е. черезъ 16 лѣтъ послѣ ссылки—Александръ II говорилъ гр. Лорисъ-Меликову: „Напрасно ты просишь о Чернышевскомъ; ты не знаешь его: это человѣкъ крайне опасный,—иначе нигилисты не старались бы такъ высвободить его“. Это мнѣніе властей о себѣ Чернышевскій зналъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, и съ преувеличенной иногда заботливостью стремился оградить всѣхъ его окружавшихъ отъ результатовъ сношеній съ „крайне-опаснымъ“ человѣкомъ. „У меня правило:—пишетъ Чернышевскій—по возможности не видаться ни съ кѣмъ“. Онъ уходитъ отъ своихъ вилюйскихъ знакомыхъ, когда узнаетъ, что къ нимъ долженъ зайти пріѣзжій докторъ; онъ готовъ видѣться только съ

тѣми, кто „по своему чину считаетъ себя человѣкомъ выше возможности испортить себѣ репутацію знакомствомъ со мною". По этой же причинѣ онъ не поддерживаетъ знакомства съ тоже ссыльнымъ сотрудникомъ „Современника" М. И. Михайловымъ. Предлагая свое сотрудничество редактору „В. Европы", М. Стасюлевичу, Чернышевскій пишетъ: „имѣть дѣло съ Чернышевскимъ не можетъ быть пріятностью ни для кого на свѣтѣ", и кончаетъ просьбой „не отвѣчать ему". Письмо къ одному своему родственнику онъ начинаетъ такъ: „Получать письма отъ меня непріятный сюрпризъ", и кончаетъ: „не къ кому было написать, кромѣ Васъ. Простите же. И ни въ какомъ случаѣ не отвѣчайте мнѣ". И даже вернувшись изъ Сибири, уже въ Астрахани, Чернышевскій начинаетъ узко-дѣловое письмо къ Гольцеву (см. сб. Памяти В. А. Гольцева стр. 158) сомнѣніемъ въ томъ, „не долженъ ли я считать мое письмо къ Вамъ дурнымъ поступкомъ относительно Васъ".

Уже это достаточно характеризуетъ съ какимъ чувствомъ велъ свою переписку Чернышевскій и почему въ своей большой части она носитъ преимущественно личный характеръ.

Но была для этого и еще одна причина.

Чернышевскій былъ мыслителемъ и проповѣдникомъ, пропагандистомъ идей демократіи и экономической справедливости. Въ неустанной пропагандѣ этихъ идей былъ для него смыслъ жизни. Здѣсь онъ былъ способенъ проявить невиданную энергію. Внѣ этого жизнь превращалась въ безсмысленное и истощающее прозябаніе. Въ натурѣ Чернышевскаго эта черта до того ясна, что даже самые ожесточенные враги его не могли ея не замѣтить. Такъ, напр., одинъ изъ самыхъ отвратительныхъ наслѣдниковъ людей, замучившихъ

Чернышевскаго, среди ряда невѣжественныхъ мерзостей о немъ, долженъ былъ написать: „Съ самаго Петра (I-аго) мы не наблюдаемъ еще натуры, у которой каждый часъ бы дышалъ, каждая минута жила и каждый шагъ обвѣянъ „заботой объ отечествѣ“... Такія лица рождаются вѣками; и бросить ее въ снѣгъ и глушь, въ ели и болото... это... это чортъ знаетъ, что такое. Уже читая его слогъ, прямо чувствуешь: никогда не устанетъ, никогда не угомонится; мыслей—пучокъ, пожеланій—пукъ молній. Именно „перуны“ въ душѣ... Такіе орлы крыльевъ не складываютъ, а летятъ и летятъ, до убоя, до смерти или побѣды“. Вотъ слова врага, неумѣющаго даже подступить къ оцѣнкѣ идей Чернышевскаго, но, видимо, сильно почувствовавшаго силу натуры Чернышевскаго. Къ тому, чтобы обезплодить кипучую энергію мысли Н. Г., чтобы лишить его, прирожденнаго идейнаго борца, возможности вліять на жизнь своего времени—и была направлена вся забота его тюремщиковъ. Онъ былъ лишенъ возможности что-либо печатать. Но этого мало. „Хорошо для меня,—пишетъ Чернышевскій,—что я способенъ перечитывать до двадцати разъ одну и ту же книгу. Благодаря этому, недостатка въ чтеніи у меня нѣтъ“! „Здѣшніе люди—какъ вездѣ: есть дурные, есть хорошіе; но всѣ они совершенно чужды всякихъ качествъ, по которымъ люди могутъ быть нескучными для меня собесѣдниками... и я не вижусь рѣшительно ни съ кѣмъ, кромѣ слуги, не умѣющаго говорить по-русски, потому не собесѣдника, разумѣется; не вижусь ни съ кѣмъ по цѣлому мѣсяцу“. „Якуты—неопрятные дикари; и объякутившіеся русскіе, конечно, таковы“. Такъ жилъ Чернышевскій: безъ возможности работать, безъ книгъ почти, безъ собесѣдниковъ, среди „неопрятныхъ дикарей“, въ „полудикой и совершенно нищенской мѣстности“.

Въ письмѣ отъ 73 года находится слѣдующая характеристика той среды, въ которой Чернышевскій прожилъ долгіе годы. „Вся сумма жизни отъ истоковъ Лены до океана составляетъ такую сумму знаній и новостей, которой достанетъ—на полъ-часа разговора въ годъ. Больше надобно не требовать: все тоже, все тоже".

Оставалось жить книгами, что и дѣлалъ Чернышевскій. Но вести бесѣду о той жизни и о тѣхъ вопросахъ, которые онъ находилъ въ книгахъ,—было не съ кѣмъ, его корреспонденты стояли далеко отъ его интересовъ. Не было цѣли и въ сохраненіи того, что писалъ Чернышевскій: онъ жегъ и топилъ все, что имъ писалось въ Вилюйскѣ. Писалъ онъ цѣлыми днями и изо дня въ день, а сохранилось изъ всего этого лишь то, что самъ Чернышевскій считалъ наиболѣе легальнымъ и наименѣе напоминавшимъ кругъ его дѣйствительныхъ интересовъ: стихи, сказки, нѣсколько фантастическихъ повѣстей... Пытка, которой былъ подвергнутъ Чернышевскій, быть можетъ, ярче всего вскрывается въ тѣхъ простыхъ словахъ, которыми онъ самъ характеризовалъ то, чего ему, мыслителю и борцу, недоставало въ Сибири. „Я могъ бы—писалъ онъ—привести въ примѣръ, сходный съ моими книжными недостатками, жизнь тѣхъ ученыхъ, которые работали для науки до изобрѣтенія книгопечатанія".

Быть на вершинѣ всѣхъ знаній XIX вѣка, стоять на уровнѣ интересовъ и стремленій передовыхъ его элементовъ и впродолженіи 20 лѣтъ быть поставленнымъ въ условія жизни XII или XIII в.в.—вотъ трагедія, которую переживалъ Чернышевскій въ Сибири и которую онъ старательно затушевывалъ въ своихъ письмахъ ради спокойствія своихъ родныхъ.

И несмотря на все это, письма Чернышевскаго представляютъ громадный интересъ, прежде всего, въ психологическомъ отношеніи. У насъ есть уже нѣсколько работъ посвященныхъ не идеямъ, а чувствамъ, психической природѣ людей 40-хъ годовъ („Любовь идеалистовъ 40-хъ годовъ", Милюкова, „Любовь Огарева", Гершензона), но кажется, никто еще не обратилъ вниманія на эту сторону въ изученіи людей 60-хъ годовъ. Здѣсь пристрастная легенда господствуетъ цѣликомъ: два, три избитыхъ словечка: нигилисты, рѣзали лягушекъ, да парадоксъ Вл. Соловьева о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, какъ императивѣ къ добрымъ дѣламъ,—этимъ и ограничивается все представленіе русскаго образованнаго общества о внутренней жизни людей 60-хъ годовъ.

Достаточно вспомнить отзывы Герцена о поколѣніи Чернышевскаго, Тургеневскую характеристику отношенія Базарова и Одинцовой,—а ихъ взгляды въ этомъ отношеніи остаются господствующими въ извѣстной средѣ и до сихъ поръ,—и сопоставить ихъ съ „личными" страницами переписки Чернышевскаго, чтобы понять, какъ глубоко отличалась подлинная душевная жизнь шестидесятниковъ отъ той каррикатуры, которая создалась въ представленіи не только Крестовскихъ и Лѣсковыхъ, но и Герцена даже.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Огареву, Герценъ писалъ по поводу „Что дѣлать" (которое онъ по идеямъ, впрочемъ, оцѣнивалъ довольно высоко): „Какое дрянное поколѣніе, котораго эстетика этимъ удовлетворена". Съ презрѣніемъ писалъ онъ о „представителяхъ семинаріи и Васильевскаго Острова", о „семинарско-петербургско-мѣщанскомъ" обличіи знаменитаго романа.

У насъ нѣтъ мѣста, чтобы детально сопоставить

эти характеристики съ перепиской Чернышевскаго, но одно можно сказать: переписка Чернышевскаго (какъ и новыя данныя изъ жизни Добролюбова), этого виднѣйшаго представителя своего поколѣнія, бьетъ въ лицо этимъ каррикатурамъ на духовное обличіе 60-никовъ. Герценъ былъ не только представителемъ другого поколѣнія, не только представителемъ другого теченія общественно-политической мысли, нежели Чернышевскій: ему былъ органически-враждебенъ и непонятенъ самый психологическій типъ разночинца, онъ могъ цѣнить Чернышевскаго какъ идейнаго борца, но не могъ понять ни его мысли, ни его духа. И для пониманія этого взаимно-враждебнаго отношенія и для обрисовки во весь ростъ высокаго духовнаго склада людей 60-хъ годовъ и—значитъ—для разрушенія либерально-реакціонной легенды о разночинцахъ—переписка Чернышевскаго съ женой драгоцѣннѣйшій матеріалъ.

Независимо отъ этого общаго интереса письма Чернышевскаго интересны рядомъ высказанныхъ въ нихъ мыслей по самымъ различнымъ вопросамъ науки и общественной жизни. Письма слѣдующаго періода удѣляютъ послѣднимъ вопросамъ гораздо больше мѣста, чѣмъ тѣ, которыя вошли въ первый выпускъ. Но и въ немъ есть рядъ очень интересныхъ отрывковъ. Въ письмѣ отъ 1 ноября 73 г. намѣчена критика дарвинизма, впослѣдствіи, уже по возвращеніи изъ Сибири, развитая подробно въ спеціальной статьѣ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ находится у Чернышевскаго любопытная, хотя по цензурнымъ условіямъ и изложенная эзоповскимъ языкомъ, критика половинчатости буржуазныхъ революцій, буржуазнаго половинчатаго прогрессизма и прогрессистовъ. „О, эти прогрессисты,—пишетъ Чернышевскій,—

умные люди. Одна бѣда имъ и отъ нихъ: глупцы напишутъ глупости; они не потрудятся вникнуть въ дѣло, а перепишутъ все сплошь, замѣняя напримѣръ, аскетическіе термины механическими, или консервативные эпитеты—прогрессивными, или, наоборотъ: прогрессивные термины,—если писавшій глупецъ воображалъ себя прогрессистомъ, то—консервативными въ переписываніи чужой рукой воображаемаго консерватора". Чернышевскій продолжаетъ. „Изо всѣхъ книгъ, какія читывалъ я, только у Людвига Фейербаха не находилъ я глупостей. Фейербахъ не былъ то, что называютъ прогрессистомъ". Далѣе Чернышевскій ссылается на предисловіе къ фейербаховскимъ „Лекціямъ о религіи" и формулируетъ его точку зрѣнія такъ: „я не могу участвовать въ совершеніи чудесъ"—т.-е., чудесъ нелѣпости, которая провозглашаетъ себя прогрессивнымъ образомъ мыслей и всяческими благородными именами". „Я—заканчиваетъ Чернышевскій—всегда былъ человѣкомъ, смѣявшимся надъ прогрессистами всякихъ сортовъ".

Стоитъ развернуть указанное Чернышевскимъ предисловіе Фейербаха, чтобы уразумѣть, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь у Чернышевскаго. Въ указанномъ мѣстѣ—правда, въ терминахъ философскихъ, а не общественно-политическихъ—Фейербахъ критикуетъ половинчатость мартовской (48 г.) революціи въ Германіи, ея непослѣдовательность и указываетъ, что оставался въ ея время простымъ зрителемъ, ибо заранѣе предвидѣлъ ея исходъ. „Если снова вспыхнетъ революція, и я приму въ ней дѣятельное участіе, то—пишетъ Фейербахъ—вы можете быть увѣреннымъ, что эта революція будетъ побѣдоносной, что это наступитъ страшный судъ монархіи и іерархіи. Къ сожалѣнію, этой революціи я не увижу въ живыхъ"... Послѣ этой

справки для насъ нѣтъ сомнѣнія, что цитированныя мѣста Чернышевскаго имѣютъ въ виду именно половинчатость буржуазіи, которой Чернышевскій противопоставлялъ соціализмъ. Утопическіе черты этого „соціализма“, противопоставленнаго „политикѣ“, выясняются въ приведенномъ отрывкѣ Чернышевскаго достаточно явно.

Можно также думать, что на данномъ письмѣ, особенно тамъ, гдѣ говорится объ „энтузіастахъ“, отразились впечатлѣнія Чернышевскаго отъ парижской коммуны. По крайней мѣрѣ, въ воспоминаніяхъ товарищей Чернышевскаго по ссылкѣ остались указанія на то, что онъ съ самаго начала франко-прусской войны предсказывалъ побѣду Германіи и „пророчилъ коммуну, гибель ея и конечное торжество буржуазіи“.

По поводу той же войны онъ писалъ 12 янв. 71 г. (въ одномъ изъ писемъ, шедшихъ съ оказіей, а не оффиціальнымъ путемъ).

„Для всего континента Западной Европы начинается новый періодъ жизни. Какъ отразятся результаты торжества Германіи на Россіи? Мы здѣсь еще не знаемъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло по требованію русскаго правительства имѣть флотъ на Черномъ морѣ... Но и теперь легко предвидѣть, что будетъ съ Россіей черезъ два, три года—или черезъ годъ?—Вотъ этого только еще не вижу я отсюда: будетъ ли отсрочка хоть на три или хоть на два года столкновенію Россіи съ Западной Европой,—или оно уже началось. Бѣдный русскій народъ, тяжело придется ему въ этомъ столкновеніи. Но результатъ будетъ полезенъ для него. И тогда, мой другъ, понадобится ему правда. Я уже не молодъ, мой другъ; но помни: наша съ тобою жизнь впереди... Чему быть, того не миновать. И тогда мы съ тобой увидимъ, жалѣть ли намъ о томъ, что вотъ

столько лѣтъ пришлось мнѣ, отъ нечего дѣлать, все учиться, все думать. Мы увидимъ: это пригодилось для нашей родины".

Это точное предсказаніе Восточной войны 77 г.

Чернышевскій ошибся, ошибся въ с р о к а х ъ, а не въ опредѣленіи судебъ русскаго народа. То, на что надѣялся Чернышейскій пришло значительно позже, не послѣ ближне-восточной, а послѣ дальне-восточной войны, лишь въ началѣ слѣдующаго столѣтія, въ 1905 г. Но работа Чернышевскаго не прошла даромъ. Именно въ этомъ сознаніи плодотворности совершенной имъ работы Чернышевскій могъ находить опору при той 20-лѣтней пыткѣ, которой подвергли его враги русской демократіи при молчаливомъ попустительствѣ такихъ либераловъ—холоповъ, какъ Кавелинъ.

Особенно интересны среди писемъ Чернышевскаго новыя подтвержденія ближайшей зависимости философскихъ взглядовъ Чернышевскаго отъ Л. Фейербаха („единственнаго мыслителя нашего столѣтія, у котораго были совершенно вѣрныя, по-моему, понятія о вещахъ", вып. II, стр. 126) и матеріалистовъ-естественниковъ. Не менѣе интерестны и тѣ мѣста переписки, гдѣ Чернышевскій сталкивается съ вопросами историческаго характера. Сравнивая эти мѣста, легко видѣть, какъ близко тогда подходилъ Чернышевскій къ матеріалистическому истолкованію историческихъ явленій и въ то же обще-„просвѣтительное" представленіе объ историческомъ процессѣ. Тамъ, гдѣ Чернышевскій толкуетъ объ отдѣльныхъ историческихъ явленіяхъ, онъ даетъ иногда прекрасные образчики перваго метода. Таковъ, напр., его набросокъ исторіи папъ и религіозныхъ распрей въ средніе вѣка. Сталкиваясь съ обычнымъ для буржуазныхъ историковъ „идеалистическимъ" истолкованіемъ этихъ явленій, Чернышевскій безпо-

щадно изобличаетъ ихъ „ребяческія иллюзіи“. Считать эти факты,—говоритъ онъ о крестовыхъ походахъ и религіозныхъ междоусобіяхъ,—совершавшіеся подъ знаменемъ церкви, дѣлами, происходившими по религіознымъ мотивамъ,—иллюзія. Эмблемы, знамена, были церковныя. Мотивы были обыкновенные, житейскіе. Вообще, надо сказать, что въ своемъ заслуженно-презрительномъ отношеніи къ оффиціальной, профессорской, гелертерской учености, Чернышевскій больше всего напоминаетъ Маркса, усиленно прививавшаго рабочему классу критическое отношеніе къ самымъ высокимъ авторитетамъ буржуазной науки. Не устаетъ высмѣивать ихъ „ребяческую наивность“ въ вопросахъ обществознанія и Чернышевскій. „Русскіе ученые моего времени,—пишетъ онъ сыну,—находили, что я мало уважаю знаменитыхъ ученыхъ. Я слишкомъ уважалъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ, которыхъ не стоило нисколько уважать“.

Но разставшись разъ навсегда съ „ребяческими иллюзіями“ буржуазнаго обществознанія, становясь въ истолкованіи отдѣльныхъ историческихъ явленій на матеріалистическую точку зрѣнія, Чернышевскій въ исходныхъ пунктахъ своихъ историческихъ взглядовъ оставался „просвѣтителемъ“. Во второмъ выпускѣ писемъ объ этомъ особенно наглядно свидѣтельствуетъ письмо къ сыновьямъ отъ 11 апрѣля 1877 г., въ которомъ, разсматривая „гадкія эффектныя дѣла“ исторіи, онъ не идетъ въ анализѣ ихъ происхожденія далѣе „обыкновенной дѣятельности обыкновенныхъ слабостей массы недурныхъ людей.

По понятнымъ причинамъ, въ письмахъ Чернышевскаго меньше всего говорится о русскихъ дѣлахъ. Но одна небольшая замѣтка его, непосредственно касающаяся Россіи, очень заслуживаетъ вниманія. Получивъ

книгу кн. Васильчикова: „Землевладѣліе и земледѣліе", Чернышевскій пишетъ сыну: „Эти предметы перестали занимать меня. Я увидѣлъ, что они мелочны. Важность не въ этихъ спеціальностяхъ, а въ общемъ характерѣ обычаевъ... У народовъ, желающихъ жить, какъ живутъ люди, а не дикія животныя, всякій частный недостатокъ бытового устройства исправляется безъ большихъ хлопотъ собственно объ его исправленіи. Итакъ: все сводится къ вопросамъ не матеріальнаго, а нравственнаго порядка".

Какъ понимать эти слова? Если принятъ во вниманіе жандармскую цензуру, съ одной стороны, и характеръ книги кн. Васильчикова, съ другой,—то, по нашему, нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что заключительныя слова приведенной цитаты должны толковаться не какъ выраженіе обще-историческихъ взглядовъ Чернышевскаго, а лишь какъ указаніе на то, что въ Россіи на первой очереди стоитъ политическая реформа, что ключъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса надо искать не въ частностяхъ, не въ той или другой системѣ обработки и т. д., а прежде всего въ политическомъ преобразованіи Россіи. Чернышевскій недаромъ прожилъ эпоху крестьянской реформы 61 г.... За наше толкованіе говоритъ и все то, что мы знаемъ о политическихъ взглядахъ Чернышевскаго послѣ ссылки. Сломать Чернышевскаго его врагамъ такъ и не удалось, и собраніе его писемъ останется памятниковъ смѣлой мысли и непреклонной воли...

„Согласился-ли бъ я вычеркнуть изъ моей судьбы этотъ переворотъ, который подвергнулъ тебя—писалъ Чернышевскій женѣ—на цѣлыя девять лѣтъ (они растянулись на 20!—Ю. К.) въ огорченія и лишенія? За тебя я жалѣю, что было такъ. За себя самого, совершенно доволенъ. А думая о другихъ,—объ этихъ де-

сяткахъ милліоновъ нищихъ, я радуюсь тому, что безъ моей воли и заслуги придано больше прежняго силы и авторитетности моему голосу, который зазвучитъ же когда нибудь въ защиту ихъ". Но Чернышевскій зналъ, что онъ не только жертва враговъ демократіи, но и жертва неразвитости, неподготовленности къ борьбѣ самой демократіи. „Горьки и обидны для нихъ (для „десятковъ милліоновъ нашихъ", Ю. К.) мои мысли о нихъ. Льстить имъ, я не гожусь"—писалъ онъ. „Это—историческія надобности"—писалъ Чернышевскій о своей и своихъ настоящихъ и будущихъ товарищей судьбѣ [1]). Русская демократія слишкомъ долго позволяла совершаться этимъ „историческимъ надобностямъ". И она же должна постараться, чтобы произведенія и судьба людей, принесенныхъ въ жертву „исторической надобности", стали достояніемъ слѣдующихъ поколѣній. Изданіе сибирской переписки Чернышевскаго напоминаетъ, какъ мало сдѣлано еще для возстановленія исторіи политической борьбы въ Россіи, какъ мало разработана еще исторія политической мысли, виднѣйшимъ представителемъ которой былъ

---

[1]) Давно извѣстно, что Чернышевскому издавна была ясна его судьба. Указанія на это имѣются и въ разсматриваемыхъ письмахъ. Но, кажется, впервые появляется выдержка изъ письма О. С. Чернышевской, чрезвычайно характерная и для самаго Чернышевскаго и для той атмосферы, которая его окружала. Сыновья Чернышевскаго въ заботахъ объ облегченіи его участи—рѣшили предложить матери подать прошеніе объ этомъ. Жена Чернышевскаго отвѣчала: „для васъ обоихъ я сдѣлаю то, что вы хотите. Но знайте, что это будетъ сдѣлано противъ моей, и навѣрное противъ желанія вашего отца. Я никогда не ждала ничего для Н. Г. Я знала, что его сгноятъ тамъ. Для чего же кланяться? Все это напрасно! Ничего не будетъ лучше... Фамилія Чернышевскаго проклята Богомъ!"

Чернышевскій, какъ скудны еще наши свѣдѣнія объ исторіи политической ссылки.

Это послѣднее обстоятельство отразилось и на разматриваемой книгѣ. Въ интересной и хорошо написанной статьѣ г. Ляцкаго, вводящей въ переписку, сильнѣе всего чувствуется пробѣлъ именно въ свѣдѣніяхъ о политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ приходилось жить Чернышевскому.

Библиотека
Института В. И. Ленина

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Фонтанка д. № 38, кв. 19. Тел. 227-42.

Сочиненія М. Горькаго.

Томъ десятый. **Жизнь ненужнаго человѣка** . . ц. 1 р. — к.
Томъ одиннадцатый. **Городокъ Окуровъ** . . . „ 1 „ — „
Томъ двѣнадцатый. **Матвѣй Кожемякинъ.** Кн. I. „ 1 „ 75 „
Томъ тринадцатый. **Матвѣй Кожемякинъ.** Кн. II. „ 1 „ 85 „
Томъ четырнадцатый. **Лѣто** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ пятнадц. **Мать** . ц. 3 р. — к.
Томъ шестнадцатый. **Пожаръ** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ семнадцатый. **Сказки** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ восемнадцатый. **Хозяинъ.—Три дня** . . „ 1 „ 50 „
Томъ девятнадц. **По Руси** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ двадцатый. **Дѣтство** . . . . . „ 2 „ — „

М. Горькій. О писателяхъ-самоучкахъ. Цѣна 25 коп.

Сочиненія Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Уральскіе разсказы. Т. I. ц. 1 р. 50 к.
Уральскіе разсказы. Т. II. „ 1 „ 50 „
Уральскіе разсказы. Т. III. „ 1 „ 50 „
Уральскіе разсказы. Т. IV. „ 1 „ 50 „
Приваловскіе милліоны. Т. I. . . . . ц. 1 р. 50 к.
Приваловскіе милліоны. Т. II. . . . . „ 1 „ 50 „

Полное собраніе сочиненій Скитальца.

Томъ первой. **Сквозь строй!** . . . . . ц. 1 р. 50 к.
Томъ второй. **За тюремной стѣной** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ третій. **Полевой судъ.** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ четвертый. **Огарки.** ц. 1 р. 50 к.
Томъ пятый. **Этапы.** . . „ 1 „ 50 „
Томъ шестой. **Метеоръ.** . „ 1 „ 50 „
Томъ седьмой. **Месть.** . „ 1 „ 50 „
Томъ восьмой. **Пѣсни.** . „ 1 „ 50 „

Полное собраніе сочиненій Семена Юшкевича.

Томъ первый. **Распадъ.** ц. 1 р. — к
Томъ второй. **Ита Гайне.** „ 1 „ 50 „
Томъ третій. **Евреи.** . „ 1 „ 50 „
Томъ четвертый. **Наши сестры** . . . . . „ 1 „ 25 „
Томъ пятый. **Прологъ** . „ 1 „ 50 „
Томъ шестой. **Невинные.** „ 1 „ 50 „
Томъ седьм. **Въ городѣ.** „ 1 „ 50 „
Томъ восьмой. **Очерки дѣтства** . . . . . „ 1 „ — „
Томъ девятый. **Комедія брака** . . . . . ц. 1 р. 50 к.
Томъ десятый **Драма въ домѣ** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ одиннадц. **Вышла изъ круга** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ двѣнадцатый. **Голуби** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ тринадцатый. **Леонъ Дрей** Ч. I. . . „ 1 „ — „
Томъ четырнадц. **Леонъ Дрей** Ч. II. . . . . „ 1 „ — „
Человѣкъ воздуха . . . „ 1 „ — „

Сочиненія А. М. Ѳедорова.

Весенній вѣтеръ . . . . ц. 1 р. — к.
Утро . . . . . „ 1 „ — „
Сила крови . . . . . „ 1 „ — „
Подвигъ . . . . . ц. 1 р. — к.
На востокъ . . . . . „ 1 „ 50 „
Стихотворенія . . . . „ 1 „ — „

Собраніе сочиненій Н. Ф. Олигера.

Томъ шестой. **Сибирь** ц. 1 р. 50 к.
Томъ седьмой. **Опасные люди** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ восьмой. **Принцесса** „ 1 „ 50 „
Томъ девятый. **Ночныя тѣни** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ десятый. **Обреченные** . . . . . ц. 1 р. 50 к.
Томъ одиннадц. **Банкротъ** . . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ двѣнадц. **Пустыня** „ 1 „ 50 „

Сочиненія Нѣмоевскаго.

Заглавіе конфисковано . . ц. 1 р. — к.
Сократъ . . . . . „ 1 „ — „
Ашуръ и Мушуръ . . . . ц. 1 р. — к.
Листопадъ . . . . . „ — „ 75 „

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Фонтанка, д. № 38, кв. 19. Тел. 227-42.

К. и О. Ковальскіе.

Двуликій богъ. Романъ.
Т. I. Ч. 1 и 2 . . . . ц. 1 р. 50 к.
Двуликій богъ. Романъ.
Т. II. Ч. 3 и 4 . . . . „ 1 „ 50 „

Къ новымъ берегамъ.
Романъ . . . . . ц. 1 р. 50 к.
Земные странники . . . „ 1 „ 50 „
Солнце сѣвера . . . . „ 1 „ 50 „

С. Гусевъ-Оренбургскій.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Разсказы . ц. 1 р. — к.
Томъ II. Хозяинъ . . „ 1 „ — „
Томъ III. Страна отцовъ . . . „ 1 „ — „
Томъ IV. Въ приходѣ „ 1 „ 25 „
Томъ V. Золот. сонъ „ 1 „ — „
Томъ VI. Надъ поёмой . . . . „ 1 „ 50 „
Томъ VII. Дьяконъ и смерть . . „ 1 „ 50 „
Томъ VIII. Недоумѣніе „ 1 „ — „
Томъ IX. Мгла . . . . „ 1 „ — „
Томъ X. Курычанск. прихожане. ц. 1 р. — к.
Томъ XI. Враги . . . „ 1 „ — „
Томъ XII. Въ глухомъ уѣздѣ . . . „ 1 „ — „
Томъ XIII. Люди . . . „ 1 „ — „
Томъ XIV. Призракъ . . „ 1 „ 25 „
Томъ XV. Борьба . . . „ 1 „ 50 „
Томъ XVI. Разсказы . „ 1 „ 50 „
Томъ XVII. Разсказы . „ 1 „ 50 „

Байронъ. Манфредъ. — Небо и земля.—Каинъ. Въ пер. П. А. Бунина. ц. 1 р. — к.
Адамъ Мицкевичъ. Конрадъ Валленродъ. Пер. М. Славинскаго „ — „ 60 „
В. Муйжель. Опустошеніе „ 1 „ 50 „
В. Муйжель. Въ царствѣ мертвыхъ . . . . . „ 1 „ 50 „
В. Муйжель. Передъ лицомъ смерти . . . . „ 1 „ 50 к
В. Муйжель. Хуторъ № 16 „ 1 „ 40 „
Н. М. Осиповичъ. Старая исторія . . . . . „ 1 „ 50 „
Адамъ Бѣльскій. Плѣнная мысль . . . . . „ 1 „ 50 „
Адамъ Бѣльскій. Разск. „ 1 „ — „
Демьянъ Бѣдный. Диводивное и др. сказки. „ — „ 15 „
Демьянъ Бѣдный. Басни. „ — „ 60 „
В. В. Брусянинъ. Въ рабочихъ кварталахъ . „ 1 „ — „
В. В. Брусянинъ. Часъ смертный . . . . . „ 1 „ 25 „
В. В. Брусянинъ. Темный ликъ . . . . . „ 2 „ — „
В. В. Брусянинъ. Въ странѣ оверъ . . . . . „ 1 „ 25 „
В. В. Брусянинъ. Трагедія Михайловскаго замка Ч. III . . . . . „ 2 „ 50 „
Лозина-Лозинскій. Одиночество . . . . . „ 1 „ 50 „
Сельма Лагерлефъ. Легендѣ о Христѣ . . . „ 1 „ 50 к.
С. Т. Семеновъ. Въ міру „ 1 „ — „

А. Грушецкій. Саранча Т. I и II по . . . . . „ 1 „ 50 „
А Грушецкій. Обреченные „ 1 „ 50 „
А. Грушецкій. Кроты . . „ 1 „ 50 „
Влад. Бончъ-Бруевичъ Знаменіе времени . . ц. 1 р. — к.
Влад. Бончъ-Бруевичъ Избранныя произведенія русск. поэзіи. „ 2 „ — „
А. А. Богдановъ. Т. I. Подъ ласковымъ солнцемъ „ 1 „ 50 „
А. А. Богдановъ. Т. II. Волжская кипень. . . „ 1 „ 50 „
А. А. Богдановъ. Т. III. Бездомные . . . . . „ 1 „ 50 „
Т. Кончевскій. Серебристыя вершины . . . „ 1 „ — „
И. С. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту . . . „ — „ 50 „
Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины . . . . . „ — „ 50 „
С. Караскевичъ. Кипарисный царь . . . . . „ 1 „ 25 к.
Д. Айзманъ. Вѣрность . „ 1 „ 25 „
Д. Айзманъ. Дѣти . . . „ 1 „ 25 „
Д. Айзманъ. Бѣлая пустошь . . . . . „ 1 „ 50 „
О. Рунова. Лунный свѣтъ „ 1 „ 50 „
О. Рунова. Мудрость жизни . . . . . „ 1 „ 50
О. Рунова. Въ старыхъ усадьбахъ . . . . . „ 1 „ 50 „
О. Рунова. Какъ это было „ 1 „ 50 „
О. Рунова. Летящія тѣни „ 1 „ — „

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".

Петроградъ, Фонтанка, д. 38. кв. 19. Тел. 227-42.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго религіозно-общественнаго движенія въ Россіи.

Подъ редакціей *Владимира Бончъ-Бруевича.*

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ. — **Баптисты.—Бѣгуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчествѣ.—Павловцы.—Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты.**

Цѣна 2 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2 руб. 75 коп.**

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.—**„Животная книга духоборцевъ".**

Записалъ и собралъ *Вл. Бончъ-Бруевичъ.*

Въ „Животную книгу" входитъ болѣе четырехсотъ различныхъ произведеній устной литературы духоборцевъ. Вступительная статья В. Д. Бончъ-Бруевича: „Изложеніе міровоззрѣнія духоборцевъ".

Цѣна 2 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2 руб. 75 коп.**

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ. — **Штундисты. — Духовные скопцы. — Постники.—Свободные христіане.**

СОДЕРЖАНІЕ: Погребальное распоряженіе Тимофея Артемовича Зайца (южно-русскаго штундиста).—Его портретъ.—Факсимиле.—Сказаніе о самомъ себѣ и о закавказскихъ ссыльныхъ за вѣру, Т. А. Зайца.—Письма Т. А. Зайца къ разнымъ лицамъ.—Памяти Тимофея Артемовича Зайца, Вл. Бончъ-Бруевича.—Дѣдушка Тимофей Зайцевъ, стихотвореніе Е. Титарчука.—Упованіе духовныхъ скопцовъ, С. Фарфоровскаго.—Жизнь Алексѣя (въ поискахъ лучшей жизни), А. М. Мироненко.—Старая вѣра, М. П. Новикова.—Разсказъ Марфы Гордѣевны Чегодаевой, урожденной Самротиной. Записалъ К. М. Дробининъ.—Искатель истины, К. М. Дробинина.—Поѣздка въ Стародубье, И. С. Абрамова.

Цѣна 2 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**2 руб. 75 коп.**

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Новый Израиль.**

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе: исторія возникновенія, изложеніе ученія, бытъ, нравы, обряды, обычаи, литература и современное положеніе новоизраильской общины, Вл. Бончъ-Бруевича. Духовный алфавитъ XXI вѣка, статьи новоизраильтянъ: В. С. Лубкова, С. М. Мишина, А. В. Кудрявцева, Н. С. Голубева, С. А. Сушкова, П. Юргенса, М. Забѣлина, и друг.—Сіонскія пѣсни новоизраильтянъ.—Со многими портретами и иллюстраціями.

Цѣна 5 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**5 руб. 75 коп.**

ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды.**

Томъ I. **Цѣна 4 руб.** Въ хорошемъ переплетѣ **4 руб. 75 коп.**

СЕДЬМОЙ ВЫПУСКЪ.—**Чемреки.**—(Отвѣтвленіе Стараго Израиля).

Вопросы и отвѣты.—Рукописи.—Разсужденія.—Духовные стихи.—Описанія жизни.—Письма и пр.—Рисунки.—Портреты.

Цѣна 8 руб. Въ хорошемъ переплетѣ—**10 руб.**

Печатаются и готовятся къ печати:

ШЕСТОЙ ВЫПУСКЪ. **Полное собраніе соч. Г. С. Сковороды.** Томъ II.

ВОСЬМОЙ ВЫПУСКЪ. **Постоянные Молокане.**

ДЕВЯТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Духовные Молокане.**

ДЕСЯТЫЙ ВЫПУСКЪ. **О. Стефанъ Подгорный и его почитатели**

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Духовный Алфавитъ Новаго Израиля.**

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ. **Скопцы.**

Выписывающіе изданія книгоиздательства «Жизнь и Знаніе» не менѣе чѣмъ на два рубля непосредственно изъ нашего магазина — (Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19, кв. 9)—**за пересылку не платятъ. Упаковка за счетъ покупателя.**

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227—42.

С. П. Аржановъ.

Преподаватель Вольскаго кадетскаго корпуса.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ

Анатоміи и физіологіи растеній.

(Въ связи съ біологіей).

Учебникъ составленъ примѣнительно къ программамъ 1911 года для кадетскихъ корпусовъ и дѣйствующимъ программамъ высшихъ начальныхъ училищъ. Съ 80 рисунками въ текстѣ. **Цѣна 60 коп.**

Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“ принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ.

Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.

Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.

Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія библіотеки и читальни.

Подбираетъ книги для частныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

Книжный складъ принимаетъ изданія, какъ на комиссію, такъ и на главный складъ.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Въ Петроградѣ книги, по желанію, доставляются на домъ.

Заказы принимаются по телефону.

Просимъ сообщать намъ адреса лицъ, интересующихся книгой, чтобы мы могли имъ постоянно, изъ года въ годъ, высылать наши каталоги.

Каталоги высылаются безплатно.

Выписывающіе изданія книгоиздательства „Жизнь и Знаніе“ не менѣе, чѣмъ на два рубля, непосредственно изъ нашего магазина — (Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19) — **за пересылку не платятъ. Упаковка за счетъ заказчика.**

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства „Жизнь и Знаніе“ просятъ адресовать такъ: **Книжный складъ и магазинъ** (или книгоиздательство) **„Жизнь и Знаніе“. Владимиру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу. Петроградъ,** Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227—42.

Текстъ книги печатался въ тип. „Печатный Трудъ“, Петроградъ, Прачешный, 4. Обложка—въ типографіи Л. Я. Ганзбурга. Петроградъ, Мытнинская ул., д. 11.